

Министерство образования Российской Федерации

Алтайский государственный университет

На правах рукописи

Гамаюнова Юлия Ивановна

Историко-этимологическое исследование названий эмоций
в русском языке XI – XVII вв.
(семантический и лингвокультурологический аспекты)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –

доктор филологических наук,

профессор Л.И.Шелепова

Барнаул - 2003

Содержание

	Стр.
Введение	4
Глава 1. Теоретические и методологические основы исследования	14
Выводы	32
Глава 2. Типы семантического переноса (семантические модели) в названиях эмоций	34
2.1. Эмоция как психологическая категория	34
2.2. Наименования эмоций <i>страха</i>	39
2.2.1. Метафора в названиях эмоций <i>страха</i>	39
2.2.2. Метонимия в названиях эмоций <i>страха</i>	42
2.3. Наименования эмоций <i>грусти</i>	49
2.3.1. Метафора в названиях эмоций <i>грусти</i>	49
2.3.2. Метонимия в названиях эмоций <i>грусти</i>	56
2.4. Наименования эмоций <i>гнева</i>	62
2.4.1. Метафора в названиях эмоций <i>гнева</i>	62
2.4.2. Метонимия в названиях эмоций <i>гнева</i>	68
2.5. Наименования эмоций <i>стыда</i>	72
2.5.1. Метафора в названиях эмоций <i>стыда</i>	72
2.5.2. Метонимия в названиях эмоций <i>стыда</i>	75
2.6. Наименования эмоций <i>радости</i>	79
2.6.1. Метафора в названиях эмоций <i>радости</i>	79
2.6.2. Метонимия в названиях эмоций <i>радости</i>	83
Выводы	86
Глава 3. Лингвокультурологическое исследование символического переноса в названиях эмоций	92

3.1. Механизм формирования переносного (эмоционального) значения в процессе семантического переноса	92
3.2. Лингвокультурологический фон формирования эмоционального значения	109
Выводы	123
Заключение	126
Литература	130
Список условных сокращений	149
Приложение. Историко-этимологический словарь наименований эмоций в русском языке XI-XVII вв.	151

Введение

Актуальность исследования. Диссертация посвящена исследованию качественных изменений в структуре значений слов – наименований эмоций (далее НЭ), зафиксированных в памятниках письменности XI – XVII вв., в их историческом развитии, механизма формирования переносного (эмоционального) значения, а также выявлению (на базе этимологического анализа) основных символов лингвокультурологического поля эмоций. НЭ исследуются в двух аспектах: историко-семасиологическом (собственно лингвистическом, предполагающем изучение языковых процессов) и лингвокультурологическом (в рамках которого явления реальной действительности анализируются с позиции их соотнесенности с языком или другими семиотическими системами). Таким образом, заявленный комплексный подход находится в русле современного "укрупнения" объекта науки о языке [Кондратьева, 2002], ориентации лингвистики на человека и синтеза собственно лингвистических методов с методами других, смежных наук.

НЭ представляют собой семантически самодостаточную, гомогенную, синтагматически и парадигматически организованную группу, органически входящую в более широкую тематическую группу психологических явлений и процессов, относящуюся к так называемой лексике «невидимых миров».

Лексическая группа НЭ представляется недостаточно изученной. Собственно лингвистическое исследование НЭ осуществлялось на двух уровнях: синхронном, нацеленном на лексикологическое описание НЭ как современных языковых фактов, и диахронном (историко-этимологическом и историко-лексикологическом), направленном на особенности формирования переносного значения и изменение характеристик семантической валентности изучаемых единиц языка.

Так, лексикологическому описанию валентности глаголов чувств (в том числе НЭ бояться, страшиться, печалиться, кручиниться, разгневаться) на синхронном срезе XVII в., употребленных в списках песен о Степане Разине, посвящена работа З.М.Петенева [Петенева, 1968]. Н.И.Шапиловой [Шапилова, 1968, 1974] была исследована группа глаголов внутреннего психического состояния и системные отношения внутри нее. С точки зрения теории коммуникации к лексике эмоций обращались Е.М.Вольф [Вольф, 1988, 1989, 1996], Н.В.Витт [Витт, 1964, 1984], В.И.Шаховский [Шаховский, 1998]. Все многообразие лексических средств обозначения эмоций в современном русском языке анализируется в монографии Л.Г.Бабенко [Бабенко, 1989].

На фоне синхронных исследований работы по изучению лексики эмоций в диахронном аспекте представляются более многочисленными. Традицию группового подхода к историко-семасиологическому описанию НЭ заложил Б.А.Ларин. Гипотеза, выдвинутая исследователем в статье «Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений (*стыд* – *срам*)» о закономерностях объединения в древних обозначениях аффектов и наименованиях эмоций [Ларин, 1977а], нашла подтверждение в более поздних работах других авторов. Так, И.П.Петлевой была описана группа слов со значением «бояться» [Петлева, 1984], ряд славянских слов со значением «скорбеть, горевать, тосковать» [Петлева, 1992]. Гнездовой подход при этимологическом исследовании НЭ (этимологическое гнездо: «глухой – глупый – глумиться») был применен Т.Г.Аркадьевой [Аркадьева, 1989]. Этимологическому анализу подвергались также фрагменты семантического поля «эмоции»: слова - кручина «скорбь» [Меркулова, 1979], струхнуть «испугаться» [Куркина, 1997], назола «злость» [Куркина, 1995]; семемы – «гневный» в лексемах с корнями *яр-*, *юр-*, *буй-* [Ларин, 1977б], «радость» в дериватах с корнем *зноб-* [Одинцов, 1976], семантическое поле *печали* [Вертелова, 2002].

Лексикологическое исследование языкового материала с позиций истории позволяет проследить характер качественных изменений в структуре

значений НЭ в их динамическом движении [Попова-Шенкевец, 1968], изучить зависимость современной сочетаемости слова и его прежней валентности [Буряков, 1979].

В современном языкознании наиболее перспективным представляется изучение лексики «невидимых миров» в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах, то есть в рамках антропоцентрической парадигмы. Однако на фоне работ, посвященных проблеме Человека и Языка, исследования лексической группы НЭ малочисленны. Так, описанию концептуальных представлений об эмоциях, закрепившихся и выраженных в синхронной валентности НЭ, употребляемых во фразеологических и устойчивых сочетаниях, посвящены работы В.Ю.Апресян, Ю.Д.Апресяна [Апресян, 1993,1995], Д.О.Добровольского [Добровольский, 1990, 1996, 1997]. Культурная семантика славянского * *vesel-* рассматривалась Н.И.Толстым, С.М.Толстой [Толстой, 1997], др. русск. *ТЬСКА* - Э.Г.Шимчук [Шимчук, 1991]. Н.Д.Арутюновой был проанализирован лингвокультурный и аксиологический фон употребления НЭ *стыд* [Арутюнова, 1997], А.Вежбицка - эмоциональные стереотипы и их вербальное выражение в русском, английском и немецком языках [Вежбицка, 1996, 1999, 2001], А.В.Рябковой - фреймы *радость – печаль* [Рябкова, 2002], Димитровой Е.В. – русский концепт "тоска" и его проникновение во французскую лингвокультуру [Димитрова, 2001].

Для современных работ по исследованию механизма формирования переносного значения характерно стремление выявить общие качественные изменения в структуре значений слов, проявляющиеся в функционировании отдельных наименований как членов определенной лексической группы. В то же время лексическая группа НЭ, зафиксированных в памятниках древнерусской и старорусской письменности и представленных в «Словаре русского языка XI – XVII вв.», до сих пор не являлась предметом специальных исследований, хотя необходимость такого анализа очевидна, поскольку изучение наименований эмоций как членов обширной лексической группы

позволяет установить общие закономерности процесса развития переносного значения.

В последние десятилетия увеличилось количество работ, в которых исследование механизма формирования переносных значений протекает как анализ основных приемов вербализации лексики "невидимых" миров – метафоризации и метонимизации. В рамках данного направления метафора и метонимия рассматриваются не только как стилистические средства создания образности, но и как способы осознания мира, отражающие универсальные и специфические черты внеязыковой действительности. До настоящего времени историко-этимологическая информация совокупно с данными лингвокультурологии практически не использовалась при описании основных символов эмоциональной культуры.

Таким образом, исследование качественных изменений в структуре значений слов НЭ и механизма формирования переносного значения, несмотря на глубокую проработанность, представляется **актуальным** для современного языкознания, особенно с позиций исторической семасиологии и лингвокультурологии.

Научная новизна нашей работы состоит в следующем:

1. Впервые лексическая группа НЭ русского языка XI – XVII вв. исследуется в полном объеме.
2. Привлечение к анализу обширной группы НЭ позволило осуществить моделирование и типологизацию эмоциональных значений, выявить тенденции, характерные для их развития.
3. Впервые на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.» выявляются пути формирования символов лингвокультурологического поля эмоций.
4. Разработаны принципы и составлен «Историко-этимологический словарь наименований эмоций в русском языке XI – XVII вв.», отличительными особенностями которого являются: а) гнездовой принцип построения; б) хронологическое расположение словарных статей (в зависимости от того, в

какую эпоху языкового развития анализируемые корни получили эмоциональное значение); в) схематическое отображение в каждой словарной статье семантического переноса (метафорического или метонимического).

Теоретическая значимость работы определяется, во-первых, тем, что в ней анализируются закономерности семантического развития языковых единиц, объединенных в одну лексическую группу. Во-вторых, этимологическая реконструкция лексической группы НЭ дала возможность осуществить комплексный анализ лексических единиц, что позволяет прогнозировать пути формирования новых эмоциональных значений. В-третьих, теоретически значимыми представляются осуществляемые в диссертации наблюдения о метафоре и метонимии как основных типах вербализации эмоций в истории языка, обусловленных особенностями ассоциативного мышления (анализизм или синкретизм) языковой личности различных исторических эпох. В-четвертых, данные этимологического и лингвокультурологического анализа лексики эмоций могут быть использованы в исследованиях по психологии как для уточнения механизма протекания эмоций, так и для уточнения их классификации.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы работы могут быть использованы в спецкурсах по этимологии, семасиологии и лингвокультурологии, а также при составлении этимологических и историко-этимологических словарей русского языка.

Объектом исследования является лексическая группа НЭ, зафиксированных в памятниках древнерусской и старорусской письменности и представленных в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» [СРЯ], **предметом** - механизм формирования эмоционального значения.

Источником материала исследования послужил «Словарь русского языка XI – XVII вв.» (его вышедшие 25 выпусков, буквы А - С). Путем сплошной выборки были извлечены наименования эмоций, анализируемые в нашей работе как лексико-семантическая группа (далее ЛСГ). При отборе материала мы руководствовались следующими критериями:

1. Состав лексических единиц, входящих в ЛСГ НЭ, определили качественные характеристики эмоции как объекта исследования в психологии (подробнее об этом см. на стр. 34-38).

2. Исследовались только имя существительное и глагол. Выбор лексем данной частеречной принадлежности мотивирован семантической закрепленностью в русском языке именно за этими частями речи эмоционального значения.

3. Источниками для «Словаря русского языка XI - XVII вв.» послужили памятники письменности XI – XVII веков различных регистров (книжных и некнижных): нравоучительные сборники, житийная литература, богослужебные книги, естественно-научные труды, исторические произведения, юридические памятники, актовые материалы, грамоты, переписка, путешествия, послания и т.п. Следовательно, характер лексики, отраженной в «Словаре русского языка XI - XVII вв.» (и соответственно в нашей работе) разнообразный: это слова и книжные (церковнославянские), и разговорные, что для нашего исследования не имеет существенного значения, поскольку, как убедительно показал В.М.Живов при анализе культурно-языковой ситуации в России XVIII века, «... и языковая практика, и языковое сознание, складывающиеся веками, строились на объединении словарного материала книжной традиции и разговорного языка» [Живов, 1996, с. 56]. Не случайно в пору нормализаторской деятельности в петровскую эпоху (при формировании литературного языка нового типа) возникали большие затруднения в «квалификации слов как церковнославянских и русских (разговорных)» [Там же, с. 57].

Всего было выявлено 90 словообразовательных гнезд (321 наименование эмоций).

Для установления этимологии (внутренней формы) НЭ использовались этимологические и историко-этимологические словари (см. список условных сокращений), а также материалы статей, посвященных историко-

этимологическому изучению НЭ [Аркадьева, 1989; Куркина, 1995; Куркина, 1997; Ларин, 1977а; Ларин, 1977б; Меркулова, 1979; Одинцов, 1976; Петлева, 1984, Петлева, 1992 и др.]. Для более детальной этимологической разработки привлекался «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], а также «Словарь живого великорусского языка» В.И.Даля [Даль].

Цель исследования – выявить тенденции, характерные для возникновения и развития эмоциональных значений, и пути формирования символов лингвокультурологического поля эмоций.

Задачи исследования:

1. Выявить внутреннюю форму каждого НЭ и описать мотивировочные признаки (далее МП).
2. Построить на основе обобщения МП семантические модели, в соответствии с которыми возникли НЭ, и представить их типологию.
3. Определить у анализируемых слов (корней) время (период) возникновения эмоционального значения (далее ЭЗ) для выявления особенностей формирования переносного значения в тот или иной период развития языка.
4. Проанализировать механизм развития эмоционального значения для выявления особенностей метафорического и метонимического переносов.
5. Исследовать характер соотношения первичного и переносного значений в НЭ с целью уточнения лексического значения некоторых НЭ и выделения основных символов лингвокультурологического поля эмоций.
6. Разработать принципы и создать в соответствии с ними «Историко-этимологический словарь названий эмоций в русском языке XI-XVII вв.».

Методы исследования. В работе был использован комплекс методов лингвистического анализа:

- приемы этимологического анализа – семантическая реконструкция с целью выявления внутренней формы синхронно не мотивированных НЭ;

- "метод семантических параллелей" – на этапе проверки выдвигаемой этимологии;
- компонентный анализ – с целью выявления характера соотношения первичного и переносного (эмоционального) значения;
- приемы ономастического анализа – сравнение формируемого денотативного (эмоционального) значения с психологическим описанием денотата (реалии – эмоции);
- приемы семантического анализа, сложившиеся в рамках лингвокультурологии, – с целью вскрыть на материале НЭ особенности соотношения эмоций и символов, посредством которых эмоция закрепляется в культуре (и языке);
- лексикографический метод – на этапе описания лексического значения НЭ и составления историко-этимологического словаря лексики эмоций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка условных сокращений (в том числе словарей) и приложения. В приложение помещен «Историко-этимологический словарь названий эмоций в русском языке XI – XVII вв.»

Положения, выносимые на защиту:

1. Основными типами вербализации эмоций являются метафора и метонимия. В процессе метафоризации и метонимизации осуществляется взаимодействие значительных смысловых образований, вариативно реализующееся в ряде конкретных названий. Бóльшая однородность семантического переноса в своих основных и сущностных чертах характеризует обозначения определенного типа эмоций.

2. Закрепление за той или иной эмоцией определенного вербального выражения обусловлено объективными свойствами эмоции как психологической категории. Следовательно, число типов семантических переносов, лежащих в основе развития определенного эмоционального

значения, ограничено. Соответственно, выбор конгруэнтного словесного обозначения задает определенный круг семиотических и символических ассоциаций.

3. Корреляция "обозначаемое – обозначающее" является взаимообусловленной для лексики «невидимых миров». С одной стороны, "обозначаемое" для своего вербального воплощения "находит" в языке конгруэнтную семантическую структуру. С другой стороны, развитие нового эмоционального значения происходит как уточнение старого значения, как его расширение, то есть "обозначающее" (исходное значение) "задает" пути своего иного осмысления.

4. Разновидность семантической модели определяется типом ассоциативного мышления (анализм или синкретизм), характеризующего человека различных исторических и языковых эпох. Семантический перенос, в основе которого лежит синкретический способ мышления, имеет меньшую продуктивность, поскольку современный тип мышления носит аналитический характер.

5. Выявленные особенности метафоризации и метонимизации позволяют прогнозировать путь формирования новых эмоциональных значений, тип семантического переноса, разновидность семантической модели, характер взаимодействия прямого и переносного значений и круг лингвокультурных ассоциаций.

Апробация работы. Основные положения работы излагались на краевой научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии», посвященной памяти профессора И.А.Воробьевой (Барнаул, 1998 г.), международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 1998 г.), региональной научно-практической конференции «Языковая концепция регионального существования человека и этноса» (Барнаул, 1999 г.), всероссийской научной конференции «Язык. Человек. Картина мира» (Омск, 2000 г.), всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы

русистики» (Томск, 2001 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (2002 г.).

Глава 1. Теоретические и методологические основы исследования

Исследование природы языка возможно с двух точек зрения. Во-первых, под языком понимается структурно-организованная, подчиняющаяся собственным законам система. Язык с этой точки зрения предстает как некий феномен (вещь-в-себе). В таком случае основное внимание исследователя направлено на язык – обозначающее. Во-вторых, язык выступает как явление высочайшей степени абстракции и символизации, то есть в виде определенной знаковой системы, фиксирующей некую типичную структуру какого-либо объекта. В этом смысле слова выступают как символы - единицы, выходящие за пределы языка, являющиеся своего рода «конденсаторами принципов знаковости – посредниками между семиотической и внесемиотической реальностью» [Мокиенко, 1986, с.131,133]. Центр исследовательского интереса в этом случае сфокусирован на реалии – обозначаемом.

В нашем исследовании эта традиционная для языкознания проблема "слова – вещи" рассматривается в рамках исторической семасиологии и лингвокультурологии.

Статус языковой единицы определяют два основных подхода: во-первых, синхронный, направленный на исследование качественных характеристик единицы на определенном срезе языка, во-вторых, диахронный, предполагающий изучение языкового элемента в его развитии. Поскольку одним из принципиально важных для исторической лексикологии остается понятие непрерывности исторического существования слова, то в понимании диахронии мы соглашаемся с Г.Гийомом в том, что «не существует одной диахронии, одной конкретной истории языковых явлений» [Цит. по: Гак, 1998, с. 145]. Можно говорить о диахронии «как истории систем... или диахронии синхроний, в силу того, что мы никогда не имеем дело с системой, а только с начавшейся перестройкой уже готовой системы» [Там же, с. 145]. Данное

понимание диахронии определяет необходимость установить *хронологические этапы развития* русского языка. В связи с этим принципиальными оказываются два тезиса. Во-первых, язык понимается как система в ее коммуникативной функции. Во-вторых, индоевропейский и праславянский языки – это реконструированные при помощи приемов и методов сравнительно-исторического языкознания исходные системы, представляющие собой виртуальные «искусственные» модели. «Система реконструируемого языка, как любой реальный язык, - по мнению Т.В.Гамкрелидзе, В.В.Иванова, - должна мыслиться как система, существовавшая в виде определенного множества взаимосвязанных диалектов» [Гамкрелидзе, Иванов, ч. 1, с. 92]. Дальнейшее развитие можно представить как «расчленение общего языка на исторически засвидетельствованные родственные языки ..., как постепенное обособление и дробление первоначальных диалектов общей исходной языковой системы» [Там же, ч. 1, с. 92].

Вопрос о происхождении и существовании индоевропейского языка не получил однозначного разрешения в лингвистической литературе. Н.С.Трубецкой также считает, что невозможно предположить единый индоевропейский язык, господствующий в узко ограниченном пространстве, скорее всего «индоевропейских языков с самого начала было несколько» [Трубецкой, с. 55], поэтому более корректно использование термина «индоевропейский строй языка» [Там же, с. 49]. Однако это не противоречит выводу о том, что в индоевропейских диалектах часть грамматических и лексических элементов представляла собой определенные соответствия, то есть коммуникативная функция языка была обеспечена в значительной степени языковой однородностью материала. Миграция древнейших индоевропейцев, конвергентные и дивергентные внутриязыковые процессы обусловили наступление периода (не позднее V-IV тысячелетий до н.э.), к которому «следует отнести начало диалектного членения общеиндоевропейского языка» [Гамкрелидзе, Иванов, ч. 2, с. 865].

Термином «праславянский язык¹» в лингвистической литературе обозначают обычно праязык, лежавший в основе процесса развития всех славянских языков. Генетическая неоднородность праязыка праславян обусловила тот факт, что «первоначальная Славия была не языковым монолитом, а его противоположностью» [Хабургаев, с. 44]. В связи с этим существенным оказывается вопрос о диалектном составе этого языкового объединения, в частности «балто-славянская проблема». Мы придерживаемся точки зрения (вслед за В.Н.Топоровым, Т.Лер-Сплавинским и др. [Бирнбаум, с. 146]), согласно которой формирование праславянского языка происходило в результате интеграции диалектов, в том числе и за счет конвергенции контактирующих с балтийским приграничных диалектов славянских языков. В период эволюции протославян в праславян формирующийся язык мог втягивать языковые процессы генетически родственных сопредельных языков. Однако при определении времени развития (триада: индоевропейский – праславянский – древнерусский) эмоционального значения в семантической структуре слова несущественным оказывается путь появления сходного эмоционального значения в родственных языках²: заимствование или происхождение из общего праязыка («индоевропейского», «балто-славянского» /Н.Ван-Вейк, Т.Лер-Сплавинский, В.В.Иванов, В.Н.Топоров и др. [Бирнбаум, с. 354-468]), поскольку период балто-славянского взаимодействия все исследователи определяют как эпоху, предшествующую оформлению праславянского языка, то есть как этап, относящийся к индоевропейской языковой формации. Х.Бирнбаум пишет: «Методологические трудности делают невозможным идентификацию балтийских лексических заимствований в доисторический славянский язык, так как балтийские языки засвидетельствованы на несколько столетий позже начала славянской письменности. В частности, крайне трудно определить, было ли заимствовано данное слово из славянского (русского, белорусского и польского языков) в балтийский или из балтийского в славянский, либо мы имеем дело со словом, унаследованным из

¹ Для нас термины «праславянский язык» и «общеславянский язык» синонимичны.

² В данном случае это верно только для балтийских языков.

праиндоевропейского языка или одного из его диалектов» [Бирнбаум, с. 257]. Более того, по вполне основательному утверждению Пауля Кречмера «между понятиями родства и заимствования с лингвистической точки зрения существует только хронологическое различие» [Трубецкой, с. 45].

Исследователи языка и культуры праславян сходятся во мнении, что «приблизительно до 500 г. н.э. их общий язык, хотя и распространенный на значительной географической территории, был еще в большей степени однородным» [Бирнбаум, с. 22]. «В результате языковой ассимиляции аборигенов происходит значительный рост славяноязычного населения, что и позволяет ему в начале III тыс. н.э. стать заметным для соседей народом» [Хабургаев, с. 51]. Сравнительно-историческое изучение славянских языков и исторические сведения о славянах в сочинениях римских, греческих и византийских авторов позволяют сделать хронологические выводы о том, что «к VI в. праславянского единства уже не существовало» [Там же, с. 62]. Г.А.Хабургаев замечает, что «славянские памятники VI в., наряду с важными чертами сходства, характеризуются также и существенными различиями, позволяющими констатировать, что в это время «однородность славянской культуры была весьма относительной» [Там же, с. 75].

IX в. принято считать в языкознании началом эпохи формирования древнерусского языкового единства. С XI в. фонетические особенности, характеризующие восточнославянские языки, отражаются в древнейших памятниках древнерусской письменности. В этот период языковые особенности, являясь специфически (генетически) восточнославянскими, охватывают все говоры Древней Руси, язык характеризуется «единством языковых переживаний». Для этого этапа существенной оказывается проблема соотношения церковнославянского и древнерусского народно-литературного языков. В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения Л.Г.Панина: «Придя на Русь в качестве специализированного литературно-книжного языка с полидиалектной славянской и неславянской (византийско-средиземноморской христианской) основой, старославянский язык *структурно* был близок

древнерусскому языку в его устно-обработанных формах, функционально отвечал внутренней потребности в книжно-письменном языке, этнически соответствовал восточным славянам благодаря своей всеславянской адресованности... Иными словами, связи церковнославянской и народно-литературной форм были обоюдными, их общность касалась самого главного: фонетики, грамматики – ядра языка. Их различия складывались в основном за счет лексики, но это различия *тематические*... Это был единый язык, но реализовавшийся в серии частных проявлений. В связи с этим необоснованно представление его в виде двух типов языков. Более того, даже разграничение двух его форм условно. Такое разграничение идет от описываемого языком содержания: богослужебного (церковного) или небогослужебного (нецерковного, некультового)» [Панин, с. 81].

К началу XIV века политическим центром становится Москва, вокруг нее происходит консолидация восточнославянских народностей и земель. Этот период вплоть до конца XV в. - начала XVI в. в славянской лингвистической традиции принято считать периодом формирования структуры великорусского языка. Идет «интенсификация нивелировки диалектных различий, ориентированной на говор национального Центра, - принципиально новое явление, отличающее развитие социальной структуры национального языка от языка народности» [Там же, с. 178]. Еще в большей степени этот процесс охватывает русский язык в XVII веке. Этот век, помимо собственно литературных текстов, оставил огромное количество памятников деловой письменности, ориентированной на живую речь великорусского народа.

Итак, наша работа, осуществляемая в рамках диахронического подхода, предполагает понимание диахронии как диалектического единства статики и динамики, так как одна из задач исследования состоит в том, чтобы описать первичное значение корня (внутреннюю форму) и процесс развития нового переносного значения.

Под *внутренней формой* мы, вслед за В.Г.Гаком, понимаем «образ, который лег в основу наименования». В.Г.Гак подчеркивает диалектическую

взаимосвязь «субъективного и объективного в акте номинации, поскольку при выделении признака, который лежит в основе наименования, большую роль играет не только субъективное сознание именуемого, но и материальная и духовная культура, система языка, в контексте которых возникало данное обозначение» [Гак, 1988, с. 16]. Всякое наименование поэтому «является в миниатюре субъективным образом объективного мира» [Кияк, 1987, с. 58].

Поскольку для нашего исследования интерес представляет *семема* (слово в плане содержания¹), то заявленный *семантический аспект* выступает в данной работе не только отправным пунктом этимологического анализа, но и в качестве *основного метода* проверки правильности выдвигаемой этимологии. Большое количество объективных этимологических решений опирается на закономерности семантического характера. С.С.Майзель еще в начале XX века в своих трудах описал основные семантические законы, сводимые к следующему:

1) «Сравнение слов с корнями А и В можно считать достаточно обоснованным, если другие слова с корнями С и D повторяют ту же ассоциацию понятий, которая установлена между А и В;

2) Сравнение слов с корнями А и В можно считать абсолютно обоснованными, если другое слово с корнем С имеет два значения, относящиеся друг к другу как значения А и В» [Цит. по: Откупщиков, 1967, с. 199].

В более поздних работах по данной проблематике метод, опирающийся на вскрытые этимологически семантические закономерности, был определен исследователями как *метод семантических параллелей* или *изосемантических рядов*, «когда в качестве доказательства предполагаемого развития значений (или возможности сочетания значений) приводятся случаи аналогичного развития значений (или их сочетаний)» [ЛЭС, 1990, с. 596].

¹ Под термином *семема* мы понимаем лексическое содержание слова (*лексемы* – соотнесенности *семемы* с грамматической целью оформленностью единицы языка), которое складывается из совокупности сем. *Лексическое содержание (значение)* – это языковая репрезентация знаний о мире.

Однако семантическая сторона этимологического исследования до сих пор остается, по словам В.И.Абаева, «самой трудной и, как правило, самой уязвимой...Причины этого носят в значительной мере объективный характер: семантические процессы имеют более сложный и запутанный характер, чем процессы формальные (фонетические и морфологические), в них меньше улавливается постоянства и закономерности»» [Абаев, 1960, с. 59]. Однако семантика, так же как и другие уровни языка, системно организована, поэтому не может быть сомнений в том, что выделение закономерностей семантического характера так же оправдано, как и на других уровнях.

Идея *системности* словарного состава чрезвычайно значима для его изучения как в синхронии, так и в диахронии и лежит в основе многочисленных исследований. Сохраняет актуальность высказывание М.М.Покровского о том, что «слова и значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы... История значения известного слова будет для нас тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимичными с ними, и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [Покровский, 1959, с. 62]. Следовательно, словарный состав языка не является совокупностью изолированных друг от друга единиц, но на любой стадии его развития "распадается" на определенные группы, объединяющие слова по их лексическим значениям или же по темам (понятиям). Таким образом, в исторической семасиологии существует традиция исследования слова «с учетом его места в соответствующей лексико-семантической, тематической группе, синонимическом ряде» [Васильев, 1997, с. 5], то есть в сопоставлении. Причем значение *метода семантических параллелей* как инструмента для объективной проверки вероятности того или иного этимологического решения увеличивается, если аналогия проводится между словами, относящимися к одной *лексико-семантической группе*. В лингвистической литературе используется несколько точек зрения на природу ЛСГ. Ф.П.Филин, определивший ЛСГ как «совокупность слов, имеющих близкие и идентичные

значения с разными оттенками, дифференциальными признаками» [Филин, 1982, с. 56], указывал также «в числе ее признаков принадлежность входящих в группу слов к одной части речи, наличие смысловых и системных связей между ее членами, взаимозависимость членов группы» [Там же, с. 121]. Поскольку данное исследование протекает как анализ таких лексем, семантический перенос в которых происходил в различные периоды развития языка, то принципиально важными в употреблении термина «лексико-семантическая группа» становятся следующие критерии.

1. Существенной является соотнесенность языковых единиц по темам (понятиям), которые данные слова презентуют на знаковом уровне. Так как исследуемый в работе лексический материал охватывает широкий диапазон истории, то релевантной оказывается классификация самих предметов и явлений, поскольку эмоциональное значение в какой-то период времени могло исчезнуть, а денотат (эмоция) в силу объективных причин сохранялся. Таким образом, качественные характеристики эмоции как таковой определили круг элементов, входящих в ЛСГ НЭ. Это позволило избежать реально не обоснованного привлечения других языковых единиц, тематически соотносимых друг с другом (например, наименований чувств).

2. Семемы, входящие в ту или иную ЛСГ, вступают друг с другом в парадигматические и синтагматические отношения. Причем для элементов ЛСГ НЭ по указанной выше причине можно выявить как реальные (между единицами, взаимодействующими на едином (синхронном) временном срезе), так и гипотетические (между единицами, функционирующими в разные языковые эпохи) связи. Иными словами, исследуемая ЛСГ структурируется отношениями по вертикали и горизонтали.

Таким образом, под *лексико-семантической группой* мы понимаем специфическое, внутриязыковое, обусловленное ходом его языковой истории объединение двух и более лексем по понятиям (темам), находящихся друг с другом в разного рода неслучайных и устойчивых парадигматических и синтагматических отношениях.

«Характерная черта каждой такой группы – повторяющиеся, устойчивые признаки» [Меркулова, 1965, с. 72] для членов данной группы. Любое направление семантического развития, «как бы оно ни казалось неожиданным с первого взгляда, может стать основой этимологического решения» [Абаев, 1986, с. 22], если оно является типичным для группы слов, объединенных тематически. Поэтому задача восстановления семантических связей, которые уже утрачены в словах, определяет необходимость группового этимологического исследования, охватывающего все образования, ассоциируемые друг с другом. Каждый член ЛСГ, будучи так или иначе связан со всеми другими его членами, содержит определенную информацию о них. На этой особенности лексических объединений (тематических и лексико-семантических групп) и базируется так называемый *групповой подход*. Следовательно, применение этого подхода потому увеличивает объективность выдвигаемой этимологии, что он позволяет выявить сходные (параллельные) свойства *внутренней формы* отдельных слов одной группы, поскольку члены такой группы часто сохраняют в своей структуре и семантике следы общей языковой истории. Обобщение аналогичных признаков приводит к тому, что в рамках ЛСГ становится возможным выделение *мотивировочных признаков* (далее МП). Мотивировочный признак можно определить как «устойчивый смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий» [Березович, 1998, с. 30]. Мотивировочный признак лежит в основе *семантической модели*. «Чем больше лексических единиц вписывается в нее, тем больше объяснительная сила этой модели для этимолога, тем большей объективностью обладает выдвигаемая этимологическая гипотеза» [Востриков, 1991, с.5].

Углубленная разработка группового подхода привела к активизации исследований в этой области; этимологическому анализу были подвергнуты различные группы: названия растений и болезней [Меркулова, 1965, 1979], названия рукавиц [Дерягин, 1976], названия дорог и тропинок [Куркина, 1971],

названия оружия [Одинцов, 1986], аффектов и эмоций [Ларин, 1977], ремесленной терминологии [Трубачев, 1966] и др.

Однако семантическая сторона этимологического анализа остается менее разработанной по сравнению с формальными процессами еще и по той причине, что семантические процессы «ведут за пределы языка, с одной стороны, в область мышления и психологии, с другой, - к объективной действительности: к истории, социологии, культуре, быту народов» [Абаев, 1956, с. 73]. В связи с этим объяснение регулярности механизма семантических движений, а именно общности принципов номинации и повторяемости мотивировочных признаков в рамках той или иной ЛСГ воздействием только собственно лингвистических факторов не является достаточным. Исследование семантических процессов требует перехода к изучению реалий, материальной и духовной культуры носителей языка. С этих позиций высказывание М.М.Покровского о том, что «группа слов, принадлежащих к одному и тому же кругу представлений и, следовательно, ассоциируемых друг с другом, подвергается однородным семасиологическим изменениям под влиянием культурно-исторической жизни народа» [Покровский, 1959, с. 112], представляется актуальным в рамках современного языкознания.

Иными словами, невозможно получить объективные данные о происхождении слова, не принимая во внимание реальные (конкретно-исторические, материальные, культурные, социальные и психологические) условия, в которых рождалось это слово. «Высшей ступени достигает этимология, когда она становится наукой не только о словах, но и о скрытых за ними реалиях» [Абаев, 1956, с. 231]. Таким образом, сам характер исследования (обращение к семантике как уровню, выходящему за языковые границы) определил другой аспект работы – лингвокультурологический.

«Современная лексическая семантика, по замечанию Н.И.Толстого, в своем стремлении наиболее полно очертить сферу значения отдельного слова приходит к необходимости, помимо собственно лексической семантики (в ее экстенциональном, денотативном и – интенциональном, сигнификативном

смысле), описать коннотативную семантику, т.е. область "надстраивающихся" над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т.п. "созначений", актуализирующихся лишь в особых, периферийных, вторичных, поэтических, метафорических и др. "непрямых" употреблениях слова» [Толстой, 1997, с. 162]. С этих позиций каждое новое наименование не столько называет предмет (явление, объект и т.д.), сколько репрезентирует символ этого предмета, а характер межуровневых взаимоотношений в лексическом значении (далее ЛЗ) отражает закрепленный в языке способ мышления, то есть вскрывает логику закрепления того или иного образа (символа) за словом в сознании носителей языка. Процесс наименования, таким образом, может рассматриваться как механизм определения содержательной структуры объекта и поиск соответствующего ему по структуре другого объекта; выбор обозначающего из парадигматически или синтагматически организованного ряда отвечает поиску сущностей обозначаемого, поскольку нечто должно быть омыслено, познано, прежде чем быть вербализованным, переданным через язык – механизм высочайшей степени абстракции и символизации.

«Лингвокультурология, по словам И.Г.Ольшанского, "работает" на глубинном уровне семантики, с учетом системного и интегративного подходов к явлениям языка и культуры» [Ольшанский, 2000, с. 30]. Слово с позиций лингвокультурологии предстает как явление, языковые границы которого зыбки и подвижны, как элемент, функционирующий во внеязыковой среде – устойчивой сети ассоциаций и коннотаций. «Не будучи в строгом смысле слова лексическими, эти критерии, безусловно, остаются языковыми, поскольку они подтверждают релевантность приписываемого слову значения языковыми контекстами... Граница между лексическими (лингвистическими) и экстралингвистическими коннотациями не может считаться строго установленной раз и навсегда. Для каких-то экстралингвистических коннотаций пока еще просто не обнаружены языковые подтверждения, а какие-то из них являются лишь потенциальными языковыми коннотациями и в будущем смогут

приобрести статус языковых, когда экстралингвистический сопутствующий признак станет основой для языковой номинации или семантической деривации» [Толстой, 1997, с. 163]. Иными словами, глубинный смысл, потенциально присутствующий в значении как элемент его содержания, развертывается в смысловой сети внеязыкового (символического) окружения слова.

Язык, таким образом, рассматривается как явление, в структуре которого закрепляется и через структуру которого можно интерпретировать «национально-культурные гештальты» - символы и концепты эпохи, нации, культуры и социума. Причем язык фиксирует не случайные, индивидуальные движения мысли, а ментальные, конвенциональные стереотипы сознания. «Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании эти изменения происходят моментально» [Сепир, 2001, с. 164]. Описание внеязыкового (феноменов сознания, элементов культуры и эпохи, структурных ментальных образований) через факты его презентации в языке в этом случае представляется обоснованным и объективным в плане заявленной парадигмы "слова – вещи". «Раздельное исследование этих аспектов (или преимущественное – одного из них), по верному замечанию В.В.Воробьева, большого эффекта не дают... Правила использования языка как такового оказываются недостаточными в тех случаях, когда они должны дополняться сведениями культурологического порядка. В таких случаях необходима внеязыковая (то есть выходящая за пределы собственно языка) познавательная, когнитивная ориентация» [Воробьев, 1997, с. 27]. Лингвокультурологический анализ, «соотнося значения культурно детерминированных единиц с концептами (кодами) общечеловеческой или

национальной культуры,... дает им глубинную и объемную экспликацию» [Ольшанский, 2000, с. 31].

С этих позиций представляется необходимым определить также следующие теоретические установки.

В исследованиях психологов, социологов, лингвистов, философов система постижения человеком окружающей его реальной действительности и его взаимодействие с ней описывается в разных терминах: *картина мира, концептуальная картина мира, модель мира, мировидение, ментальные структуры* и др. По словам Н.Д.Арутюновой, «картина мира (КМ) – есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. То есть субъективный образ объективной реальности, входящий в класс идеального», однако не перестающий «... быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них» [Арутюнова, 1979, с. 168]. Иными словами, *модель мира* это совокупность представлений о мире, реализующаяся в ряде различных семиотических воплощений – в языке, мифах, культуре¹, обрядах и т.д. Таким образом, *модель мира (картина мира, концептуальная картина мира)* – это избыточный смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных взаимосвязанных семиотических системах. Поэтому возможен перевод из одной кодирующей системы в другую. Следовательно анализ наименований эмоций (языковых вариантов / репрезентантов некоторых символов культуры) и привлечение экстралингвистических данных позволит описать *лингвокультурологическое поле*, понимаемое как совокупность различных видов лингвокультурологической информации о символах, запечатленных определенной группой наименований.

¹ Культура (здесь) понимается «как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает национальный дух» [Сепир, 2001, с. 469].

В нашей работе в качестве основной единицы *лингвокультурологического поля* выступает *символ*, понимаемый как «объект идеального мира, имеющий имя и отражающий культурно обусловленные представления человека о мире» [Вежицка, 1996, с. 52], то есть исследование направлено на *элемент культуры*, запечатленный в языке (наименовании эмоции). Исходя из данного соотношения "наименование эмоции – символ культуры", представляется возможным сопоставить "лексико-семантическую группу" и "лингвокультурологическое поле". Следовательно семантическая модель в аспекте лингвокультурологии может рассматриваться как схема, фиксирующая определенное конвенциональное направление познавательного интереса и отражающая древнейшие способы символических ассоциаций, основными типами которых являются *метафора* и *метонимия*.

«Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, Говорящий использует окольные пути: либо Говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату» [Апресян, 1993, с. 27]. Следовательно, *метафора* и *метонимия* – это едва ли не единственные способы уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции, поскольку помимо номинативной, образной и экспрессивно-оценочной, *метафора* и *метонимия* выполняют в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий. Наиболее полно эта роль выступает в тех случаях, когда данные приемы используются для обозначения непредметных сущностей. Без *метафоры* и *метонимии* не существовало бы лексики «невидимых миров», поскольку психические процессы и явления (обозначения психической деятельности человека, этических и нравственных категорий, социальных категорий) практически никогда не выражаются прямо, но всегда уподобляются чему-то. Поэтому наиболее адекватным

лингвистическим описанием эмоции представляется описание через метафору и метонимию, посредством которых эмоции концептуализируются в языке.

Таким образом, метафора и метонимия представляют собой центральные механизмы символического осмысления реалии, создания переносного значения и вербального закрепления. Можно говорить о том, что метафора и метонимия являются узловыми элементами кодирования и передачи глубинной информации о символах культуры.

Метафора и метонимия выступают как одни из основных способов хранения знаний, как ментальные приемы структурирования мысли, как вербализированные представления о мире, как универсальные орудия мышления и познания действительности, поскольку, являясь частным случаем реализации парадигматических и синтагматических отношений, представляют собой языковой аналог основных приемов мышления – конденсации и смещения. Иначе говоря, природа метафоры и метонимии такова, что они, выступая в роли ведущих способов семантического переноса и являясь в то же время основными средствами символического ассоциирования, позволяют делать выводы как о языке, так и о картине мира носителя этого языка.

Метафора и метонимия как механизмы формирования новых символов

Как мы уже отмечали, в основе метафоры может лежать не конкретно выделяемый признак предмета, а некое конвенциональное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами: в процессе метафоризации могут актуализироваться признаки, объективно не принадлежащие предмету, являющиеся только следствием его субъективного восприятия, но в любом случае признаки этого предмета в сознании создателя метафоры (языковой личности) потенциально конгруэнтны обозначаемому явлению. В этом смысле выбор сходного обозначаемому явления для вербального выражения случаен и обусловлен индивидуальным опытом и субъективным сознанием, то есть «синестезирующую функцию в этом тропе выполняет некая «языковая личность», которая независимо от стереотипности или, наоборот, нестандартности мировидения осуществляет свой выбор» [Телия, 1988, с. 41].

Однако границы наименования определяются условиями коммуникации, в соответствии с которыми «языковая личность» будет черпать сходные для имятворчества предметы из конвенционального круга значений, обусловленного тем, что индивидуальный жизненный опыт отражает коллективно осознанные характеристики. Следовательно, устанавливаемые метафорой отношения не выходят за пределы чувственно воспринимаемой реальности, иначе бы она утратила главное из своих свойств – образность, способность уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость.

Однако обозначенный с помощью метафоры и метонимии в языке символ с течением времени может потерять связь с обозначаемым явлением действительности, однако в период своего возникновения каждая корреляция жестко мотивирована. Мотивированность символа объясняется аналогией, которую можно провести между его конкретным (в языке аналог - исходное, первичное значение) и абстрактным (языковой аналог - вторичное, переносное значение) понятиями, а также смежностью (сопредельностью, вовлечением в одну ситуацию) понятий или включенностью (вхождением одного понятия в другое). «Аналогия в символе составляет основу такой семиотической транспозиции, как метафора (включая синестезию), смежность и включение лежат в основе метонимии и синекдохи. Эти транспозиции, в свою очередь, возможны благодаря универсальным концептуальным связям, которые базируются на определенных коррелятах в объективном мире и являются их мыслительным отражением» [Теория символа, 1997, с. 130].

В языке данные семиотические транспозиции осуществляются в области лексического значения (далее ЛЗ), представляющего собой сложную избыточную структуру, состоящую из множества концентрических кругов – центральной денотативной части и окружающих ее коннотаций. Денотативная часть содержит семантическое ядро и периферию. Ядерные семы обозначают постоянный, обязательный и неустранимый признак объекта. Периферийные семы обозначают второстепенные признаки предмета, не включающие

дифференциальных характеристик. Критерием близости к денотативному ядру может служить степень общности той или иной семы для всех членов коллектива: чем более общей (общепонятной, общедоступной) является сема, тем ближе она стоит к ядру. За денотативной частью ЛЗ следует коннотативная, которая представляет собой иерархически организованную систему.

Языковой механизм развития нового (переносного) значения путем метафорического и метонимического переносов.

Коннотативные (импликациональные) признаки непосредственно не входят в ядро первичного значения (интенционал значения), а окружают его подобно силовому полю, составляя часть информации, связывающейся со словом. Совокупно эти признаки образуют некоторую вероятностную структуру, в которой семантические признаки характеризуются той или иной вероятностью вхождения или невхождения в импликационал значения. В лингвистической литературе существуют разные точки зрения на языковую природу метафорического и метонимического переносов. В концепции М.В.Никитина в метафорических символах «порождающие» семы могут составлять как сильновероятностные, так и слабовероятностные импликации исходного значения. В метонимических символах точки порождения переносного символического значения, которые становятся его гипосемой, соответствуют интенционалу прямого значения или его жестковероятностным импликациям (то есть обязательным или существенным признакам). Таким образом, интенционал производного значения в метафорических переносах в большей степени удален от интенционала исходного значения.

Сходство, лежащее в основе переноса, имеет основанием общность прямого и переносного значения по наличным существенным и несущественным признакам или стереотипные ассоциации сходства между ними. Можно выделить следующие типы:

1) включение интенционала прямого значения в интенционал переносного значения на правах гипосемы – метонимия;

2) включение всего сигнификата прямого значения в интенционал переносного на правах гипосемы – синекдоха;

3) пересечение интенционала прямого значения с импликационалом переносного и объединение области пересечения прямого значения с переносным значением – метафора;

4) пересечение значений на основе сходных коннотаций – синестезия [Никитин, 1979, с. 102].

В метонимии и синекдохе вторичное значение поглощает архисему первичного, в метафоре или в синестезии «приглушает» его. «Метонимия – тот случай импликационального совмещения понятий в слове, когда выражение данного понятия осознается как вторичная ономазиологическая функция слова, уже «занятого» каким-то другим понятием. Иначе, метонимия – это выражение понятия словом, за которым в первичном распределении номинаций закреплено выражение иного понятия, связанного с первичным импликациональной зависимостью» [Там же, с. 95]. Метонимия и синекдоха представляются более «реалистичными» тропами по сравнению с метафорой: они оперируют не образно-ассоциативным подобием, а реальной смежностью, соположением обозначаемых. Иными словами, если содержание метонимического переноса составляет интенциональный признак, то в процессе метафоризации может актуализироваться любая коннотативная сема, как бы далеко она ни отстояла от денотативного ядра, поскольку в случае метафорического переноса для осмысления слова отбираются референционно конгруэнтные семантические признаки из импликационала его первичного значения; главной задачей метафоры в период своего возникновения является адаптация своей мысли о явлении к мыслям других людей о том же явлении (то есть осуществление эффективной коммуникации). Этим и объясняется неопределенность словесной метафоры: в принципе любой признак (интенциональный и импликациональный) может составить содержание метафорического переноса [Теория символов, 1997; Арутюнова, 1979; Серебренников, 1974].

Выводы

На основании вышеизложенного представляется возможным выделить ряд основополагающих для нашей работы установок.

Традиционная для языкознания антитеза "слова – вещи" в данном исследовании решается в рамках исторической семасиологии и лингвокультурологии.

Историко-семантический аспект обусловлен направленностью на изучение внутренней формы слова и механизма порождения нового значения. Анализ НЭ в рамках диахронии определил необходимость установить временные этапы развития русского языка. Мы, вслед за рядом исследователей, придерживаемся следующей хронологии: 1) индоевропейский язык (до V-VI тыс. до н.э.), 2) период распада индоевропейской языковой общности на диалекты (V тыс. до н.э. – III в. н.э.), 3) праславянский язык (I тыс. до н.э. – VI в. н.э.), 4) восточнославянское языковое единство (VI – IX вв. н.э.), 5) древнерусский язык (IX – XIV вв.), 6) великорусский (старорусский) язык (XV – XVII вв.). При этом индоевропейский и праславянский языки понимаются как определенное множество разнородных, но взаимосвязанных диалектов.

Использование метода семантических параллелей как основного способа изучения слова в плане содержания обусловило выделение в качестве основной единицы исследования – лексико-семантическую группу. Такая особенность лексико-семантической группы, как общность языковой истории для ее членов, позволяет с большей степенью объективности выявлять семантические модели, понимаемые как схемы развития определенного значения на базе исходного.

Исследование механизма формирования нового значения, вербализации лексики "невидимых миров" позволяет получить информацию о ментальной системе человека, поскольку модель мира понимается как система миропредставлений, реализующаяся в ряде различных семиотических воплощений – в языке, культуре, мифах и т.д. Поэтому результаты, полученные в ходе исследования языковых процессов, могут быть использованы для

описания лингвокультурологического фона. В связи с этим наименования эмоций могут рассматриваться как языковые корреляты лингвокультурологических символов, сохраняющих в своей структуре архаические представления, а метафора и метонимия как основные механизмы формирования нового значения.

Метафора и метонимия представляют собой прежде всего способы кодирования внеязыковых (культурных) явлений на вербальном уровне. Метафора и метонимия играют основную роль в обобщении человеческого опыта и восприятии реальности, поскольку они протекают как сознательное оперирование свойствами одного, уже оязыковленного объекта, для наименования другого, только получающего свое вербальное оформление.

Метафорический и метонимический процессы в языке осуществляются в области лексического значения, которое представляет собой определенную структуру. Денотативная часть и периферийная зона образуют концентрические круги в данной сложной структуре. Метонимия - это процесс включения ядерных сем прямого значения в ядро семантической структуры переносного. Метафора протекает как актуализация сем периферийной и коннотативной зон исходного значения в ядерной части переносного значения с обязательным сохранением семантической двуплановости и образности.

Глава 2. Типы семантического переноса (семантические модели) в названиях эмоций

Данная глава представляет собой историко-этимологический анализ наименований эмоций с целью выявления внутренней формы каждого наименования, описания мотивировочного признака, лежащего в основе, и построения (в результате обобщения мотивировочных признаков) типологии семантических переносов (семантических моделей), характерных для исследуемой лексической группы. Для решения поставленных в главе задач необходимо прежде всего описать характер «денотата» – эмоции.

2.1. Эмоция как психологическая категория

Эмоция – один из важнейших компонентов человеческого «Я». Невозможно описать такую сферу человеческой деятельности, которая так или иначе не взаимодействовала с эмоциями. Эмоции образуют основную мотивационную систему человека, определяя в той или иной мере познавательные (когнитивные), ментальные и другие структуры.

На стадии формирования эмоционального аппарата эмоции представляют собой продукт эволюции – приспособительный фактор в жизни животного мира. На этом этапе «то или иное эмоциональное состояние формируется на основе потребности» [Рубинштейн, 1989, с. 126]. То есть «потребности, по выражению Г.Х.Шингарова, проецируются на экран сознания в форме эмоций» [Шингаров, 1971, с. 68]. Зависимость удовлетворения или неудовлетворения потребностей и определенного эмоционального состояния закрепляется как процесс, способствующий сохранению как отдельной особи, так и всего вида.

«Это свойство эмоций, - отмечает В.С.Дерябин, - как полезное приспособление к условиям жизни было закреплено наследственно» [Дерябин, 1974, с. 356]. На этом основании классификация эмоций соотносится с классификацией потребностей как соотношение «причина – следствие». Нижеследующая таблица [Злобин, 1988, с.98] наглядно отражает характер этого соотношения. Каждая из представленных пяти первичных эмоций развивается как следствие какой-то определенной потребности.

Таблица 1

Основные потребности и эмоции, выявляемые в психологической системе человека

№	Потребности	Первичные эмоции
Материальные (нужды):		
1	Физиологические	Страх
2	Продолжение рода	Грусть
3	Добыча средств к существованию	Гнев
Духовные (запросы):		
4	Самовыражение	Стыд
5	Общение	Радость

Эти пять основных первичных эмоций в своей комбинаторике дают другие оттенки [Злобин, 1988, с.99] (см. таблицу 2). Например, пересечение эмоции *гнев* (3) и *радость* (5) дает *потеху* (53), которую можно определить как «гневную радость», веселье (52) – это «грустная (2) радость (5)», *ужас* (11) возникает как усиление эмоции *страха* (1). Мы, употребляя словосочетание «эмоции *грусти*» или «*грусть*», имеем ввиду все оттенки данной эмоции (то есть *печаль, тоска, кручина, скука, скорбь, уныние, горе, огорчение* и др.): Соответственно, сочетание «наименования эмоций *грусти*» мы употребляем в значении "наименования всех оттенков данной эмоции".

Психологическое поле эмоций

Эмоции	Радость 5	Стыд 4	Гнев 3	Грусть 2	Страх 1
Радость 5	Торжество (ликование) 55	Неловкость (стеснение) 45	Негодование (злость) 35	Печаль (тоска) 25	Испуг 15
Стыд 4	Упоение 54	Срам 44	Бешенство 34	Кручина (скука) 24	Трепет 14
Гнев 3	Потеха 53	Позор 43	Ярость 33	Скорбь (уныние) 23	Боязнь 13
Грусть 2	Веселье 52	Смущение 42	Возмущение 32	Горе 22	Содрогание (отвращение) 12
Страх 1	Отрада 51	Смятение 41	Ожесточение 31	Огорчение 21	Ужас 11

Эти «простейшие эмоциональные процессы выражаются в органических, двигательных и секреторных изменениях, принадлежат к числу врожденных» [Леонтьев, 1981, с. 36] и, по словам К.Э.Изарда, обеспечиваются «врожденными нейронными программами» [Изард, 1980, с. 67].

Эмоции являются, таким образом, эволюционно-биологическим явлением, следовательно, выражение и переживание эмоции у человека врожденно, общенародно и универсально. Опишем пять основных эмоций, характерные признаки которых отражаются в процессе метафорического и метонимического наименования:

Страх (1)

Данная эмоция оказывает заметное влияние на восприятие, мышление и поведение индивида. Страх приводит к напряжению мускулов за счет быстрого

повышения плотности нервной стимуляции. За исключением редких случаев, когда страх парализует, обычно эта эмоция мобилизует энергию. Моторные акты как индикаторы страха – подавление движения (оцепенение), дрожание, слезы, съеживание, убежание, поиск контакта с кем-то [Изард, 1980, с. 116-118; Рубинштейн, 1989, с. 112-116]. Причины – события, условия или ситуации, несущие ущерб (в том числе потенциальный) как физический, так и психологический, может быть вызван тем, что события не происходят в ожидаемом месте или[и в ожидаемое время. В современной цивилизации существует все более возрастающее число объектов, событий, условий и ситуаций, которые пугают или могут быть потенциально пугающими [Вилюнас, 1976, с. 47-51].

Грусть (2)

Испытывая эту эмоцию, человек падает духом, чувствует одиночество, отсутствие контактов с людьми, жалость. Индикатором грусти являются мышцы лица. Обычно грустящий человек плачет, опускает глаза вниз, сутулится, ощущает упадок сил [Изард, 1980, с. 86].

Источником может быть холод, шум, жара, громкая речь, потеря. Первой причиной грусти является акт рождения, физическое отделение ребенка от матери.

Гнев (3)

«Состояние возбуждения, соответствующее ярости, распространяется по стволу головного мозга» [Изард, 1980, с. 47]. Гнев выражается в том, что лицо краснеет или багровеет (горит), кровь «кипит», мышцы напряжены; глаза блестят, наливаются кровью; зубы оскаливаются, как бы с целью укунуть противника. Причиной гнева является чувство физического или психического препятствия чему-то, что мы очень хотим сделать. В эволюции гнев имел большое значение для выживания. Оно объясняется способностью мобилизовать энергию индивида и сделать его готовым к активной самозащите.

Стыд (4)

Данная эмоция является наиболее рефлексивной. Н.Д.Арутюнова отмечает: «Стыдясь, человек видит в других источник насмешки, презрения. «Другой» представляется могучим существом, здоровым и способным. «Другой» презирает стыдящегося человека, иногда покидает его» [Арутюнова, 1997, с. 64]. Стыдящемуся человеку присуще стремление сжаться и сделаться как можно меньше. Протекание эмоции стыда сопровождается изменениями в сердечно-сосудистой системе, усилением кровяного давления, произвольными реакциями (в частности покраснением), которые необязательно сопровождают стыд.

Радость (5)

Радость характеризуется чувством уверенности и значительности. «Веселое настроение, по словам К.Э. Изарда, выражается в смехе, улыбке, бесцельных движениях, общем возбуждении и др. Причины радости могут быть необязательно в специфических ситуациях или действиях (например, при узнавании, мечтании). Радость обеспечивает и усиливает социальные связи, успокаивает человека» [Изард, 1980, с. 158].

Представленные выше особенности эмоций позволили нам выделить пять параграфов, в каждом из которых на основе обобщения МП, были выявлены семантические модели, по которым возникли наименования основных эмоций. Семантические модели в каждом параграфе объединены в два раздела, выделение которых обусловлено характером развития эмоционального значения на основе первичного: метафорическим или метонимическим.

2.2. Наименования эмоций *страха*

В параграфе представлен анализ наименований эмоций *страха* с целью исследования общих семантических закономерностей, характеризующих данную лексическую группу.

2.2.1. Метафора в названиях эмоций *страха*

Исследуемые здесь СМ представляют собой схему развития эмоционального значения в результате метафорического переноса на основе мотивировочных признаков, в качестве которых выступают семантические сферы: «человек как носитель определенных свойств» и «физический мир».

1. Наименования человека как носителя определенных свойств	→	Эмоции, в протекании которых человек ведет себя подобным образом	→	Наименования эмоций <i>страха</i>
--	---	--	---	--------------------------------------

По свидетельству «Словаря русского языка XI-XVII вв.», семантику глагола поуробѣти можно описать как “испугаться, оробеть (о многих)“: *Курфирьста саксонского люди поуробѣли и къ Грездену городу отошли. Куранты*². 154, 1644 г. [СРЯ, в. 18, с. 40].

Каково же первичное значение корня, ставшее основой для появления (не позднее XVII века) данной переносной семемы? Исторически лексемы с корнем *роб* - / *раб* – восходят к праславянскому * *orb* - < и.-е. * *orbho* – “название слабого, подчиненного, зависимого человека” [Черных, т. 2, с. 117]. Семантически связанными с ним оказываются современные дериваты раб

“подневольный, слуга” и ребенок “невзрослый, маленький”. Сохраняет связь с первичной семемой др. -инд. *arbhaká-h, arbha-h* “маленький, слабый (и мальчик)” [Черных, т. 2, с. 117]. Исследователи расходятся во мнении о первоначальном значении корня *роб-*. В.В.Иванов считает *робеть* собственно русским образованием от *робя* “ребенок”. Робеть (*робя* + *Ьти*) буквально (здесь) - “быть подобным ребенку” [Шанский, с. 48], т.е. *робя* – наименование человека по возрасту. М. Фасмер производит *робеть* (*а также робкий*) от *робъ* “раб, невольник” [Фасмер, т. 3, с. 487]. Робеть буквально (здесь) – вести себя как слуга, раб, пугаясь, т.е. рабъ / робъ – наименование человека по положению в обществе. Та же этимологическая омонимия отмечается у В.И. Даля, который в словарной статье на *робя* отсылает к *ребя*, а в словарной статье на *работа* приводит однокоренное *роба* с тем же значением [Даль, т. 3, с. 372]. Таким образом, в древнерусском языке функционировали две лексемы: *робъ* «раб, слуга» и *робя* «ребенок», сохранявшие в своей семантической структуре элемент древнейшего значения «маленький, слабый». Однозначно говорить об основе метафорического переноса нельзя, поскольку динамика значений “вести себя как раб, слуга / ребенок” соответствует одной семантической модели. Однако, с большой вероятностью, можно предполагать, что в процессе метафоризации актуализировалась сема “слабость, неактивность, подчиненность”, отмечаемая в обоих более поздних производных значениях. Тогда развитие эмоционального значения “страх” можно представить следующим образом: прасл. * *orb* - “маленький, слабый, зависимый” → русск. раб- / роб- “ребенок; раб, слуга” > роб- “бояться, пугаться“. **РОБЕТЬ** буквально - “вести себя в страхе как слабый, маленький (т.е. не предпринимать активных действий по защите своей жизни)”.

В словообразовательное гнездо *роб-* входят следующие слова с эмоциональным значением “страх”, отмечаемые в памятниках письменности: поуробьти “испугаться, оробеть (о многих)” (XVII в.) [СРЯ, в. 18, с. 40]; изробьти “сробеть, струсить” (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 205].

В памятниках письменности эта семантическая модель представлена только словообразовательным гнездом с корнем *роб* -.

2. Наименования физиологического ощущения	→	Эмоции, протекание которых сопровождается похожим физиологическим ощущением	→	Наименования эмоций <i>страха</i> (<i>отвращения</i>)
---	---	---	---	---

В древнерусском языке, а затем и великорусском слова с корнем *брѣзг*- употреблялись в том же значении, в каком отмечаются и сейчас: *Рѣхъ же к себе: лишение, видиши ли, колми еси грѣшенъ, яко и пси брѣзгають тобою.* (Ж. Андр.. Юрод.) ВМЧ. Окт. 1-3, 99. XVIв. ~ XIIIв. [СРЯ, в. 1, с. 331]; *Бздитъ моремъ – не брезговать горемъ.* Сим.Послов., 160. XVIIв. [СРЯ, в. 1, с. 331], где *брезговать* “брезговать, гнушаться”. В родственных славянских и индоевропейских языках это значение не отмечается, однако в них сохраняется исходная семема, на основе которой произошел метафорический перенос: укр. *збрѣзкнути* “скиснуть”, др. русск. *БРѢЗГАТИ* “пренебрегать”, русск.-ц.-слав. *ОБРѢЗГНУТИ, ОБРѢЗГНУТИ* “ощущать неприятный, терпкий вкус” // Родственно норв. *brisk* “горечь”, *brisken* “горький, терпкий” [Фасмер, т. 1, с. 211]; чеш. *břest* «терпкий вкус», польск. *brzazg* – то же, укр. диал. *бреск* «сырость» [Трубачев, в. 3, с. 16]. Учитывая эти свидетельства, мы можем описать значение праславянского корня * *brězg-* (> др.-русск. *брѣзг-* [Черных, т. 1, с. 109]) как “нечто горькое, кислое, терпкое, несвежее”.

Итак, этимологические данные позволяют реконструировать следующий путь семантического развития. В праславянском языке слова с корнем * *brězg-* обозначают вкусовое качество. Далее в древнерусском появляется более узкое наименование физиологически определяемого вкусового ощущения «ощущать неприятный, терпкий вкус». Затем развивается значение «аффект, сопровождающийся неприятными вкусовыми ощущениями». *БРЕЗГОВАТЬ* буквально - “ощущать нечто горькое, терпкое, несвежее”.

В словообразовательное гнездо *брЪзг-* входят следующие слова с эмоциональным значением “страх”, отмечаемые в памятниках письменности: *обрЪзгати* “брезговать, гнушаться” (XIII в.) [СРЯ, в. 12, с. 149]; *брЪзгати* “брезгать” (XIII в.) [СРЯ, в. 1, с. 331]; *брЪзговати* “брезгать” (XIII в.) [СРЯ, в. 1, с. 331].

Сходный путь семантического развития выявлен нами для слов с корнем *гнус-* / *гнуш-* (см. в приложении).

2.2.2. Метонимия в названиях эмоций *страха*

Здесь исследуются семантические модели, объединяющие НЭ, в которых развитие эмоционального значения произошло в результате метонимического переноса. Выявленные нами мотивировочные признаки можно описать как «причина», «состояние» и «внешнее проявление, выражение эмоций».

1. Наименования причины <i>страха</i> (действия, направленного на человека)	→	Наименования эмоций <i>страха</i>

Данная схема семантического развития была описана И.П.Петлевой [Петлева, 1984, с. 69-74]. Рассмотрим словообразовательное гнездо с корнем *бој-* со значением “бояться, пугаться”, отмечаемое в памятниках русской письменности: *Сидяшту ти въ зиму въ тепль храминь и без боязни изнаживъшуся: въздъхни помысливъ (о) убогихъ како клячатъ надъ малъмь огньцъмь съкърчивъшеся*. Изб. Св. 1076. [СРЯ, в. 1, с. 307]; *Прочии же видѣвше страшное се чудо, възбояшася и отбѣгоша*. ВМЧ, Дек. 1-5, 459. XVI в. [СРЯ, в. 2, с. 267]. Русский корень *бој-* восходит к праславянскому * *biti / bojati (se)*, который J.Рокорну возводит к индоевропейскому * *bhōi - / bhai - / bhi -* “бить,

убивать” [Pokorný, т. 1, с. 143]. М. Фасмер приводит родственные образования из индоевропейских языков, отражающие исходное значение: лит. *bajus* “страшный”, д.-в.-н. *bibēn* “быть избитому; дрожать, трепетать”, *bihal* “топор”, ирл. *behim* “режу, бью”, греч. *φίτρος* “ствол дерева, кол, колода” [Фасмер, т. 1, с. 204]. Древнейшее значение сохраняется в современном русском языке: бой, битва.

Переносное значение, фиксируемое в памятниках древнерусской письменности, отмечается в славянских и других индоевропейских языках: лит. *báimė* “страх“, *báilė* “страх, боязнь“, *bijótis* “бояться“, др.-инд. *bháyatē*, *bibhēti* “боится“, авест. *bayente* “страшить, пугать“, др.-ирл. *baigul* “опасность“; болг. *боя се*, сербохорв. *бójати се*, словен. *bojáti se*, чеш. *báti se*, польск. *bać się*, в.-луж. *bojeć so*, н.-луж. *bojaś se* “бояться“ [Фасмер, т. 1, с. 204]. Очевидно, что эмоциональная семема “страх” является индоевропейской и произошла от и.-е. * *bhōi* - / *bhai* -/ *bhi* – со значением “бить, убивать”. То есть **БОЯТЬСЯ** буквально- “быть битому”.

Итак, метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: по причине притеснения, угнетения человек начинает *бояться*. В словообразовательное гнездо *бој* - входят следующие слова с эмоциональным значением “страх”, отмечаемые в памятниках письменности: боязньство “боязнь, опасение“ (XI в.) [СРЯ, в. 1, с. 308]; боязнь - “страх, боязнь, опасение“ (XI в.) [СРЯ, в. 1, с. 307]; боение “страх, боязнь“ (XIII в.) [СРЯ, в. 1, с. 307]; боятися “бояться, страшиться“ (XIV в.) [СРЯ, в. 1, с. 311]; возбоятися “испугаться, утешиться“ (XVI в.) [СРЯ, в. 2, с. 267].

Сходный путь семантического развития претерпевают слова с корнем *гроз-*. Древнейшие данные об употреблении данных лексем со значением «страх, ужас» мы находим в памятниках древнерусской письменности: с XI в.: *Азь посла на ня преже весь недоумьние и грозу и страхъ и трепеть*. Новг. I лет. 247. [СРЯ, в. 4, с. 139]). В родственных славянских языках также отмечаются производные с переносным значением: укр. *гроза*, ст. сл. *ГРОЗА*, болг. *грозá*, сербохорв. *грóза* “трепет, ужас” [Шанский, с. 115.]; др. русск. (с XI

в.) *гроза* “ужас, угроза, ад, гроза” [Черных, т. 1, с. 219], серб. *gròziti se* «грозиться, ужасаться», чеш. *hrůza* «ужас, страх», *hroziti se* «ужасаться, страшиться», польск. *groza* «ужас, гроза» [Ларин, 1977, с. 18]. Само обилие славянских параллелей свидетельствует о том, что метонимический перенос произошел в праславянском языке.

П.Я.Черных исходным считает сопоставление с праславянским * *groza* “нечто ужасающее, внушающее ужас” [Черных, т. 1, с. 219]. М. Фасмер приводит такие индоевропейские параллели: лит. *gražoji, gražoti* “грозить”, лтш. *gręziôt* “грозить, сердиться”, ирл. *garg* “суровый, дикий”, *grain* “безобразие”, греч. *γοργός* «страшный, ужасный» [Фасмер, т. 1, с. 459]. Б.А.Ларин связывает с лит. *gražėti* – «любоваться», имеющим в литовском широкие связи: прилаг. *gražūs*, обладающее следующими значениями: 1) «красивый, привлекательный», 2) «ясный» (о небе, о погоде), 3) «крупный и приносящий много потомства», 4) «большой, жирный», 5) «хороший, доблестный», 6) «честный, надежный», 7) «ласковый, добродушный», 8) «чистый, чистоплотный». Рядом с этим прилагательным есть еще производное от него существительное *gražūmas* – «лучшая пора жизни», «красивое место», «доблесть, честность»; существительное *gražmiõ, gražmė* – «краса, украшение». Сюда же относится глагол *grāžinti* со значениями: 1) «делать красивым», 2) «делать тихим, покорным, смиренным» (сюда же оттенок значения «кастрировать» [Ларин, 1977, с. 18-19]. Значение «делать покорным; подчинять себе», сохранившееся только в литовском, надо считать, по словам Б.А.Ларина, самым древним. Тогда развитие эмоционального значения “страх” схематически может быть представлено следующим образом: о.-сл. * *groz-* “подчинять себе” → о.-сл. * *groz-* “испытывать угрозу, страх”. **ОГРОЗИТИСЯ** буквально - “быть подчиняемому, покоряемому”.

В словообразовательное гнездо *гроз-* входят следующие слова с эмоциональным значением “страх”, отмечаемые в памятниках письменности: *огрозитися* “устрашится” (XV в.) [СРЯ, в. 12, с. 260]; *гроза* “страх, ужас”, “строгость”, “угроза”, перен. “ад, преисподняя” (XI в.) [СРЯ, в. 4, с. 22].

Другими примерами, подтверждающими данный тип семантического развития, являются производные с корнем * *u^sas-*; * *polxъ*; * *bljusti -*; *пуг-* / *ис-пуг-* (см. в приложении).

2. Наименования состояния, в котором находится человек	→	Наименования эмоций <i>страха</i>
--	---	--------------------------------------

Ярким примером подобного семантического развития является история слов с корнем *стереч-* / *стерег-*. Дериваты этого словообразовательного гнезда развивают эмоциональное значение “боязнь, страх” в русском языке не позднее XVI в., о чем свидетельствуют памятники письменности старорусского периода: *Нашимъ посломъ масленые заговѣйна быти въ себе безъ всякого выстереганья и задержанья; здѣлаемъ ли ся дѣло, не здѣлаеть ли ся, и имъ доброволно к тебѣ приѣхати и отъѣхати*. Посольск. д. I. 599. 1521 г. [СРЯ, в. 3, с. 259], где выстереганье - “боязнь, страх”.

Корень *стереч-* / *стерег-* восходит к праслав. * *stergti-* “стеречь, караулить” (современная форма *стеречь* < * *stergti*; [gt] > *kt* перед *i* изменилось в *ч*, *er* между согласными после развития полногласия > *ere*), развившемся на основе более древнего значения и.-е. корня * *sterg-* “люблю (забочусь), имею удовольствие, терплю, переношу” [Черных, в. 2, с. 202]. В славянских и других индоевропейских языках отмечаются слова того же корня с первичным значением: укр. *стерегу́*, *стеречи́*, ст. сл. *СТРЪГУ*, *СТРЪШТИ*, словен. *stréči* “стеречь, караулить”, польск. *srtrzege*, *strzec* “караулить”; др.-лит. *sérgmi* “стерегу”, лит. *sárgas* “сторож”, ср.-греч. *στερωω* “люблю, забочусь” [Черных, в. 2, с. 202]. В современном русском языке также имеются производные, которые могут быть увязаны с древней семемой: *стеречь* “стеречь, охранять”, *сторож* «тот, кто охраняет». Отсюда легко выводится семантическая база, лежавшая в основе метонимического переноса, - “любить, охранять, заботиться, караулить”. В славянских языках эмоциональное значение “страх” не отмечается. Учитывая вышеприведенные данные, историю значений

существительного *выстереганье* можно реконструировать в виде следующей схемы: от древнего индоевропейского * *sterg-* со значением “люблю (забочусь), имею удовольствие, терплю, переношу” в праславянском языке глагол * *stergti-* развивает более узкое - “стеречь, караулить”. Далее (в великорусском языке) на основе переноса с «причины» на «следствие» появляется обозначение аффекта «страх» (ср. русск. разг. *поостеречься* “поберечь себя, побояться за свою жизнь”). *СТЕРЕЧЬ* буквально – “любить, охранять что-то (боясь это потерять)”.

Сходный путь семантического развития переживают слова с корнем *нас-* (см. в приложении).

3. Наименования внешнего проявления, выражения эмоции	→	Наименования эмоций <i>страха</i>
--	---	--------------------------------------

Эта общая модель объединяет разновидности, вычлняющиеся в зависимости от характера проявления эмоции:

а) «двигаться»	→	Наименования эмоций <i>страха</i>
----------------	---	--------------------------------------

Страх (как мы уже отмечали) может выражаться различными моторными актами. В данную модель вошли наименования эмоции *страха*, эмоциональное значение которых развилось на основе такой инвариантной семемы, как “двигаться”. История великорусского *вострястися* является подтверждением данного типа семантического развития. Анализируемая лексема отмечается в памятниках письменности с XVI века: *Да се вбдяше правовбрнии людие востряшошася*. ВМЧ. Ноябрь. 13-15., 948. XVI в. [СРЯ, в. 3, с. 64], где *востряшошася* – аористная форма от *вострястися* - «бояться, пугаться».

М.Фасмер производит данный глагол от праславянского * *trēs-, tręsti*, восходящих к и.-е. < * *treme* “двигаться; скакать” [Фасмер, т. 4, с. 113]. Ср., в связи с этим, славянские и индоевропейские параллели: укр. *трясти, трясу*,

ст.сл. ТРЯСТИ, польск. *trzość*, в.-луж. *třasć*, н.-луж. *tšěsć* “трястись, дрожать”; греч. *τρεμο* “дрожу”, лит. *trimti* “дрожать от холода”, др.-сакс. *thrimmar* “прыгать, скакать” [Фасмер, т. 4, с. 113]. Исходное значение отмечается и в древнерусском языке: *Егда бо въскрѣся въстряся ся мѣсто отъ основанию ею и воинства англѣска обидоша гробъ ею*. Усп. сб., 403. XII-XIII вв. [СРЯ, в. 3, с. 64], где *встрястися* - “испытать сотрясение, задрожать”. Опираясь на эти свидетельства, мы предполагаем, что мотивировочным признаком для появления в великорусском языке наименования эмоции «бояться, пугаться» явилась семема “трястись, дрожать”. В таком случае развитие значений схематически можно представить так: моторный акт – русск. *тряс-* “трястись, дрожать” → русск. *тряс-* “бояться, пугаться” (производные славянские и индоевропейские дериваты отмечаются только с древнейшим значением). ТРЯСТИСЬ буквально - “трястись, дрожать”.

Параллельный путь развития проходят слова с корнем *трепет-*; *дрог-*; *мърз-/мръз-* (см. в приложении).

б) «перестать двигаться» → Наименования эмоций
страха

Первая фиксация слов с корнем *страх-* / *страш-* происходит в памятниках великорусской письменности: *Тѣмъ замысломъ и чьрваниемъ и тако же ся застрашии ѿ(бса)ръ, яко мняшетъ видѣти Александра надъ собою съ мечемъ*. Флавий. Полон. Иерус. I. XVI в. [СРЯ, в. 5, с. 307]. В словообразовательное гнездо *страх-* / *страш-* входят следующие слова с эмоциональным значением “страх”, отмечаемые в памятниках письменности: *обстрашитися* “устрашится” (XVII в.) [СРЯ, в. 12, с. 171]; *застрашитися* “устрашиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 307]; *исстращатися (истращатъся)* “сильно испугаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 6, с. 311]; *острашитися* “устрашится, испугаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 13, с. 155]; *пострашитися* “устрашиться,

испугаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 17, с. 255]; *пристрашие* “угроза, страх” (XVII в.) [СРЯ, в. 20, с. 38]; *перестрастие* “боязнь, страх” (XVI в.) [СРЯ, в. 14, с. 293].

В родственных языках однокорневые дериваты с эмоциональной семемой не отмечаются.

Полагая лит. *stregti* “оцепенеть, превратиться в лед” и русск. *обстрашиться* “устрашиться” родственными по праславянской основе *streg-* / *strec-* [Фасмер, т. 3, с. 278; Rokorny, l. 9, s. 472], исходное значение может быть описано как «цепенеть, не двигаться».

Итак, историю развития словами с корнем *страх-* / *страш-* переносного значения на базе регулярной связи можно реконструировать в виде такой схемы: выражение эмоции – в.-русск. *страх-* / *страш-* “оцепенеть, быть неподвижным, не шелохнуться” (утраченное в русском языке) → эмоция – в.-русск. *страх-* / *страш-* “страх”. *ОСТРАШИТИСЯ* буквально - “оцепенеть”.

Отметим, что в немецкой идиоме: *das Blut erstarrt / stockt / gerinnt / gefriert j-m in den Adern*, обозначающей «бояться, страшиться» [Добровольский. Словарь, с. 45] имплицитно сохраняется сходное значение, данное выражение буквально переводится как «кровь стынет, цепенет, останавливается в жилах». Кроме того, семантическая эволюция дериватов с корнем *тороп-* подтверждает выделенную нами модель развития (см. в приложении).

2.3. Наименования эмоций *грусти*

2.3.1. Метафора в названиях эмоций *грусти*

В этом разделе исследуются названия эмоций *грусти*, метафорический перенос в которых произошел на основе мотивировочного признака «физический мир». Данная общая модель объединяет частные модели, вычлняющиеся в зависимости от конкретного мотивировочного признака семантической сферы «физический мир».

1. Наименования физиологического ощущения	→	Эмоции, протекание которых сопровождается похожими физиологическими ощущениями	→	Наименования эмоций <i>грусти</i>
---	---	--	---	-----------------------------------

Для большинства НЭ этого типа (развивших эмоциональное значение на основе признака «физиологическое ощущение») характерно развитие эмоционального значения в индоевропейскую и праславянскую эпохи. «Объединение в древних обозначениях аффектов – и наименования потрясающих чувств» [Ларин, 1977, с. 63] следует признать закономерным. Древнейшее развитие значения связано с тем, что синкретичное слияние *грусти* и *физиологически определяемого состояния тела* могло осуществляться только нерасчлененным сознанием человека, когда данные явления ощущались как однопорядковые и конгрунтные, а потому дополняющие характеристику и параметры друг друга. Такие НЭ (в силу своего древнего происхождения) на момент появления первых памятников древнерусской письменности функционируют в языке в виде развитого словообразовательного гнезда. В данной частной модели можно выделить разновидности в зависимости от вида физиологического ощущения.

а) наименования болевого ощущения	→ Эмоции, протекание которых сопровождаются похожим болевым ощущением	→ Наименования эмоций <i>грусти</i>
---	---	--

Примером истории слов, где развитие семемы «грусть» происходит на основе инвариантного значения «болевое ощущение», является эволюция слов с корнем *жал'*- «грусть, тоска». Производные от этого корня фиксируются с инвариантным эмоциональным значением с XII в. и представляют достаточно разветвленное словообразовательное гнездо: *жаля*, ж. «горе, печаль» (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 75]; *пожалитися* (-си) 1) «пожалеть, сжалиться», 2) «опечалиться» (XII в.) [СРЯ, в. 16, с. 92]; *жалитися* (*разждалитиси*, -ся; *ражжалитиси*) 1) «огорчиться, опечалиться», 2) «сжалиться»; *жалити*¹ 1) «упрекать кого-л., выражать недовольство», 2) «скорбеть, печалиться», 3) «заботиться», 4) «скучать» (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 70]; *жалитися* 1) «скорбеть, печалиться», 2) «жаловаться» (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 71]; *жалоба* 1) «горе, печаль», 2) «жалоба» (XVII вв.) [СРЯ, в. 5, с. 72]; *жалованье* 1) «печаль, скорбь», 2) «жалоба» 3) «милость», 4) «пожалование, подарок» (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 72]; *жалость* 1) «жалоба», 2) «горе, печаль, грусть» (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 74]; *жаль* «горе, печаль» (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 74]; *сжалитися* 1) «огорчиться, опечалиться» (XVI в.), 2) «пожалеть кого-л.» (XII в.), 3) «оказать снисхождение» (XII в.) [СРЯ, в. 24, с. 115]; *сжаловатися* «горевать, скорбеть» (XVI в.) [СРЯ, в. 24, с. 115].

Этимологически *жал'*- восходит к праслав. * *žal* – (из и.-е. * *q* " *ēl*- «колоть, жалить; боль, мучение, смерть» [Черных, т. 1, с. 290]). В родственных индоевропейских языках сохранились дериваты с древнейшим значением: лит. *gelti* «очень болеть, жалить», *gēla* «жестокая боль, мука, мучение» [Фасмер, т. 2, с. 35], нем. *Qual* «мучение, страдание» [Шанский, в. 5. с. 275], др. - в. - нем. *quelan* «страдать», *quâla* «страдание, мука», арм. *keł* «нарыв», греч. *βέλωνη* «острие, гвоздь» [Черных, т. 1, с. 290]. Значение «болевое ощущение» отмечается и в группе славянских слов, семантику которых можно отнести к

погребальной символике: ст. сл. *жаль* “гробница”, словен. *žalovati* “быть в трауре, оплакивать” [Фасмер, т. 2, с. 35]. Материалы русских говоров также указывают на древнейшую семему: *жаль* 1. Убогий дом- место для трупов. 2. Могила, кладбище [СРНГ, в. 12, с. 90]. Таким образом, мы можем сформулировать значение, послужившее основой для метафорического переноса, как “острая, колющая (смертельная) боль”. Наличие в славянских языках родственных лексем с переносным значением «грусть, печаль» (укр., блр. *жаль* “горе, печаль”, болг. *жал* “горе, скорбь”, с.- х. *жа́о* “жаль, жалко”, чеш . *žal* ”скорбь, печаль, горе”, польск. *żal* “печаль” [Фасмер, т. 2, с. 35]) позволяет утверждать, что этот перенос произошел в праславянском языке. Схематически развитие значений слов с корнем * *žal-* можно представить так: от синкретического, функционировавшего в индоевропейском языке значения “боль, мучение” в праславянском языке развивается переносное ”грусть”. *ЖАЛЕТЬ* буквально - беречь, охранять от боли, мучений.

Типичное для древнейшего синкретического мышления скрещивание элементарных болевых ощущений и эмоций подтверждается и другими НЭ, в которых значение “болевое ощущение” также являлось основой метафорического развития эмоциональной семемы. Однако *болевое ощущение* в каждом случае появления нового НЭ осмысливается по-разному (см. в приложении: *груст* - / *грущ* -; *круч*-; *ском* -; * *skъrbъ* -; * *bol´* -).

б) наименования	→	Эмоции, протекание которых	→	Наименования
температурного		сопровождаются похожим		эмоций <i>грусти</i>
ощущения		температурным ощущением		

В древнерусской письменности слова с корнем *гор-* отмечаются в своем основном (первичном) и переносном значениях. Представим употребление слов с данным корнем в переносном значении: (1382) *И бяше въ градѣ видѣти тогда плачь и рыдание и вопль многъ, ... скорбь, бѣда, нужда, горесть смертная, страхъ, трепет, ужасъ*. Рог. лет., 145. [СРЯ, в. 4, т. 89]; *И возплакашася нача*

прощатися от горести сердце рекоша. Аз. пов. (сказ.), 171. XVII в. [СРЯ, в. 4, с. 89]. В словообразовательное гнездо *гор* - входят следующие слова с эмоциональным значением “грусть”, отмечаемые в памятниках письменности: *горевати* “горевать, печалиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 84]; *горе* 1) “горе, несчастье”, 2) “печаль, скорбь” (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 83]; *горесть* “горе, скорбь” (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 85]. Как видно из приведенного материала, уже в XIV веке у лексемы *горе* эмоциональное значение фиксируется не как прямое номинативное, что, вероятно, связано, в первую очередь, с действием языкового закона о движении конкретного к абстрактному (эмоция, как знак определенной ситуации, стала выражением этой ситуации). Выбор именно этой лексемы для наименования несчастья, на наш взгляд, не случаен: семантическая структура данного НЭ в тот период не содержала семы, связывающей вербант с определенным эмоциональным ощущением. Данное НЭ обозначало эмоцию *грусти* вообще.

Во всех вышеуказанных памятниках слова с корнем *гор*- употребляются в том же значении, в каком они функционируют в современном русском языке. Этимологический анализ подтверждает развитие производного значения в древнейшую (индоевропейскую) эпоху. В этимологических словарях приводятся индоевропейские (в том числе славянские) параллели как в прямом, так и переносном (эмоциональном) значениях: др.-инд. *h̄aras* “жар”, *gōkas* “пламя, жар”, *ghrnoti* “пылать, сверкать”, ирл. *gorim*, *guiřim* “согревать, разжигать”, лит. *garėti* “гореть” [Трубачев, в. 7, с. 41]; др.-инд. вед. *Gharma* «жара, тепло», авест. *garma* «горячий», арм. *jerṃ* «горячий» [Гамкрелидзе, Иванов, ч. 2, с. 683], в.-луж. *horić* “жечь, пламенеть”; рус. *гореть* “пылать”, *греть* “увеличивать температуру”, *жар* [Трубачев, в. 7, с. 41]; др.- инд. *gōkas* “мука, печаль, горе” [Фасмер, т. 1, с. 140]; ирл. *gorum* “грустить” [Черных, т. 1, с. 48]; ст. сл. *ГОРЕ* “горе“, в.- луж. *horjo* “печаль, тревога“, н.- луж. *góre* ср. р. “горе, печаль, грусть, досада, гнев“, чеш. *goriti* диал. “горевать, жаловаться“, словен. *горест* “горечь, печаль“, болг. *гóрест* “горесть, печаль“ [Трубачев, в. 7, с. 46]. Приведенные данные позволяют сформулировать первичное значение

как “ощущение высокой температуры (жжения, жара) от горения огня”, а также считать, что уже в индоевропейском языке слова с корнем * *g* ^u *her* - / * *g* ^u *hor* - означали и «болевое ощущение», и «грусть».

Итак, семантическую историю слов с корнем *gor*- можно реконструировать в виде такой схемы: от синкретического значения «жар» как явления природы (огонь, жарá) и температурного ощущения (жжения) уже в индоевропейском языке развивается специфическое - «грусть – переживание, сопровождающееся ощущением жжения». *ГОРЕ* буквально - “то, что жжет”. «Родство значений “горе, печаль” и “жечь, гореть, печь” элементарно» [Трубачев, в. 7, с. 46].

Таким образом, лексемы, входящие в данную группу, своим древнейшим значением, послужившим основой развития эмоциональной семемы, имели “температурное ощущение”. Символически связанным с ним оказывается мотив *огня*, который является одним из главнейших концептов первобытного домифологического и мифологического сознания [Фрейденберг, с. 147]. Семантической доминантой, ставшей источником развития эмоции *грусть*, стала, однако, не вся система значений *огонь*, а, именно та ее часть, в которой пересекается *человек* и *огненная стихия: ощущение жжения* (см. в приложении: *жиг-* / *ждиз-*; * *рещ-*).

в) наименования	→	Эмоции, протекание которых	→	Наименования
вкусового		сопровождается похожим		эмоций <i>грусти</i>
ощущения		вкусовым ощущением		

Эта модель также представляет собой древнейший способ ассоциирования на основе скрещивания элементарных (в данном случае вкусовых) ощущений и эмоций.

В праславянскую эпоху развития языка лексемы с корнем * *gor*- на основе индоевропейского * *g* ^u *her* - / * *g* ^u *hor* - “жечь, гореть” развивают более узкое * *gor'esty*: * *goreti*: * *gor'čiti* со значением «вкусовое ощущение».

О.Н.Трубачев приводит следующие соответствия из славянских языков: словен. *горест* “горечь”, диал. русск. *горесть* “горький вкус, горечь”; * *gorьciti* от прил. * *gorьkъ* со знач. “горький” (ср. болг. *горчи* “горчит, отдает горьким”, макед. *горчи* “горчить” [Трубачев, в. 7, с. 46], в индоевропейских языках подобное значение не отмечается. Таким образом, в праславянском языке слова с корнем * *gor'*- приобретают новое значение и означают буквально- “то, что жжет, горчит”. Эмоциональная семема также имеет славянское происхождение. Так, переносное значение сохранили болгарский язык - *горест* “печаль, горесть” и словенский - *горест* “печаль” [Трубачев, в. 7, с. 41]. Эти данные позволяют предположить такую схему развития значений: и.-е. * *g^u her* - / * *g^u hor* - “ жечь, гореть (жар, горение)” > о.-сл. * *gor'estь*- “ощущение горечи, жжения во рту” > о.-сл. * *gor'estь*- «грусть». **ОГОРЧЕНИЕ** буквально- “ то, что горчит, жжет; то, от чего горько во рту”.

Итак, будучи праславянскими по своему происхождению, лексемы с корнем * *gor'*- отражаются уже в первых памятниках: *Слышаша же иудеи словеса сия и огорьчишася душою, и емше же Иосифа, и затвориша в темницы.* (Острад. Хр.) Лож. и отреч. кн., 97. XII в. [СРЯ, в. 12, с. 254]; *Утроба ми възлятеся, и сердце мое обратися въ мнѣ, яко огорчѣвая огорчяхъ.* (Пл. Иерем. I, 20). Библи. Генн. 1499 г. [СРЯ, в. 12, с. 253]; *Велми оскорбися и огорчися о сродницѣхъ.* Ж. Ал. Ош., 61. 1571 [СРЯ, в. 12, с. 254]. В словообразовательное гнездо *горч*- входят следующие слова с эмоциональным значением “грусть”, отмечаемые в памятниках письменности: *огорчатися* “огорчиться, опечалиться” (XII в.) [СРЯ, в. 12, с. 254]; *огорчати*² 1. “стать горьким”, 2. “огорчиться” (XII в.) [СРЯ, в. 12, с. 253].

В памятниках письменности XI – XVII вв. мы не обнаружили других слов, имеющих сходную семантическую историю. Однако признак “ощущение горечи, жжения во рту”, мотивирующий развитие семемы «грусть», представляется настолько отличным, что выделение отдельной семантической модели является, по нашему мнению, обоснованным. Фактором, подтверждающим доказательность данного вывода, является

функционирование в языке идиоматических выражений, построенных по такой же логике (ср. *от страха во рту похолодело, сладкий вкус победы, горечь поражения* и др.).

2. Наименования явления природы, воспринимаемого органами чувств	→ Эмоции, в протекании которых улавливаются черты, сходные с этим природным явлением	→ Наименования эмоций <i>грусти</i>
--	--	-------------------------------------

Данный семантический перенос представляется наиболее экспрессивным и поэтическим, поскольку в качестве сравниваемого объекта выступает явление природы. В памятниках древнерусской письменности примером подобного типа семантического переноса является лексема *омаритися*: *срдце бо ми клеплет, и дша ми омарися, и жилы тѣла моего расслабѣша*. (Палея). Вост. II, 23. 1494г. [СРЯ, в. 12, с. 363], где *омаритися* - «омрачиться, опечалиться». Исходное значение этого слова сохраняется в родственных индоевропейских, в том числе славянских языках: греч. *αμαρυσσω* «сверкаю», др. -инд. *márisis, marici* «луч», *maricika*, «мираж» [Фасмер, т. 2., с. 57]; русск. *мар* «сон», польск. *mara* «сновидение» [Трубачев, в. 17, с. 218]. В русских говорах слова с корнем *мар-* имеют сходное значение: *мар*: «солнечный зной, глухая мгла, сон»; *мáрит* (солнце) «печет», *марь* «туман, возрастающий зной», *мáрный* «знойный, теплый, мутный», сюда же *мáра* «темнота, туман» [Фасмер, т. 2., с. 57], *марево* «солнечный зной», *марь* «то же что марево», арх. *марь* «поднимающиеся вверх испарения, туман, жара, пекло» [Трубачев, в. 17, с. 218]. Учитывая материал древних памятников и говоров, а также этимологические данные, можно сделать вывод, что древнейшим значением слов с данным корнем было обозначение природного явления, протекающего в жаркую и знойную погоду, сопровождающегося туманом и мглой. Затем на основе этого значения (не позднее XV века) в древнерусском языке путем метафоризации сформировалось переносное - «грусть». Древнерусское происхождение семемы «грусть» подтверждается отсутствием в

родственных славянских языках сходного эмоционального значения у дериватов с этим корнем. *ОМАРИТЬСЯ* буквально - “покрыться печалью, как мглой, туманом; потемнеть лицом; помрачнеть”.

Сходную схему развития эмоционального значения имеют некоторые диалектные слова: так, *всхизать / хизить* “скучать, грустить” [СРНГ, в. 5, с. 220] восходит к *хизить* “мести, метелить, вьюжить” < *хиусь* “несильный, но резкий зимний ветер” [Даль, т. 4, с. 547]; *вьюжить* «тужить, горевать» [СРНГ, в. 5, с. 276] образовано от *вьюга*.

2.3.2 Метонимия в названиях эмоции *грусти*

Для слов данного раздела, объединенных общим принципом метонимического развития переносного значения, нами были выявлены три мотивировочных признака: «причина», «состояние» и «внешнее проявление, выражение эмоции».

1. Наименования причины <i>грусти</i> (действия, направленного на человека)	→	Наименования эмоций <i>грусти</i>

Данная семантическая модель является отражением универсальной концептуальной связи, которая в свою очередь базируется на определенном корреляте в объективном мире. То есть эта схема выражает определенный человеческий ритуал, который фиксировал тип реакции на конкретное действие.

Так, для производных от корня *туж-* значение «действие, направленное на человека» можно вывести, исходя из следующих фактов языка.

Письменные свидетельства слов с корнем *туж-* отмечаются с X века: (986) (И) въстужиша людье въ градъ и рѣща неликого бы могль на ону страну

доити. Лавр. Лет. 66. [СРЯ, в. 3, с.64]; *И тут красна двца затужилас[ь], учала домышлять, как бы з дворяниномъ помиритьца*. Сказ. мол. дев¹., 87. XVII в. [СРЯ, в. 5, с. 326]. Из данных контекстов видно, что уже в древнерусском языке *тужить* означает «грустить, печалиться», то есть мы можем предположить, что развитие эмоционального значения произошло, вероятно, в дописьменную эпоху (возможно, в праславянском языке). Ср. данные родственных славянских языков: с.-х. *тўга* «скорбь», болг. *тъга* «тоска, печаль», чеш. *touha* «тоска», словц. *túha* – то же, польск. *tęga* «скорбь» [Фасмер, т. 2, с. 63]. Признак, лежащий в основе метонимического переноса, можно восстановить при помощи этимологического анализа. М.Фасмер сопоставляет русский корень *туж-* < *туг-* (где *у* < *о*, звук *г* перед *и* изменился в *ж*) с праславянским * *toga* < * *togъ* “тугой”, который развился из индоевропейского * *ten(g)noti* со значением “стягивать, сдавливать, сжимать, стеснять, угнетать” [Фасмер, т. 2, с. 63]. Древнейшее значение корня сохраняется в современных русских производных: *тугой*, *стягивать*. Эти данные позволяют утверждать, что слова с корнем * *tę(g)n-* в индоевропейском языке имели значение «стягивать, сдавливать, сжимать», но в праславянском в результате метонимического переноса в семантической структуре данных лексических единиц произошел сдвиг. Линия развития эмоциональной семемы представляется таким образом: и.-е. * *ten(g)noti* «стягивать, сдавливать, сжимать» → прасл. * *togъ* «стягивать, сдавливать, сжимать» > «грустить». Таким образом, метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: по причине притеснения, угнетения человек начинает грустить. Тогда *ТУЖИТЬ* буквально – “быть в притеснении, угнетении”.

Регулярность данной схемы метонимического переноса подтверждается диалектным материалом. Так, *журиться* “горевать, печалиться” [СРНГ, в. 9, с. 231] восходит к о.-сл. * *журь* “принуждение, брань, печаль”. Родственно др.-инд. *ghóras* “ужасный”, с.-х. *журба* “спешка, теснота”, словен. *guráti* “изнашивать, натягивать, мучить” [Шанский, в. 2, с. 149]. Корень в *жуда* “тоска, печаль” [СРНГ, в. 9, с. 233] М. Фасмер связывает с лит. *žavinti* “губить”,

žydūti “умерщвлять”, англосак. *gientan* “убивать”, *āgientan* “разорить”, лтш. *zūdīt* “губить” [Фасмер, в. 2, с. 63]. Слова с корнем *ны-* / *ној-* (*изнываться* “томиться, грустить” [СРНГ, в. 12, с. 161]) обнаруживают соответствующее первичное значение в родственных языках: лит. *nōyti* “мучить, губить, угнетать”, лтш. *nāve* “смерть”, гот. *naus* “мертвец”, ирл. *núna* “голод” [Фасмер, т. 3, с. 92]. Для лексемы *измордоваться* “*истомиться, испечалиться*” [СРНГ, в. 12, с. 149] Н.М.Шанский приводит родственные слова из польск. *mordowac* “убивать, умерщвлять, мучить”, которое восходит к нем. *morden* “убивать”, где *морда* к прасл. * *marba* “что за голова, отвратительная; голова, которую хочется оторвать” [Шанский, в. 6, с. 271], у В.И.Даля *измордовать* “избить морду, сгубить, замучить” [Даль, т. 2, с. 346]. Лексему *насутыриться* “загрустить” [СРНГ, в. 20, с. 208] М.Фасмер возводит к *сутырь*, ж. “ссора, беспокойство”, *сутырить* “спорить, затевать склоки, задирать” [Фасмер, т. 2, с. 656].

Отметим, что в каждом конкретном примере мотивировочный признак «действие, направленное на человека» имеет различную реализацию, однако характер этого действия представляется сходным. *Грусть* вызывает действие, оцениваемое как негативное, противоречащее воле и желанию человека.

2. Наименования состояния, в котором находится человек	→	Наименования эмоций <i>грусти</i>
--	---	--------------------------------------

В данном случае объединяются лексемы, эмоциональное значение которых развилось на базе регулярной логической (причинно-следственной) связи: причина - определенное состояние > следствие - эмоция (эмоциональное состояние).

Лексемы с корнем *жел-* со значением «грусть» отмечаются в памятниках великорусской письменности с XV века: *Се бо и боаре твои... нынѣ же лишени твоеа любьве, желѣтвѣ дома великы мнозѣ унынии*. Патерик. Печ., 84. XV в. *Желетба, желень, печалование maestitia, sollicitudo*. Барс. Словарь. 55 об., XVII в. [СРЯ, в. 5, с. 83]. В славянских языках однокорневые

дериваты с эмоциональным значением не отмечаются. Семему, на базе которой произошел метонимический перенос, позволяют восстановить следующие данные. Этимологи сопоставляют корень *жел-* с о.-сл. * *želti* “жалеть”, значение которого является вторичным по сравнению с “желать” [Шанский, в. 5, с. 280; Черных, т. 2, с. 40]. В славянских языках зафиксированы генетически однокоренные слова именно в первичном значении: укр. *желати*, ст. сл. *желати*, болг. *желая*, др. чеш. *želeti, zeleji* “желать”. Родственны греч. *velo* “желаю” [Фасмер, т. 1, с. 295; Шанский, в. 5, с. 280; Черных, т. 2, с. 40]. В современном русском языке *желать* отмечается также в значении, близком к исходному. Схему развития значений можно представить следующим образом: прасл. * *želti* «желать что-либо (например, желать что-то утраченное)» → прасл. * *želti* «жалеть что-либо (например, жалеть это утраченное)» → русск. *желѣти* 1) “жалеть; печалиться, сокрушаться, скорбеть”, 2) “желать, хотеть”. Свидетельства письменных источников позволяет утверждать, что в эпоху великорусской письменности слова с исследуемым корнем употреблялись в обоих значениях: *желѣтва* и *желѣтба* “печаль, скорбь” [СРЯ, в. 5, с. 83]; *желѣти* 1) “печалиться, сокрушаться, скорбеть”, 2) “желать, хотеть” [СРЯ, в. 5, с. 83]; *желѣние* 1) “печаль, скорбь, горесть”, 2) “желание” [СРЯ, в. 5, с. 83]; *желень* “печаль, скорбь, горесть” [СРЯ, в. 5, с. 83]; *раждѣление* “печаль, скорбь” [СРЯ, в. 21, с. 130]. *ЖЕЛѢТИ* буквально - “ощущать лишение чего-либо, жалеть потерянное, хотеть утраченное”.

Данная семантическая модель подтверждается лексическим материалом русских народных говоров. Так, диал. *гребтеть* “грустить, скучать, тосковать” [СРНГ, в. 7, с. 127], вероятно, родств. с *гребта* “забота, попеченье, раздумье” [Даль, т. 1, с. 391]. Данная схема семантического развития так же, как и модель «действие, направленное на человека» → «грусть», базируется на логической, причинно-следственной связи. Однако в данном случае причиной возникновения эмоции является не конкретное физическое воздействие эксплицированного объекта, а некоторое состояние – пространственно-временная ситуация без ярко выраженного субъекта действия.

3. Наименования внешнего проявления, выражения эмоции	→	Наименования эмоции <i>грусти</i>
--	---	--------------------------------------

В русском языке слова с корнем *плак-* / *плач-* со значением «грусть» засвидетельствованы достаточно рано. С XI в.: *Съ стражуштием страдати, и съ плачюшшими збло плакатися*. Изб. Св. 1076г. 304 [СРЯ, в. 15, с. 71]; *Увы ми, како преже поплачюся о любовь, юже на лживую дружбу*. Варлаам Иоасаф, 163. XVI в.~XI в.~XII в. [СРЯ, в. 17, с. 86]. В родственных славянских языках однокорневые дериваты отмечаются только с первичным значением “внешнее проявление эмоции”: укр. *плакати*, -ся, ст. сл. *плакати*, болг. *плача*, чеш. *plakati*, польск. *plakać* // Родственны лит. *plákti*, *plakú* “колотить”, *plākis* “удар”, лат. *plango*, *planxi* “бить себя в грудь, громко сетовать” [Фасмер, т. 3, с. 372]. Первоначальным значением слова было - “биение себя в грудь (в знак скорби)”. П.Я.Черных возводит к о.-сл. *plakati* < и.- е. *plāk*, *plāg* “ударять, бить”, ср.лит. *plaku* “бичевать” [Черных, т. 2, с. 38]. Вероятнее предположить, что производные с корнем *плак-* / *плач-* развивают эмоциональное значение на этапе распада общеславянской языковой общности в одном из диалектов. Инвариантную семему на основании приведенных этимологических данных можно описать так: “бить себя в грудь в исступлении, скорби; плакать”. Таким образом, в праславянском языке слова с корнем * *plak-* означали: “бить себя в грудь, бичевать” → «громко сетовать, кричать, плакать (в знак скорби)», затем в восточнославянских диалектах путем метонимического переноса с формы на содержание слова с корнем *плак-* / *плач-* приобретают эмоциональное значение “грустить, печалиться”. **ПЛАКАТИ** буквально- “бить себя в грудь в исступлении, скорби”.

На основании фиксации лексических единиц в памятниках письменности словообразовательное гнездо *плак-* / *плач-* можно реконструировать так: *плакати* 1) “плакать, горевать, сетовать”, 2) “оплакивать”, 3) “что- то просить с плачем” (XI в.) [СРЯ, в. 15, с. 70]; *плакатися* “плакать горевать, сетовать” (XI в.) [СРЯ, в. 15, с. 71]; *поплакати* 1)

“плакать”, 2) “огорчатися” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 86]; поплакатися 1) “поплакаться”, 2) “огорчиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 86].

Для большинства НЭ этого типа характерно развитие эмоционального значения в древнерусском языке (см. в приложении: *рыд-*; *скуч-*; *дых-*; *стон-*; *сѣм-*; *слаб-*; * *drjah-*).

2.4. Наименования эмоций *гнева*

2.4.1. Метафора в названиях эмоций *гнева*

Анализируемые здесь названия эмоций *гнева* являются метафорой. Выявленные нами мотивировочные признаки могут быть описаны следующим образом: «человек как носитель определенных свойств», «процессуальность» и «характеристика субстанции».

1. Наименования человека по особенностям поведения, образу жизни, привычкам и др.	→	Эмоции, в протекании которых человек ведет себя подобным образом	→	Наименования эмоций <i>гнева</i>
---	---	--	---	----------------------------------

В древнерусском языке *повраждовати* обозначает «разгневаться, разозлиться»: *Епифанъ же никако отинудь не повраждова Харину.* (Ж. Епиф. Кипрск.) Усп. Сб., 267. XII-XIII вв. [СРЯ, в. 15, с. 172]. В говорах *вражиться* - «злиться» [СРНГ, в. 5, с. 184]. Этимологи возводят этот глагол к существительному *враг*, которое является заимствованием из старославянского языка, где *врагъ* < общеслав. **vorgъ* [Шанский, в. 3, с. 190]. Богатый материал для истории исследуемого слова приводит М.Фасмер: болг. *враг*, с.-х. *vrâg*, словен. *vrâg* «дьявол, черт», чеш. *vrah*, слвц. *vrah* «убийца», польск. *wrog* «враг» («убийца»); др.-прус. *warg* «злой, тот, кто угнетает», лат. *urgere* «теснить, угнетать, гнать» [Фасмер, т. 1, с. 352]. В.В.Колесов отмечает, что *враг* у славян – это «отверженный, тот, кто извержен из рода, наводит беду на всех остальных, он всегда зол, к нему с неприязнью относятся остальные члены племени... Со временем перенос значений шел по линии отвлеченно понимаемого злого духа: врагом стали называть беса, дьявола, сатану... Становясь обозначением беса, это слово, уже по христианским понятиям, не

может обозначать неприятеля – человека, на смену слову *врагъ* приходит русская полногласная форма *ворогъ*. В Древней Руси именно *ворогъ* – постоянное обозначение недоброжелателя или неприятеля" [Колесов, 2000, с. 70, 72]. Языковой и культурный материал, относящийся к этому слову, позволяет описать значение, ставшее основой метафорического переноса в языке Древней Руси: “злой дух, бес, тот, кто наводит беду”.

Схему развития значений для русского языка можно представить следующим образом: прасл. **vorgъ* “враг, злой; тот, кто притесняет, обижает” > др.-русск. *ворогъ* “враг, неприятель” / ст.-сл. *врагъ* “злой дух, бес, тот, кто наводит беду” → др.-русск. *повраждовати* “вести себя как враг”, а именно, “гневаться”.

ПОВРАЖДОВАТИ буквально – “вести себя в гнев как враг (т.е. относиться к объекту гнева недоброжелательно, зло, опасно)”.

Сходный путь развития эмоционального значения отмечается в дериватах с корнем *див-*, *ист-* / *не+ист-* (см. в приложении).

2. Наименования процесса, явления природы, воспринимаемого органами чувств	→	Эмоции, в протекании которых улавливаются черты, сходные с этим процессом, явлением природы	→	Наименования эмоций <i>гнева</i>
--	---	---	---	----------------------------------

В данной модели можно выделить частные модели, вычлениющиеся в зависимости от характера процесса, явления природы.

а) начало процесса	→	Эмоции, в протекании которых улавливаются черты, сходные с этим процессом, явлением природы	→	Наименования эмоций <i>гнева</i>
--------------------	---	---	---	----------------------------------

В памятниках древнерусской письменности производные с корнем *жеч* - отмечаются уже с XIV века с переносным значением: *разжечися* 1) "прийти в сильный гнев"; 2) "разгореться" [СРЯ, в. 5, с. 199]. Мы предполагаем, что развитие значений этого корня шло в следующем направлении: др.-русск. *жеч*- "начинать гореть" → др.-русск. *жеч*- "прийти в сильный гнев". Это направление – от физического процесса к эмоциональному – подтверждается тем, что в славянских и индоевропейских языках генетически родственные слова фиксируются только с семемой "процесс горения": с.-х. *жећи*, др.-чеш. *žeci*, *žehu*, польск. *żec*, *żgę* "жечь", прасл. * *žega* из * *gego*. Родственно лит. *degí*, *dégti* "жечь", лтш. *degu*, *degt* "гореть", др.-инд. *dahati* "горит" [Фасмер, т. 2, с. 38]; лат. *deti* "жечь", ирл. *daiq* "огонь" [Трубачев, в. 2, с. 670]. В памятниках древнерусской письменности приведенный выше контекст является единственным примером употребления анализируемых слов с этим значением. Затем это значение исчезает: в словаре В.И.Даля семантика однокоренных слов иная: *разжигаться* "накаляться, распалиться, усиливать огонь, воспламениться, разгораться" [Даль, т. 2, с. 38]; с той же семемой в современном русском языке отмечаются: *жечь* "поджигать", *сжигание* "горение". В немецком - *das Blut kocht j-m in den Adern* обозначает «гневаться» [Добровольский. Словарь, с. 44], дословно можно перевести как «кровь кипит / горит в жилах». Тогда *РАЗЖЕЧИСЯ* буквально – "сгорать от гнева, гореть злобой".

Подобный путь семантического переноса мы наблюдаем в словах с корнями *печал-*; *пых-*; *рьн-*; *тек-*; *пал-* / *пол-*; *гнб-* (см. в приложении). Отметим, что все производные с этими корнями, судя по отражению в памятниках древнерусской и великорусской письменности, приобретают эмоциональное значение не ранее XIII века. Индоевропейские и славянские дериваты с эмоциональным значением также не отмечаются.

Б.А.Ларин для глагола *кипеть* с подобным соотношением значений: "физическое явление" – "гневаться" предполагает обратное направление семантического развития: "приходить в ярость, неистовство" → переносно о воде → переносно об огне → "дым" и прочее [Ларин, 1977, с. 33 – 34]. Мы на

основании вышеизложенных доказательств не можем согласиться с этим выводом. Однако необходимо отметить, что метафорический перенос в анализируемых словах произошел в эпоху древне- и великорусского языков, то есть выявленный нами тип семантического переноса является хронологически и ментально мотивированным.

б) наименования процесса	→	Эмоции, в протекании	→	Наименования
– нарушения		которых улавливаются		эмоций <i>гнева</i>
(разрушения) структуры		черты, сходные с этим		
объекта		процессом		

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» словообразовательное гнездо с корнем *рѣв-* представлено следующими существительными: *рвение*¹ (*рѣвьние, рѣвение, ревление, рѣвение*) 1) "усердие, рвение" (XI в.), 2) "соперничество, зависть, вражда" (XII в.), 3) "ревность" (XV в.), 4. "гнев" (XI в.) [СРЯ, в. 22, с. 124]; *ревность* (рѣвьн-, ревен-) 1) "рвение, пылкое усердие" (XI в.), 2) "зависть" (XII в.), 3) "ревность" (XV в.), 4) "гнев, злоба, ярость" (XI в.), 5) "ссора, распря" (XV в.), 6) "бодрость, живость" (XV в.) [СРЯ, в. 23, с. 129].

Развитие значений происходит от значения "процесс: рваться, разрушаться, лопаться" к переносному "гневаться" в древнерусском языке не ранее XI века, поскольку в родственных славянских языках однокорневые лексемы со сходным эмоциональным значением отсутствуют. Инвариантную семему можно описать, исходя из следующих языковых фактов: ст.-сл. *рѣвение* образовано с помощью суф. *-ение* от *рѣвати*, которое общеславянское и.-е. характера; ср. др.-инд. *rav* "разбивать", лит. *raĩti* "вырывать", лат. *revere* "вырывать". Тот же корень, но на иной ступени чередования выступает в глаголе *рыть* [Трубачев, в. 12, с. 386]; болг. *рѣва* "кусаю", с.-х. *рвати се* "бороться, состязаться" [Черных, т. 2, с. 101]. Древнейшее значение корня "процесс" сохраняется в современном русском языке: *рвать, рвение*. Таким образом, исходное значение – основу метафорического переноса можно

описать как “процесс по разрушению, разрыванию, то есть разрушение целостности объекта”. *РВАТЬСЯ* буквально - “рваться, разбиваться от гнева”.

Возможность выделения данной схемы развития значений подтверждается функционированием в русском языке синонимичных устойчивых выражений: *лопнуть / треснуть от злости*.

в) наименования процесса	→	Эмоции, в протекании	→	Наименования
– сверхнормы:		которых улавливаются		эмоций <i>гнева</i>
внезапность, обильность,		черты, сходные с этим		
рост		процессом		

Производные с корнем *лют-* фиксируются в древнерусских текстах с эмоциональным значением с XI века: *Вьсяка горесть и лютость и гнѣвь и кличь и хуление да възьматься отъ вась*. Изб. Св. 1076, 557 [СРЯ, в. 8, с. 347]. В словообразовательное гнездо *лют-* входят следующие слова с эмоциональным значением “гнев”, отмечаемые в памятниках письменности: *лютовати* 1) «быть недовольным», 2) “негодовать” (XII в.) [СРЯ, в. 8, с. 346]; *лютость* 1) “жестокость, свирепость, ярость”, 2) “большая степень, интенсивность проявления чего-л.” (XI в.) [СРЯ, в. 8, с. 347]; *лютитися* “злобствовать, неистовствовать, сердиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 8, с. 346].

Отметим, что слово *лютость* документировано в значении “большая степень, интенсивность проявления чего-л.” с XI в.

В словаре В.И. Даля производные также приводятся с прямым и переносным значениями: *лютый* “свирепый, зверский, жестокий, злой, кровожадный”, *лють* “свирепеть, становиться все более мощным” [Даль, т. 2, с. 739]. И современный русский язык сохранил словосочетание, в котором лексема с корнем *лют-* употребляется в значении, близком к прямому: *лютый мороз* “сильный мороз”.

В некоторых славянских и других индоевропейских языках отмечаются производные с аналогичным значением: кимр. *lyntār* нареч. «очень, чрезмерно», греч. *λυσσα* “бешенство” < *κλυχία* от *λυπος* “волк”, то есть “волчье бешенство»,

лтш. *laiûrs* "дурной" [Фасмер, т. 2, с. 547]. Более полная система значений наблюдается в старославянском языке: ст.-сл. *лють* "лютый, злой, свирепый, жестокий; буйный, дикий, сильный" [Трубачев, в. 15, с. 220].

На основе вышеприведенных данных можно реконструировать первичное значение слов с корнем *лют-* - "сильно, обильно, чрезмерно", а *ЛЮТОВАТИ* буквально- "сверх меры наполняться гневом (резко, сильно, обильно, чрезмерно), отличаясь от своего нормального состояния". О.Н.Трубачев считает, что "семантический признак "злой, жестокий" может быть связан как с первичным значением "твердый", так и "быстрый, сильный"; возможна связь со значением "быстрое резкое движение" [Там же, в. 15, с. 231]. Таким образом, развитие эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: праслав. **l'utъ-* "действовать сильно, обильно, чрезмерно" → праслав. **l'utъ-* "гневаться". Развития эмоционального значения в праславянском языке подтверждается наличием сходных семем в родственных славянских дериватах: укр. *лютый*, блр. *люти* "сердитый", чеш. *lity*, польск. *lyty*, словц. *lyty* "разъяренный, дикий, яростный, бешеный, страшный", н.-луж. устар. *lúty* "лютый, свирепый" [Трубачев, в. 15, с. 220].

Данный тип семантической эволюции проходят и другие слова - с корнями **jar-*; **napras(ь)n-*; *сверЪn-* / *свирЪn-*; **буj-* (см. в приложении).

3. Наименования	→	Эмоции, протекание	→	Наименования
характеристик субстанции		которых		эмоций <i>гнева</i>
		сопровождаются		
		сходными чертами		

Глагол *възволноватися* - "гневаться" отмечается в памятниках письменности в 1544 году: *Боляре възволновашася между собою, увеликаго князя на свѣтѣ*. Ник. лет. XVI в. 148 [СРЯ, в. 2, с. 144]. П.Я Черных *възволноватися* возводит к слав. **vьlniti* со значением «колыхать воду», восходящем к индоевропейскому **uel-* "колыхать воду, создавая волны" [Черных, т. 1, с. 165]). Эта первичная семема достаточно широко

засвидетельствована в индоевропейских языках: нем. *wallen* «волновать», д.-в.-н. *wella* «волна», лит. *vilnis*, лат. *wilna* «волна», лит. *vėlti* «катить», лат. *volvare* «катить» [Фасмер, т. 1, с. 339]. В древнерусском языке производное *вълати* имело значение «волновать, приводить в движение» (ср. русск. *волна*) [Фасмер, т. 1, с. 339].

По-видимому, прямо от этого значения по аналогии произведено метафорическое «гневаться»: русск. *волн-* «покрыться волнами» → русск. *волн-* «разгневаться». Отметим, что в великорусском языке лексема *възволноватися* функционировала в двух значениях: 1) «взволноваться, покрыться волнами», 2) «прийти в волнение, негодование, взъяриться» (XVI в.) [СРЯ, в. 2, с. 144]. Следовательно, *ВЗВОЛНОВАТЬСЯ* буквально - «внезапно стать беспокойным; покрыться волнами от гнева» [Черных, т. 1, с. 54].

Подчеркнем, параллелизм в развитии значений слов с корнем *горч-*; *крут-* / *круч-*; *жест-* (см. в приложении) и исследуемой лексемы.

2.4.2. Метонимия в названиях эмоций *гнева*

В данном разделе исследуются лексемы, приобретшие эмоциональное значение в результате метонимического переноса на основе мотивировочных признаков: «причина», «состояние» и «внешнее выражение».

1. Наименования причины <i>гнева</i> (действия, направленного на человека)	→	Наименования эмоций <i>гнева</i>
--	---	----------------------------------

Лексема *раздражатися* со значением «гневаться» впервые упоминается в XI веке: *Люби да не иметь своихъ си, не раздражается*. Панд. Ант¹, 104. XI в. [СРЯ, в. 21, с. 189]; *Паче всего богъ раздражается отъ раздора церковного*. (Чел. Ник. Пустосв.). Мат. IV, 169. 1658 [СРЯ, в. 21, с. 189].

Исходя из выявленной нами линии развития слов этой модели, мы должны найти недостающее первое звено – обозначение действия, на основе которого в результате метонимического переноса не позднее XI века исследуемый глагол приобретает эмоциональное значение. Принимая во внимание, что древнерусское *раздражатися* образовано от *дражати* [Фасмер, т. 1, с. 634], мы находим это звено, сопоставляя со славянскими: производными: с.-х. *дрáжити* "дразнить, сердить", словен. *drážniti* "дразнить". Общеслав. *дражати* имеет соответствия в некоторых индоевропейских языках: ср. др.-инд. *drāghate* "истязает, мучает", англосакс. *dreccan* "раздражать, мучить" [Фасмер, т. 1, с. 634]. Древнейшее значение сохраняется в современном русском языке: *дразнить*. На основе этих данных нам представляется возможным описать исходное значение как "дразнить, сердить, мучить".

Развитие эмоционального значения "гневаться", вероятно, происходило следующим образом: прасл. * *dragniti* "раздражать, мучить, истязать" → др.-русс. *дражати* "дразнить, сердить" → др.-русс. *раздражатися* "гневаться". Итак, метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: по причине мучения, раздражения человек начинает гневаться. Тогда *РАЗДРАЖАТИСЯ* буквально - "быть истязаемому, раздраженному".

2. Наименования состояния, в котором	→	Наименования эмоций
находится человек		<i>гнева</i>

В памятниках русской письменности *которатися* встречается дважды. Со значением "спорить, перепираться" употребляется в древнерусском тексте: *Мъртва ли видиши лежаща, ти хулити съмбещи, таинь сицеи прѣстоиши, исъ разлучишимъ дшю котораеишия оволи бо шеши покои ги оволи пакы самъ охуляеши.* (Сл. Злат.) Усп. сб. 445, XII~XIII вв. [СРЯ, в. 3, с. 259]). В великорусском языке отмечается с переносным значением "гневаться, сердиться": *Изыде же сынъ жены израильтяными, отца же бяше огиптянина,*

в *Израили и которающеся* прокля господа. Хроногр. 1512 г., 74 [СРЯ, в. 7, с. 384]. Хронологическая соотнесенность предполагает направление семантического движения от обозначения какого-то состояния в древнерусском языке к эмоциональному "гневаться", отмечаемому в памятниках великорусской письменности. Данные индоевропейских языков поддерживают это предположение: с.-в.-н. *hader* «ссора, раздор», др.-исл. *hođ* «борьба, бой», ирл. *cath*, м. «борьба, бой», др.-инд. *qàtrus* «враг» [Фасмер, т. 2, с. 353]. Практически полностью древнерусскому *кото́ратися* с прямым значением "спорить, перепираться" соответствуют др.-русск. *коте́ра́* «ссора, распря» и ст.-сл. *кото́ра* «ссора» [Фасмер, т. 2, с. 352]. С той же семемой, однако с пометой «стар.» дается у В.И. Даля: *кото́ра* - «вражда, ссора, раздор, смута, распря» [Даль, т. 2, с. 458]. Таким образом, исходное значение корня можно сформулировать следующим образом: «ссориться, бороться».

КОТОРАТИСЯ буквально - «испытывать гнев в ссоре, борьбе».

3. Наименования внешнего проявления,
выражения эмоции *гнева*

→ Наименования эмоций
гнева

Глагол *клопотати* отмечается в памятниках письменности с XVI века: *Сице горцѣ клопоташе иже на нихъ гнѣвомъ*. Хроногр. 1512 г. 313 [СРЯ, в. 7, с. 179], где *клопотати* - «гневаться».

М.Фасмер производит данный глагол от праславянского * *klopot-* «стучать, болтать», исходя из славянских и индоевропейских параллелей: *клопотать*, диал. сев. *хлопотать*, укр. *клопотати* «стучать, греметь», болг. *клопотъ* «брань, громкий разговор», *клопотя* «доводить до слез», словен. *klopotáti* «стучать, болтать», польск. *kłopotać* «мучить, томить» // ср.-лит. *klápterėti* «громко хлопнуть», лтш. *klapstēt* «стучать, ломать; болтать» [Фасмер, т. 2, с. 254]. Исходное значение отмечается и в древнерусском языке: *Хотя устрашити и силу своего явити, всю гору курящуся показа и громъ клопочущь*.

Упыр. 162. XVв.~1047г. [СРЯ, в. 7, с. 179], где *клопотати* - «шуметь, греметь, стучать».

Опираясь на эти свидетельства, мы предполагаем, что мотивировочным признаком для появления в великорусском языке наименования аффекта «гневаться» явилась семема «выражение эмоции: шуметь, греметь, стучать». Тогда развитие значений схематически можно представить так: моторный акт – русск. *клопот*- «шуметь, стучать, болтать» → русск. *клопот*- «гневаться». *КЛОПОТАТИ* буквально - «шуметь, греметь, стучать».

Параллельный путь развития проходят слова с корнем *стрЪк*-; *порук*- (см. в приложении).

2.5. Наименования эмоций *стыда*

2.5.1. Метафора в названиях эмоций *стыда*

Исследуемые здесь семантические модели представляют собой схему развития эмоционального значения путем метафоризации. В качестве мотивировочных признаков выступают семантические сферы: «температурное ощущение» и «изменение качества субстанции».

1. Наименования температурного ощущения	→	Эмоции, протекание которых сопровождается похожим температурным ощущением	→	Наименования эмоций <i>стыда</i>
---	---	---	---	----------------------------------

Как мы уже отмечали, семема "температурное ощущение" лежит в основе формирования значения "грусть". Тот же параллелизм и в развитии значения "стыд" в словах с корнем *срам-* / *сором-* (см также в приложении: **steue-*). И в этом случае на основании этимологических данных мы можем описать исходное значение как "ощущение низкой температуры (холода, мороза)". По свидетельству этимологов слова с корнем *срам-* / *сором-* восходят к праславянскому **sormъ* из и.-е. **k'ormo-* [Черных, т. 2, с. 196]. J. Pokorný приводит балтийские дериваты от и.-е. **ker-* / **k'ormo-*, сохранившие первичную семему: лит. *šarma* "иней", *šėrkšnas* "покрываться инеем", лтш. *sersna* "иней" [Pokorný, l. 7, s. 615]. Древнейшее значение корня восстанавливается также в русском языке: русск. диал. *серён* "изморозь" [Ларин, 1977, с. 68]. Учитывая этимологические данные, представляется возможным реконструировать историю развития значений слов с корнем *срам-* / *сором-* в виде такой схемы: **ker-* / **k'ormo-* "ощущение низкой температуры (холода, мороза)" > и.-е. **ker-* / **k'ormo-* "стыд". Тогда *СРАМ* буквально - "то,

что заставляет дрожать; то, что бросает в холод”. Развитие метафорического эмоционального значения “стыд“ у исследуемых слов произошло, по всей видимости, уже в индоевропейскую эпоху, поскольку производное значение отмечается в индоевропейских языках: др.-в.-н. *har (a)m* (совр. нем. *Harm*) “грусть, скорбь, страдание“; др.-исл. *harmr* “горе, обида“, совр. исл. *harmur* “печаль, горе“; англ. *harm* “вред, ущерб, обида“, перс. *šārm* “срам, стыд, позор“, авест. *fšar ma* “стыд“, курд. *ша рм*, осет. *ʼfsærm* “стыд“ [Черных, т. 2, с. 196]. Отметим, что мотивировочный признак “ощущение низкой температуры (холода, мороза)” лежит в основе наименования различных эмоций. Этот параллелизм в происхождении обозначений эмоций подтверждает объективность выделенной нами семантической модели.

В памятниках письменности зафиксированы многочисленные производные с корнем *срам-* / *сором-*, передающие общее значение “стыд”: *осрама* “срам, стыд” (XIV в.) [СРЯ, в. 13, с. 34]; *посоромитися* “постыдиться” (XIII в.) [СРЯ, в. 17, с. 208]; *посрамитися* “быть опозоренным”; “устыдиться” (XV в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *посрамление* “позор, бесчестие” (XIII в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *посрамлятися* “испытывать позор, стыдиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *посрамощение* “позор” (XV в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *всоромитися* “постыдиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 3, с. 142]; *осрамитися* “опозориться”; “устыдиться, испытать стыд” (XI~XII вв.) [СРЯ, в. 13, с. 134]; *осрамлятися* “навлекать на себя позор”; “стыдиться” (XII в.) [СРЯ, в. 13, с. 135]; *засрамитися* “устыдиться, опозориться” (XI~XII вв.) [СРЯ, в. 5, с. 299]. В древнерусских письменных текстах старославянский вариант корня *срам* отмечается почти одновременно с др. русск. вариантом *сором*, уступая с XI~XII в.в. на 2-3 столетия «первое место в литературном языке Московской Руси полногласному древнерусскому варианту» [Ларин, 1977, с. 67], который сохраняется до XX века в русских народных говорах и остается основным выражением понятия “стыд” в украинском литературном языке. В конце XVII века в русском литературном языке вновь появляется архаический церковнославянский вариант *срам*.

Сходный путь развития метафорического значения проходят синонимичные лексемы с корнем *стыд-* (см. в приложении).

2. Наименования характеристик субстанции	→	Эмоции, протекание которых сопровождается сходными чертами	→	Наименования эмоций <i>стыда</i>
--	---	--	---	----------------------------------

Слова с корнем *мят-* / *мут-* в переносном значении "смущаться, стыдиться" засвидетельствованы в памятниках древнерусской письменности с XII века: *Копять бо ся... не яко измьситися*. Ио. екз. Бог., XII в., где *измьситися* "смутиться" [СРЯ, в. 6, с. 176]; *засмутитися* "засмущаться" (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 298]; *возмястися* "смутиться" (XVI в.) [СРЯ, в. 2, с. 298]; смутитися 1. «прийти в волнение, колебание (о море)» (XVI в.), 2. «смешаться, перемешаться» (XVI в.), 3. «взволноваться, прийти в смятение; смутиться» (XII в.) [СРЯ, в. 25, с. 191].

По данным некоторых славянских языков и памятников великорусской письменности можно проследить путь формирования этой семемы. В укр. *мутити*, блр. *муціць*, слов. *motiti*, чеш. *moutiti*, польск. *mącić*, в.-луж. *tusić*, н.-луж. *tusiś*, рус. *мутить*, ст.-сл. *МУТИТИ*, др.-рус. *мутити* отмечаются с древним значением "мутить, волновать", то же значение в в.-луж. *mut* "мут, осадок, гуща" [Фасмер, т. 3, с. 18]. Этимологически восходят к о.-сл. * *motъль*, *matiti* императив от глаг. * *męsti* (< и.-е. * *menth* "взбалтывать, вертеть, крутить") [Черных, т. 1, с. 150]. С первичным значением фиксируются в письменных источниках: *И возмутися воздухъ отъ коньскаго рыстанія*. Пов. Кат. Ростовского, 668.XVII в. [СРЯ, в. 2, с. 297], где *возмутитися* - "стать непрозрачным". Во всех этих контекстах дериваты с исследуемым корнем означают "изменять состояние". По-видимому, от этого значения развивается в сербо-хорватском *мутити* "мутить, смущать, беспокоить, путать", *мутити се* "тосковать, становиться пасмурным", др.-русск. *мутити* "волновать", *мутъ* "смятение" [Черных, т. 1, с. 550].

Семантическое развитие анализируемых слов с учетом приведенного материала можно представить следующим образом. В праславянском языке образования от глагола * *męsti* обозначают физическое явление, выражающееся в изменении какого-то состояния (например, с *прозрачного* на *мутный*, с *чистого* на *грязный*, со *спокойного* на *неравномерный*). Данное значение зафиксировано в памятниках древнерусской письменности: *возмутитися* "прийти в движение, волнение; стать мутным, непрозрачным" (XIII в.) [СРЯ, в. 2, с. 297]; *возмятися* "прийти в движение, подняться" (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 298];

На втором этапе в семантической структуре анализируемых слов появляется значение – действие, направленное на человека, действие, характеризующее его состояние ("беспокоиться, путаться, волноваться"). Данная семема отмечается в великорусском языке: *возмутитися* "прийти в смятение, замешательство; взволноваться" [СРЯ, в. 2, с. 297]; *возмуцатися* "быть в состоянии смятения, в сильной тревоге" [СРЯ, в. 2, с. 298]; *возмятися* "прийти в волнение, смятение, возбуждение" [СРЯ, в. 2, с. 298].

На третьем этапе в древнерусском языке от значения "изменяться; волноваться" путем метафоризации развивается эмоциональная семема "смущаться". *ЗАСМУТИТИСЯ* буквально - "становиться мутным, непрозрачным, беспокойным". Славянские образования от о.-сл. * *motъnъ*, *matiti* переносное значение не приобретают.

Сходное развитие значений происходит в словах с корнями *grъz-*, *двиг-* (см. в приложении).

2.5.2. Метонимия в названиях эмоций *стыда*

В данном разделе представлены слова, в которых формирование эмоционального значения произошло в результате метонимического переноса.

В основе семантического сдвига в данном случае лежат мотивировочные признаки: «причина» и «внешнее проявление, выражение эмоции».

1. Наименования причины *стыда* (действия, направленного на человека) → Наименования эмоций *стыда*

Ярким примером в данном случае является семантическая история слов с корнем *хрит-*.

Существительное *похритъ* со значением "стыд" засвидетельствовано с XIII в.: *Показнь пришь и похриту здѣ онамо явися всѣмь*. (Ж. Андр. Юрод.) Свед. и зам. 174. XIII в. [СРЯ, в. 18, с. 62]. М.Фасмер относит *похритъ* «к *хритать* “насмехаться, приводить в смущение”, подчеркивая его только русское происхождение: *хритати* (*сѧ*) – то же *охритати*. Исконно слав. слово возм. родственно д.-в.-н. *scrain*, ср.-в.-н. *schriēn* “кричать”» [Фасмер, т. 4, с. 276]. В некоторых русских говорах отмечают: *похритати* "поругаться", *похритовать* "обсмеять" [СРНГ, в. 24, с. 234]. Эти данные позволяют предположить, что развитие эмоционального значения “стыд” происходило, вероятно, в древнерусском языке (не позднее XIII века) по следующей схеме: причина - (действие, направленное на человека) “насмехаться, приводить в смущение, кричать” (русск. *хрит-*) > следствие- “стыдиться” (русск. *похритъ*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: вследствие насмешек, унижения, криков человек начинает стыдиться. Тогда *ХРИТАТИ* буквально – "быть объектом насмешек, унижения".

Подобное развитие семантики переживают производные с корнем *зор-* / *зр-* (см. в приложении).

2. Наименования внешнего проявления, выражения эмоции *стыда* → Наименования эмоций *стыда*

Одним из симптомов эмоции *стыда* (как мы уже отмечали) является покраснение. Данный тип психологической реакции также находит свое выражение в языковых единицах.

Так, в древнерусском языке (не позднее XI века) лексемы с корнем *рыд-* / *рьд-* развивают эмоциональное значение “стыд”: *Ими не обрыдающая. Слышаша же иудеи словеса сия и огорчишася зло творяща.* (Ио. Лест.). Оп. II. (2). XIV [СРЯ, в. 12, с. 165]. *Поминая ннѣ твое дльготръпѣние и твое многоразумие и блгонокорение, сам ся себе усрамляю и окаю, сам ся обрыдаю и плачу.* ВМЧ, Апр. 22. 30. 1096. XVI в. [СРЯ, в. 12, с. 165]. В словообразовательное гнездо *рыд-* / *рьд-* входят следующие слова с эмоциональным значением “стыдиться”, отмечаемые в памятниках письменности: *обрдѣтися (обрьдѣтися)* “устыдиться, покраснеть от стыда” [СРЯ, в. 12, с. 148]; *обрдѣти (обрьдѣти)* “устыдиться, покраснеть от стыда” [СРЯ, в. 12, с. 148]; *обрыдатися* “краснеть, стыдиться” [СРЯ, в. 12, с. 148]; *рдѣтися (рьд-)* “быть красным, выделяться своим красным цветом”; “становиться красным”; “стыдиться, стесняться” [СРЯ, в. 22, с. 125].

М.Фасмер считал, что русск. *рыд-* / *рьд-* произошли из прасл. * *rūd-* / *ryd-* со значением “становиться красным” [Фасмер, т. 3, с. 453]. Это предположение основывается на материале родственных индоевропейских и славянских языков: др.-инд. *rudhirās* “красный”, лтш. *ruds* “красноватый”, греч. *ερευτη* “обагрять”, др.-в.-нем. *gōt* “красный”. Первоначальное значение - “становиться красным”. Общеслав. корень имеет ту же основу, но на иной ступени чередования, что и *ржавый*, *руда*, ср. словен. *rdéti*, чеш. *rditi se* “краснеть” [Фасмер, т. 3, с. 453]. Славянским параллелям полностью соответствуют русские дериваты: *рдеть* “краснеть; стыдиться”, *зардеться* “покраснеть”, “засмущаться”. Признак, лежащий в основе метонимического переноса при обозначении эмоции “стыд”, мы можем описать так: “становиться красным, краснеть”. Эти данные позволяют описать схему семантического развития следующим образом: др.-русс. *рыд-* / *рьд-* “становиться красным, краснеть” → др.-русс. *рыд-* / *рьд-* “стыдиться” (в родственных славянских

языках однокорневые производные с эмоциональным значением “стыд” не отмечаются). *ОБРЫДАТИСЯ* буквально - “становиться красным, рдеть”.

В "Словаре русского языка XI-XVII вв." не отмечаются другие лексемы, претерпевшие сходный путь семантического развития. Однако подобный тип семантического переноса можно восстановить на диалектном материале: *кирничиться* - "стыдиться" [СРНГ, в. 5, с. 56]. Образовано, вероятно, от *кирнич*, то есть *кирничиться* буквально "приобретать цвет кирпича". Другим фактом, подтверждающим возможность выделения данной семантической модели, является функционирование в языке идиоматических выражений, построенных по такой же логике (ср. *покраснеть* от стыда, *побагроветь* от смущения, стать *пунцовым* от стыда и др.).

2.6. Наименования эмоций *радости*

2.6.1. Метафора в названиях эмоций *радости*

Для исследуемых в данном разделе метафорических наименований эмоций нами были выявлены следующие мотивировочные признаки: «человек как носитель определенных свойств» и «действие, производимое над объектом».

1. Наименования человека как носителя определенных свойств → Эмоции, в протекании которых человек ведет себя определенным образом → Наименования эмоций *радости*

В данной модели можно выделить частные модели, вычлняющиеся в зависимости от конкретных свойств человека.

а) наименования человека по состоянию здоровья → Эмоции, в протекании которых человек ведет себя подобным образом → Наименования эмоций *радости*

Способность слова к совмещению противоположных оттенков значения в семантике может проявляться по-разному. Для дериватов с корнем *благ-* / *блаж-* причиной энантиосемии выступил «распад древнего широкого (диффузного) значения слова и закрепление в качестве последующего основного значения лишь одного из свойственных ему исстари семантических оттенков» [Балли, 1974, с. 4]. Древнейшая семема “характеристика человека по состоянию здоровья” сохраняется в родственных славянских языках: слов. *blaznéti* “сходить с ума, безумствовать”, *blaznovati* “сходить с ума, быть не в себе, нести вздор”, словц. *blazniet* “быть душевнобольным”, чеш. *blaznovati*

“дурачиться”, в.-луж. *blazn* “глупец, дурак”, *blazny* “помешанный, сумасшедший; пошлый” [Трубачев, в. 2, с. 103-104]. Архаическое значение корня отмечается и в русском языке: рус. диал. *блажить* “дурить, шалить, проказить, упрямиться; сумасбродничать, сходить с ума” [СРНГ, в. 1, с. 233]. Однако в древнерусском языке производные с корнем *благ-* / *блаж-* совмещали контрастные значения: “добрый, хороший; прекрасный, приятный, красивый”, с одной стороны, и “плохой, негодный; злой, свирепый; ненормальный, глупый” – с другой. Возможность совмещения подобных значений отмечена в письменных памятниках вплоть до XVI века. В современном русском языке отголоском былых отношений являются исторически однокорневые дериваты: *благой-* стилистически маркированное образование, имеющее значение “хороший, верный, придерживающийся моральных норм” [МАС, т. 1, с. 576], и *блажь* “дурь”, *блажить* “дурачиться”, *блаженный* “глуповатый” [МАС, т. 1, с. 579]. Поскольку лексемы с анализируемым корнем употреблялись в значении “радоваться” не позднее XVI века (*И възблажа сердце жерцю*. ВМЧ, Сент. 1-13, 96. XVI в. [СРЯ, в. 2, с. 266]), то можно предположить, что метафорический перенос произошел на базе еще диффузного многозначного слова, вобрав в себя все семантические оттенки. Учитывая же религиозный характер памятника письменности, мы можем говорить о том, что автор текста употребил слово *възблажати* со значением “положительно, светло возрадоваться”, воплощая христианское наполнение концепта – *блаженный*. Таким образом, семеме, послужившую основой для метафорического переноса, можно сформулировать как “вести себя подобно блаженному, юродивому (необычно, ненормально)”. Тогда развитие эмоционального значения “радость, веселье” представляется нам следующим образом: русск. *благ-* / *блаж-* “добрый, хороший; прекрасный, приятный, красивый”, “плохой, негодный; злой, свирепый; ненормальный, глупый” → русск. *благ-* / *блаж-* “блаженный, юродивый; ненормальный” → русск. *блаж-* “радостный, веселый”. *ВЪЗБЛАЖАТИ* буквально – “радоваться как блаженный”.

б) наименования человека → Эмоции, в протекании → Наименования по особенностям которых человек ведет эмоций *радости* поведения, образу жизни, себя подобным образом привычкам и др.

Примером истории слов, где развитие эмоционального значения "радость" проходит сквозь призму религиозного мироощущения, является история слов с корнем *кощун-*. Исходное значение "человек, который оскверняет веру, память предков", ставшее основой развития эмоциональной семемы "потеха, злая радость", этимологически сопоставляется с укр. *кощун*, болг. *кощун* "насмешник, богохульник" [Шанский, в. 8, с. 366], слвц. диал. *kostiti* "отделять мясо от костей", в.-луж. *koscić* "превращать в кость", русск. *костить* "осыпать бранью, ругать", укр. *костити* "костить" [Трубачев, в. 11, с. 156]. Глагол на *-iti* производное от *kostь*, т.е. * *kostiti* "бранить, ругать, бить, драть до самой кости, т.е. в самую суть, обращать в кость" [Трубачев, в. 11, с. 156] (ср. *перемывать косточки, разбирать по косточкам*). «Судя по тому, как применено было в старой религиозной терминологии * *koščunь* ("тот, кто бранит, ругает), глагол * *kostiti* достаточно раннее образование» [Там же, в. 11, с. 156]. Однако эмоциональное значение дериваты с корнем *кощун-* развивают уже в великорусском языке, о чем свидетельствуют памятники письменности: *Тмо же въ полку товарищи его начаша кощунятися надъ ним, глаголяще, яко жена твоя удавить тя, еще придеши въ домъ свой къ ней.* (Посл. из пустоз. Фед. Ив.) Суб. Мат. VI, 226. 1679 [СРЯ, в. 7, с. 399]. Вероятно, позднее развитие эмоциональной семемы объясняется христианским переосмыслением языческих символов, т.е. на смену язычеству приходит православие, но отношение человека к тем, кто попирает нравственные устои, остается по-прежнему негативным. Значения "потеха, насмешка" могло развиваться таким образом: о.-сл. * *kostь* "кость, скверна" → о.-сл. * *kostiti* "драть до самой кости, сути; бранить" → о.-сл. * *koščunь* (*kost* + *junь*) "тот, кто бранит, оскверняет веру, память" → о.-сл. *koščuniti* (*se*) "действовать как кощун, т.е. осквернять религию, потешаться над священными предметами" → в.-русс. *кощунятися*

“насмехаться, потешаться (над человеком вообще)”. *КОЩУНСТВОВАТЬ* буквально – “вести себя как кощун, осквернитель, насмешник”.

В словообразовательное гнездо *кощун-* входят следующие слова с эмоциональным значением “потеха, насмешка”, отмечаемые в памятниках письменности: *кощунатися (кощунятися)* “насмехаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 7, с. 399]; *кощунство* “кощунство, глумление”, “шутка, насмешка” (XVII в.) [СРЯ, в. 7, с. 400]. Подобный тип семантического развития проходят слова с корнем *москолуд-* (см. в приложении).

2. Наименования действия, производимого над объектом	→	Эмоции, в протекании которых улавливаются черты, характерные для этого действия	→	Наименования эмоций <i>радости</i>
--	---	--	---	---------------------------------------

Письменные свидетельства слова *измыватися* – «насмехаться» начинаются с XVII века: *Так что учителя надъ людми тѣми наругаются и честнѣйшими лицами окаянии измываются*. Отразит. пис. 50., 1691 [СРЯ, в. 6, с. 183].

Этимологически восходит к о.-сл. * *myti* < и.-е. * *tei-* “окупаться, погружаться” [Черных, т. 1, с. 552]. *Измываться* – собств. русск. производное. Образовано с помощью *-ся* от *измывать* “стирать, промывать” < ст.сл. по происхождению глагола *измыти* (ср. русск. *вымыть*) с конкретным значением “вымыть” с помощью суф. *-ва* [Черных, т. 2, с. 173]. Древнейшее значение “действие” сохраняется и в современном русском языке: *мыть, мыться*. Таким образом, инвариантное значение можно описать следующим образом: “перемывать, окунать человека”. Схема развития значений примерно такова. Слово *измыватися* по происхождению связано с *измыти*, значит, древнейшее его значение - “перемывать, окунать, погружать”. Впоследствии развилось переносное значение “обсуждать человека” (ср. *перемывать косточки, промывать мозги, продрать с песком*, в немецком: *j-n auf den Arm nehmen*

«дурачить кого-л.; насмехаться, подшучивать над кем-л.» [Добровольский. Словарь, с. 26] буквально означает «брать кого-л. на руки»), которое путем метафоризации дало значение "насмехаться, потешаться". *ИЗМЫВАТЬСЯ* буквально - “перемывать, мыть человека”.

Данное предположение подтверждается развитием значений дериватами с корнями *нос-* / *нош-*; *по-* *влач-* / *волоч-*; *блаз-* (см. в приложении).

2.6.2. Метонимия в названиях эмоций *радости*.

В этом разделе описываются лексические единицы, эмоциональное значение в которых развивалось в результате метонимического переноса на основе мотивировочных признаков: «состояние» и «внешнее проявление, выражение эмоции».

1. Наименования состояния, в котором находится человек	→	Наименования эмоций <i>радости</i>
--	---	------------------------------------

Лексемы с корнем *рад-* находятся в символической оппозиции с *весел-*: «они составляют не только семантическую пару с разным для разных контекстов соотношением значений (от полной синонимии до антитетического противопоставления), но и риторическую фигуру стилистической симметрии...Как и другие пары, оппозиция *радость* - *веселье* в средневековых церковнославянских текстах может строиться на признаках “обыденное - сакральное” (“земное - небесное”), “телесное - духовное”, “внутреннее - внешнее”...Ср. “*да веселятъ небеса і радоеть ся земля*” (Синайский псалтырь, XI в. – SJS 4,181); “*с радостію же великою похвалиша Бога и весели ся Богъ о семь зъло*” (Житие Константина, XV в. – SJS 4,181)» [Толстой, 1997, с. 180-181]. Тяготение *рад-* к обыденной сфере значений находит отражение в

однокорневых дериватах родственных языков. М.Фасмер считает корень *rad-* общеславянским индоевропейского происхождения // к и.-е. * *ordъ* “порядок, забота, суета”. Ст.-сл. *raditi* “заботиться”, укр. *радий*, *рад*, блр. *рад*, др.-русск., ст.-слав. *РАДЪ*, словен. *rád*, *ráda*, чеш. *rád* – то же, словц. *rád*, польск., в.-луж. *rad*, осет. *rād* “порядок” [Фасмер, т. 3, с. 429]; др.-русск. с XI в. Сопоставимо с и.-е. *rēd* “радостный, веселый”, с англосакс. *rōt* “радостный, веселый”, др.-исл. *rótastc* “становиться веселым, ясным” [Черных, т. 2, с. 93]. Характерно, что за семантической сферой Рождества легче закрепляются образования с корнем *весел-*, «тогда как пасхальная тематика преимущественно использует дериваты слав. * *rad-*» [Толстой, 1997, с. 181], что связано, вероятно, с земным, человеческим началом Пасхи. Учитывая эти данные, исходную для появления значения “радость” семеме можно сформулировать так: “порядок, забота, услада, понятность, ясность”. Тогда схема семантической эволюции слов с корнем *rad-* представляется следующим образом: причина-состояние: о.-сл. * *rad-* “ощущать заботу, ухаживание” > следствие-эмоция: о.-сл. * *rad-* “испытывать наслаждение, удовольствие; радоваться, веселиться”. *РАДОВАТЬСЯ* буквально - “ощущать удовольствие, наслаждение, заботу, порядок”.

Уже в первых памятниках письменности отмечают многочисленные производные с корнем *рад* -: *Радуите ся и веселитесь, яко мьзда ваша мьнога есть на нбсехъ*. Остр. ев., 212. 1057 г. [СРЯ, в. 21, с. 123]; *И абие бывшуму в стыхъ мьстех оньхъ, поклоню ми ся и възрадовавию о всьхъ дьлехъ бжших*. Пов. Ам., 1. XIV в. [СРЯ, в. 2, с. 303]; *Старець же той не порадовася чести и славь ихъ обьщанной*. (Посл. из Пуст. Фед. Ив.) Суб. Мат. VI, 232. 1666 г. [СРЯ, в. 17, с. 108]. В словообразовательное гнездо *рад* - входят следующие слова с эмоциональным значением “радость”, отмечаемые в памятниках письменности: *возрадоватися* “возрадоваться” (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 303]; *возрадовати* “возрадоваться” (XI в.) [СРЯ, в. 2, с. 303]; *порадование*, с. “радость, удовольствие” (XIV в.) [СРЯ, в. 17, с. 108]; *порадоватися* “радоваться, порадоваться, обрадоваться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 108]; *обрадоватися*

“обрадоваться” (XI в.) [СРЯ, в. 17, с. 132]; радование “радость, ликование” (XII в.) [СРЯ, в. 21, с. 123]; радоватися “радоваться, веселиться”; “дерзать” (XI в.) [СРЯ, в. 21, с. 123].

Уже само обилие древнейших значений и ранних употреблений в письменных источниках свидетельствует о том, что лексемы с корнем * *rad-* со значением “радость” являются элементами праславянского фонда.

Итак, анализируемая схема развития значений может быть описана как логический, причинно-следственный коррелят: причина - определенное состояние → следствие - эмоция (ср. в приложении: * *vesel-*; *тризн-*).

2. Наименования внешнего проявления, выражения эмоции	→	Наименования эмоций <i>радости</i>
--	---	---------------------------------------

Характерная для развития семемы “радость” связь *радости* и древних праздников и ритуалов (диал. *корогодиться* “радоваться” [СРНГ, в. 7, с. 245] восходит к *хоровод*; однокоренными являются радование “радость, ликование” [СРЯ, в. 21, с. 123] и *раденье*) подтверждается и историей слов с корнем *лик-*, отмечаемые в памятниках письменности с XI в.: обликовати “ликовать, радоваться” (XI в.) [СРЯ, в. 12, с. 76]; возликовати “возликовать, радоваться” (XI в.) [СРЯ, в. 2, с. 292].

М.Фасмер приводит следующие параллели для этих слов в других славянских языках: укр. *лик* “толпа, собрание”, *ликоваться* “касаться щекой щеки, что заменяет пасхальное приветствие у стариков”, блр. *ліковáць*, болг. *лик* “хор” [Фасмер, т. 2, с. 495]. Также предпринимается попытка найти параллели в других индоевропейских языках: готск. *laiks* “танец”, *laikan* “скакать, прыгать”, др.-исл. *leikr* “игра”, д.-в.-н. *leih*, *leich* “игра, пение”. Герм. слово родственно лит. *láigyti* “носиться, бегать”, др.-лит. *laigo* “танцует”, др.-инд. *rējati* “заставляет прыгать, трястись”, *rējatē* “скачет, трясется”, нов.-перс. *ālēxtan* “прыгать, мчаться”, курд. *be-lezium* “пляшу”, *lizim* “играю”, *λυαίω* “громко возглашаю, пою” [Там же, т. 2, с. 495]. В.И.Даль, кроме *ликовать* -

“веселиться”, приводит также *ликоваться*: “в монашестве: целоваться, лобызаться, касаться щекой щеки” [Даль, т. 2, с. 252]. Учитывая эти значения, можно сделать вывод, что древнейшим значением слов с корнем *лик-* было обозначение действий, совершаемых во время какого-то празднования: праслав. * *leik-* “прыгать, скакать, громко петь, играть”. Очевидно, что в древнерусском языке происходит закрепление за производными более узкого значения - “касаться щекой щеки, целоваться в честь праздника”. Примерно в то же время в семантической структуре слов с корнем *лик-* путем метонимического переноса “формы” на “содержание” развивается значение “радоваться, веселиться” (*Дивя ся възъте Захариа: дверь гня, цркви отвързающи двери, радующися въ неи обликовал.* Мин. Ноябрь, 420. 1097 г. [СРЯ, в. 12, с. 76]). *ЛИКОВАТЬ* буквально – “лобызаться”.

Подобное развитие семантики переживают слова с корнем *смБ-* / *сми-*; *шут-*; *дБ-*; *морк-* / *мърк-*; *драж-*; * *rog-*; * *skal-*; * *kor-* (см. в приложении).

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В исследуемых названиях эмоций выявлены два основных типа семантических переносов: метафорический (охватывающий 46 корней) и метонимический (отмечается в 44 корнях) (см. табл. 3 на стр. 91).

При этом наиболее регулярными (охватывающими все или большинство названий эмоций) являются мотивировочные признаки: «причина», «состояние» и «внешнее проявление», характеризующие метонимический тип переноса. Это связано, по всей видимости, с тем, что выявленные мотивировочные признаки («причина», «состояние» и «внешнее проявление») являются типичными чертами всех эмоций. Основная особенность метонимического переноса как раз и заключается в том, что он базируется на регулярных логических связях, отражающих объективную корреляцию явлений реального мира и характерные свойства денотата.

Специфичными (свойственными для названий определенных эмоций) являются мотивировочные признаки: «физиологическое ощущение», «явление природы», «характеристика субстанции», «действие», «процесс» и «человек». Данные мотивировочные признаки охватывают одну или две эмоции и выявляются при анализе только метафорических наименований эмоций. Вероятно, это также связано с метафорой как особым типом семантического переноса. Одна из особенностей метафоры состоит в том, чтобы передать "вновь обозначенное" наиболее зримо, живо, интенсивно, поэтому для актуализации выбираются какие-то наиболее яркие, характерные только для определенной эмоции качества.

Выявленные семантические модели охватывают все периоды эволюции языка, характеризуясь регулярностью, стабильностью и продуктивностью.

2. Учет этимологических данных позволил установить время (эпоху) развития эмоционального значения в семантической структуре исследуемых названий эмоций:

индоевропейский язык: * *bhōi-* / *bhai-* / *bhi-* «страх»; * *g^u her-* / * *g^u hor-* «грусть»; * *ord-* «радость»; * *k'ormo-* «стыд»; * *steue-* «стыд»;

праславянский язык: * *bljusti* «бояться»; * *bol'* «грусть»; * *gorьk-* «грусть»; * *groz-* «страх»; * *drjax-* «грусть»; * *jar* – «гнев»; * *kor-* «потеха»; * *l'utъ-* «гнев»; * *napras(ь)n-* «гнев»; * *peč-* «грусть»; * *polxъ* «страх»; * *rog-* «насмешка»; * *skal-* «потеха»; * *skъrb-* «грусть»; * *togъ* «грусть»; * *u^sas-* «ужас»; * *vesel-* «радость»; * *žal-* «грусть»;

древнерусский – великорусский язык (XI – XVII вв.): *благ-* / *блаж-* «радость»; *блз-* «потеха»; *бръзг-* «отвращение»; *буј-* «гневаться»; *вляч-/волоч-* «потеха»; *волн-* «гнев»; *вражд-* «гнев»; *гнѣв--* «гнев»; *гнус-* / *гнуш-* «отвращение»; *горч-* «гнев»; *грѣз-* «стыд»; *груст -* / *груц -* «грусть»; *двиг-* «стыд»; *дѣ-* «радость»; *див-* «гнев»; *драж-* «гнев»; *драж-* «потеха»; *дрог-* «страх»; *дых-* «грусть»; *жел-* «грусть»; *жест-* «гнев»; *жеч-* «гнев»; *жиг -* / *ждиз -* «грусть»; *зор-* / *зр-* «стыд»; *ист-* / *не+ист-* «гнев»; *клопот-* «гнев»; *катор-* «гнев»; *кощун-* «потеха, насмешка»; *крут-* / *круч-* «грусть»; *крут-* /

круч- «гнев»; *лик-* «радость»; *мар* – «грусть»; *мърз-* / *мръз-* «отвращение»; *морк-* / *мърк-* «радость»; *москолуд-* «радость»; *мят-* / *мут-* «стыд»; *мы-* «потеха»; *нос-* / *нош-* «радость»; *оском-* «скорбь»; *пал-* / *пол-* «гнев»; *пас-* «страх»; *печал-* «гнев»; *плак-* «грусть»; *пуг-* / *ис-пуг-* «страх»; *пых-* «гнев»; *ръв-* «гнев»; *рѣн-* «гнев»; *роб* - / *раб* – «страх»; *порук-* «гнев»; *рыд-* «грусть»; *рыд-* / *рд-* «стыд»; *сверѣн-* / *свирѣн-* «гнев»; *сѣт-* «грусть»; *скуч-* «грусть»; *слаб-* «грусть»; *сѣб-* / *сми-* «потеха»; *стон-* «грусть»; *страх-* / *страш-* «страх»; *стереч-* / *стерег-* «страх»; *стрѣк-* «гнев»; *тек-* «гнев»; *тороп-* «страх»; *трепет-* «страх»; *тряс-* «страх»; *тризн-* «потеха»; *хрит-* «стыд»; *шут-* «потеха».

3. Этимологический анализ показал, что слова с корнями: *крут-* / *круч-* «грусть»; *крут-* / *круч-* «гнев» являются генетическими омонимами: на определенном хронологическом этапе единый корень *крут-* / *круч-* развивает два эмоциональных значения: «грусть» и «гнев». В основе появления данных значений лежат разные мотивировочные признаки: «болевое ощущение» и «характеристика субстанции». Было также установлено, что лексемы с корнями: *драж-* «гнев», *драж-* «потеха» и *рыд-* «грусть», *рыд-* / *рд-* «стыд» не являются однокоренными. В процессе языкового развития слова с разными корнями обрели сходное внешнее оформление, то есть их можно охарактеризовать как своеобразные исторические омофоны.

4. Проведенный этимологический анализ позволил выявить внутреннюю форму каждого наименования, то есть обнаружить, как определенный фрагмент человеческого знания закрепляется в языке. Обобщение сходных черт в развитии каждого наименования позволяет описать мотивировочный признак, лежащий в основе семантических моделей. То есть мотивировочный признак представляет собой крупное мыслительное образование, вариативно закрепленное в языке через внутреннюю форму отдельного наименования эмоций. Семантическая модель соответственно может рассматриваться как схема взаимодействия определенных областей

представлений. Следовательно, процессы метафоризации и метонимизации протекают как взаимодействие крупных мыслительных образований – представлений.

5. Представления, обозначенные языком, должны были являться конвенциональными, поскольку "обозначаемое" в своем вербальном воплощении (через "обозначающее") на момент своего появления должно обладать коммуникативной функцией. Некоторые фрагменты миропредставления и способ связи между ними не соответствуют современному мышлению, являются архаичными. В связи с этим некоторые семантические модели, отражающие хронологически определенный способ ассоциативного восприятия объективной действительности, утрачивают свою продуктивность (семантическая модель "физиологическое ощущение"). Однако некоторые наименования эмоций, схема развития которых резко отличается от современной (является архаичной, неконвенциональной), продолжают оставаться общеупотребительными (например, слова с корнем * *biti / bojati* (*se*) со значением «страх»; наименования *грусти* с корнями * *gor'*-, *груст-* / *грущ-*; обозначения эмоции *стыда* с корнями * *k'ormo-*, * *steue-* и др.). Это связано, на наш взгляд, с деэтимологизацией первичного значения или / и утратой механизма взаимодействия исходного и переносного значений, то есть данные наименования эмоций переходят в разряд генетической метафоры и метонимии.

6. Метафорическая модель развития эмоционального значения в большей степени, чем метонимический перенос, характеризуется тем, что охватывает древнейшие НЭ; переносное метафорическое значение по преимуществу формировалось в индоевропейском и праславянском языках. Это связано, вероятно, с тем, что именно в эти периоды мышление человека можно охарактеризовать как синкретическое, когда объект и его свойства, "обозначаемое" и "обозначающее" осознаются как нерасчлененное единство. Метафора как один из способов ассоциирования базируется именно на данном свойстве. В связи с этим НЭ *грусти* являются наиболее метафорическими по сравнению с наименованиями других эмоций, поскольку ассоциирование по

сходству на основе древнейшего синкретизма характеризует в бóльшей степени
НЭ *грусти*.

Семантические модели в названиях эмоций

Таблица 3

Тип семантического переноса	Мотивировочный признак (денотат)	Эмоции						
		Страх	Грусть	Гнев	Стыд	Радость		
Метафорический	физиологическое ощущение	болевое ощущение	<i>жал-, груст-, круч-, ском-, скобл-, бол-</i>					
		температурное ощущение	<i>гор-, жиг-, печ-</i>		<i>срам-, стыд-</i>			
		вкусовое ощущение	<i>гореч-</i>					
	явление природы		<i>мар-</i>					
	характеристика субстанции			<i>волн-, горч-, круч-, жест-</i>	<i>мут-, грез-, дивг-</i>			
	действие, направленное на человека			<i>рв-, лют-, яр-, гнев-, буи-, напрасн-, жеч-, печал-, пых-, рын-, тек-, пал-, свиреп-</i>		<i>мы-, нос-, влач-, блаз-</i>		
	процесс, физическое явление							
	человек	состояние здоровья человека			<i>враг-, див-, неист-</i>		<i>благ-</i>	
		особенности поведения	<i>роб-</i>				<i>коцун-, москолуд-</i>	
	Метонимический	причина	<i>бои-, озроз-, ужас-, полх-, блост-, пуг-</i>	<i>туж-</i>	<i>дражж-</i>	<i>хрит-, позор-</i>		
<i>стереч-, пас-</i>			<i>жел-</i>	<i>катор-</i>		<i>рад-, приэн-, весел-</i>		
внешнее проявление		<i>тряс-, трепет-, дрог-, мерз-, страх-, тороп-</i>	<i>плак-, рыд-, сет-, скуч-, дых-, слаб-, стон-, дрях-</i>	<i>клопот-, стрек-, порук-</i>	<i>рд-</i>	<i>лик-, сме-, шут-, морк-, дражж-, де-руг-, скал-, кор-</i>		

Глава 3. Лингвокультурологическое исследование символического переноса в названиях эмоций

В данной главе исследуется соотношение исходного и переносного значений в названиях эмоций с целью выявления особенностей формирования эмоционального значения и обнаружения (на основе результатов анализа исходного значения) основных символов лингвокультурологического поля эмоций.

3.1. Механизм формирования переносного (эмоционального) значения в процессе семантического переноса

Эмоции в силу своей природы принципиально не могут быть переданы языком прямо, всякое эмоциональное значение переносное. То есть эмоция, прежде чем вербализоваться, соотносится с каким-либо объектом или явлением окружающей действительности. Проведенный этимологический анализ (см. глава 2) позволил выявить основные мотивировочные признаки (денотаты), лежащие в основе наименования определенной эмоции, то есть описать номинативное (первичное) значение, семы которого были актуализированы в процессе семантического переноса. Поэтому в данном параграфе исследуются принципы возникновения эмоционального значения и характер соотношения этого значения с исходным, что позволит уточнить лексическое значение некоторых наименований эмоций. Направление нашего исследования определяется вопросом: «Почему та или иная эмоция обозначается именно через семантическую структуру того или иного слова?». При помощи компонентного анализа была выявлена семантическая структура слов лексической пары

"обозначаемое – обозначенное". Затем исследовались семы, актуализация которых привела к развитию нового значения (см. таблицы 4, 9, 12, 15, 18). Семантическая структура исходного значения в указанных выше таблицах описывалась на основе этимологических данных и материале «Объяснительного толкового англо-русского словаря»¹ [ОТАРС]. Характеристика эмоций осуществлялась по психологической литературе [Анохин, 1993; Вилюнас, 1976; Выготский, 1958; Дерябин, 1974; Злобин, 1988; Леонтьев, 1993; Общая психология, 1986; Психология эмоций: Тексты, 1993; Рейковский, 1979; Рубинштейн, 1989; Шингаров, 1971]

Семантика *страха*

Эмоциональное значение «страх» формируется в языке, как указывалось выше, путем метафоризации и метонимизации:

Метафорические модели:

1. - человек → РобѢть
2. - вкусовое ощущение → Брезговать, гнушаться

Метонимические модели:

1. причина → эмоция / оказывать сильное физическое влияние или эмоциональное воздействие → «страх»
 - принуждать, грозить, наказывать → блѹстись;
 - пугать, потрясать, возбуждать → полошиться;
 - гнать, теснить → пугаться;
 - гасить, давить, утихомиривать → ужасаться;
 - резать, бить, устрашать → боязнь;
 - делать покорным; подчинять себе → угроза;

¹ Анализ семантической структуры исходного значения происходил на материале данного словаря потому, что только в этом словаре описание лексического значения слова осуществляется как набор ядерных и периферийных сем

2. состояние → эмоция (которая вызвана этим состоянием) / иметь что-либо, любить, заботиться, оберегать → «страх (лишиться этого)»

- любить, охранять → стеречь;

- охранять, оберегать; пасти → опасаться;

3. форма выражения эмоции (внешнее проявление) → эмоция

Трястись (двигаться)

Спешиться (перестать двигаться)

задрожать → вострястися;

спех, суета → оторопь;

затрястись → дрогнути;

оцепенеть → застрашиться

дрожать → вострепетати

Характер соотношения исходного и переносного значений (на материале некоторых наименований *страха*) представим в нижеследующей таблице:

Таблица 4

Тип семантического переноса	Семантическая модель	Исследуемый корень (слово)	Характеристика сопоставляемого явления	Характеристика эмоции	Семы, актуализированные в процессе семантического переноса
Метафора	вкусовое ощущение → страх (отвращение)	<u>брезговать</u>	Отвращение – испытывать неприятный вкус	Грусть: снижение моторной активности, дрожание, съеживание, негативность, стремление устранить это состояние. Источник – физическое воздействие, вызывающее страх за свою жизнь	Негативность, страх за свою жизнь
Метонимия	1. причина → эмоция	<u>боязнь</u>	Бить - причинять физическую боль		Источник
	2. состояние → эмоция	<u>стеречь</u>	Охранять - пасти, чувствовать дискомфорт из-за ответственности		Источник
	3. форма выражения эмоции → эмоция	<u>вострястися</u>	Трястись - дрожать всем телом	Дрожать	

Сопоставительный анализ первичного и переносного значений показывает, что в сознании носителей языка протекание *страха-отвращения* закрепляется за *вкусовым ощущением*, то есть *отвращение* сопровождается

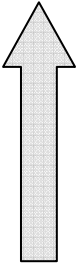
неприятным вкусом, страх возникает, если на человека направлено какое-либо *действие* (негативно оцениваемое объектом воздействия), либо в *ситуации*, когда человек ответственен за что-либо. В этом случае человек *выражает* свой страх либо в *движении*, либо в *бездействии*. Необходимо отметить, что наименования эмоции *стеречь, опасаться* (СМ: состояние → эмоция) можно охарактеризовать как более долговременные, нежели остальные. Это связано со свойствами мотивировочного признака, "состояние" можно описать как процесс, растянутый во времени.

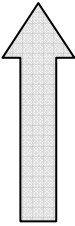
Другой значимой характеристикой семантического поля *страх* является иерархическая соотнесенность причины аффекта и типа эмоционального ощущения. Как мы уже отмечали, психологи видят основную причину возникновения *страха* в событиях, условиях, ситуациях, несущих ущерб как физический, так и психологический. Наиболее ярко эта характеристика отражается в лексемах, эмоциональное значение в которых развивается по модели: "причина: действие, направленное на человека" → "бояться, пугаться". Попробуем установить, как характер действия влияет на степень аффективного состояния.

Иерархия эмоций *страха* по данным психологов [Злобин, 1988; Изард, 1980] может быть представлена в виде следующей таблицы:

Таблица 5

Эмоции

1.	Ужас		<i>Наибольшая степень проявления эмоции</i>
2.	Отвращение		
3.	Боязнь		
4.	Трепет		

5.	Испуг		<i>Наименьшая степень проявления эмоции</i>
6.	Угроза		
7.	Оторопь		
8.	Робость		

На основе этимологического анализа построим сходную схему (Таб. 6), где в порядке возрастания интенсивности расположим мотивировочные признаки – действия, направленные на человека. Наибольшей степенью будет обладать то действие, которое причиняет человеку наибольший физический ущерб.

Таблица 6

<u>МП – причина</u>		<u>НЭ</u>		
1.	Истреблять, уничтожать		<i>Наибольшая степень проявления эмоции</i>	<u>Ужас</u>
2.	Бить, резать		<u>Боязнь</u>	
3.	Гнать		<u>Испуг</u>	
4.	Подчинять		<i>Наименьшая степень проявления эмоции</i>	<u>Огрозиться</u>
5.	Принуждать		<u>Блюстись</u>	
6.	Тревожить		<u>Полошиться</u>	

Сопоставление таблиц 5, 6 позволяет сделать следующий вывод: по всей видимости, наиболее интенсивная из эмоций *страха* – ощущение *ужаса* вербализуется в словах с корнем *ужас-*, потому что характер воздействия "истреблять, уничтожать" оценивается человеком как более губительный, чем, например, "гнать". Подобная закономерность проявляется и в употреблении

слов с корнем *роб-*. *Робеть* используется со значением "какое-то непродолжительное время испытывать небольшой страх". Эта временная и качественная характеристика эмоции, обозначенной этим словом, коррелирует с внутренней формой "вести себя как ребенок / раб", поскольку эти состояния хронологически ограничены: человек вырастает из *ребенка*, перестает быть *рабом* / через какое-то время перестает *робеть*.

Семантика *грусти*

Развитие значения «грусть» в языке происходит также путем поиска в качестве обозначающего сходного или смежного фрагмента окружающей действительности:

Метафорические модели:

Таблица 7

1.	- болевое ощущение	→	<u><i>жаль, скорбь, боль, кручина, оскомина, грусть</i></u>
2.	- температурное ощущение: жжение	→	<u><i>горе, печаль, разжигание</i></u>
3.	- вкусовое ощущение	→	<u><i>огорчение</i></u>
4.	- явление природы	→	<u><i>омаритися</i></u>

Метонимические модели:

1. причина → эмоция / причинять физический дискомфорт → грустить
притеснять → *тужить*;
2. состояние (причина эмоционального состояния) и эмоция (которая вызвана этим состоянием) → «грустить»
желать → *желание*;
3. форма выражения эмоции (внешнее проявление) → эмоция

Таблица 8

Плакать, лить слезы	Издавать негромкие звуки	Падать духом, обмякнуть телом
плакать, реветь навзрыд → <u>рыдать</u> ;	жаловаться, роптать, плакаться → <u>воссЪтовати</u> ;	утомляться → <u>дряхлование</u> ;
проливать слезы, реветь → <u>плакаться</u>	издавать звуки → <u>постонати</u> ; издавать тихие вздохи → <u>вздыхати</u> ; тихо скулить, плакаться → <u>поскучити</u>	слабеть, поникать → <u>ослабитися</u>

Представим в таблице некоторые НЭ, прошедшие данный путь семантического развития:

Таблица 9

Тип семантического переноса	Семантическая модель	Исследуемый корень (слово)	Характеристика сопоставляемого явления	Характеристика эмоции	Семы, актуализированные в процессе семантического переноса
Метафора	болевое ощущение → грусть	<u>боль</u>	Боль - неприятное физиологическое ощущение, длительное, приводящее к упадку физических и душевных сил	Источник – боль, жара, упадок сил, дискомфортное ощущение. Низкая возбудимость, протяженность во времени, длительность, негативность. Может выражаться в слезах, истериках, воплях.	Источник, длительность, упадок физических и душевных сил

	температурное ощущение: жжение → грусть	<u>горе</u>	Ожег – мучительная, долго незаживающая рана, причиняющая саднящую боль, полученную в результате воздействия огня		Источник, протяженность во времени, упадок физических сил
	вкусовое ощущение → грусть	<u>огорчение</u>	Горечь – непродолжительное, неприятное вкусовое ощущение		Источник, негативность
	явление природы → грусть	<u>омариться</u>	Мара- жара, вызывающая упадок сил		Источник, упадок сил
Метонимия	1. причина → эмоция	<u>тужить</u>	Притеснять – создавать для человека дискомфортные условия жизни		Источник
	2. форма выражения эмоции → эмоция	<u>рыдать</u>	Проливать слезы		Проливать слезы

Анализ соотношения первичного и переносного значений в наименованиях эмоций *грусти* также подтверждает, что закрепление определенных эмоций за конкретными реалиями окружающей действительности является строго мотивированным. Так, наиболее сильные и продолжительные эмоции *грусти*: *печаль, кручина, грусть, тоска, скорбь, горе*-соотносятся с наиболее яркими физиологическими ощущениями: *температурным* и *болевым*. *Огорчение*, характеризующееся меньшей интенсивностью и длительностью, закрепляется за *вкусовым ощущением*, вызывающим менее губительные и кратковременные для человека последствия.

Внешняя сторона протекания эмоций *грусти* также закрепляется в языке. *Грустящий* человек *слабеет, падает духом* (НЭ ослабление,

дрыхлование, вздохать), плачет – лексемы: плакать, рыдать, скулить, стонать. Человеку может стать грустно, если его притесняют (тужить).

Семантика гнева

Слова, обозначающие «гнев», претерпевают сходную семантическую эволюцию. Развитие эмоциональной семемы происходит и здесь путем метафорического и метонимического переносов.

Метафорический перенос:

Таблица 10

1.	- человек (объект)	→	<u>Неистововатися</u> , <u>враждовать</u> , <u>дивоватя</u> ;
2.	- процесс	→	<u>Разжечися</u> , <u>опечалитися</u> , <u>вспыхнуть</u> , <u>встечь</u> , <u>распалитися</u> , <u>ринуться</u> ;
3.А	- действие- разрушение	→	<u>Рватися</u> ;
3.Б	- действие с семой "сверхнорма"	→	<u>Лютовать</u> , <u>взъяритися</u> , <u>свирепеть</u> , <u>буянить</u> , <u>напрасно</u> ;
4.	- качество субстанции	→	<u>Взволноватися</u> , <u>огорчитися</u> , <u>окручинитися</u> , <u>жесточитися</u>

Метонимический перенос:

1. причина → эмоция / ставить в неловкое положение →

«гневаться»

- обольщать, обманывать → облазнитися;
- дразнить, сердить → раздражатися;
- оскорблять, говорить неправду,
наговаривать → оскорблятися;
- искушать, дразнить → облазнитися

2. состояние (причина эмоционального состояния) и эмоция (которая вызвана этим состоянием) / находиться в состоянии вражды → «гневаться»

- спорить, перепираться

→ каторатися

3. форма выражения эмоции (внешнее проявление) → эмоция

Таблица 11

Проявлять гнев в действии (то, что видимо)	Проявлять гнев в звуках (то, что слышимо)
сильно махать руками → <u>поруковати</u> ; внезапно начать действовать → <u>пострѣкати</u>	шуметь, громко стучать → <u>клопотати</u>

Выделим семы, актуализация которых привела к развитию некоторых из обозначений *гнева*:

Таблица 12

Тип семантического переноса	Семантическая модель	Исследуемый корень (слово)	Характеристика сопоставляемого явления	Характеристика эмоции	Семы, актуализированные в процессе семантического переноса
Метафора	Человек → гнев	<u>враждовать</u>	Вести себя как враг – жестоко, разрушительно, причинять боль, неконтролируемость	Мгновенная мобилизация и активизация сил, мощный и разрушительный порыв, неконтролируемость. Человек в гнев ощущает себя сильным и умным, способным причинить боль обидчику.	Неконтролируемость, разрушительность, способность причинить боль
	Процесс (физическое явление) → гнев	<u>разжечься</u>	Разжечься – внезапно и сильно разгореться		Неконтролируемость, внезапность, мощь, непродолжительность
	Характеристика субстанции → гнев	<u>Взволноваться</u>	Взволноваться – внезапно покрыться волнами		Мгновенное изменение состояния
Метонимия	1. причина → эмоция	<u>оскорбляться</u>	Оскорблять – говорить неправду, причинять душевную боль		Источник

Продолжение таблицы 12

	2. состояние → эмоция	<u>каторатися</u>	Ссориться – спорить, перепираться, доказывать свою правоту		Источник
	3. форма выражения эмоции → эмоция	<u>поруковати</u>	Махать руками		Махать руками

Анализ соотношения исходного и переносного значений исследуемых наименований *гнева* показал, что один из путей развития семемы "гнев" отражает логический коррелят "причина – следствие", соотносимый с психологическими понятиями: "стимул – реакция". Эмоция *гнева* развивается как реакция на некий комплекс, который можно описать следующим образом: "быть недовольным, испытывать дискомфорт из-за данного положения дел" (объединяет 1 и 2 метонимические модели). Например, *каторатися* "гневаться" (первичное значение корня – "быть в распре, ссоре"); *раздражитися* буквально – "быть истязаемому, раздраженному"; *облазнитися* развивает эмоциональное значение на базе исходного "быть искушаемому, соблазненному, одураченному".

Это раздражение извне находит выход в агрессии и разрушении, также запечатлеваемых в языке. Так, для НЭ *разжечися* «гневаться» первичным значением является – «разгораться, пылать». Инвариантную семему НЭ *рвение* «гнев» с помощью этимологического анализа определяем как «разрушаться, разрываться». В другом НЭ *въяритися* значение «разгневаться» сформировалось на основе исходного «разрастаться сильно, внезапно». Т.е. *разжечися* буквально – "сгорать от гнева, гореть злобой"; *рваться* буквально – "рваться, разбиваться от гнева"; *въяритися* буквально – "обильно прорасти гневом, взойти злобой, как травой". Психологи определяют гнев как

кратковременную, бурнопротекающую реакцию на внешнее раздражение, для этой эмоции характерно состояние сильного возбуждения. Инвариантные значения содержат в своей структуре такие семы, как "внезапность" (*распалитися, рняти, распыхание*), "обильность, неконтролируемость" (*буяти, воссверьбѣти*). Таким образом, в процессе символизации не только актуализируются конгруэнтные обозначаемому явлению (эмоции *гнева*) признаки, но и закрепляется национально-культурная специфика.

Другой важной особенностью функционирования НЭ *гнева* является их частичная пейоратизация – то есть приписывание НЭ *гнева* негативной оценки путем обозначения гнева лексемами, несущими пейоративную окраску первичных семем. Таким образом, культура (и язык как основная часть культурного пространства) регулирует взаимоотношения людей с природой и людьми, социальные, этические и другие отношения. Например, *гнев* приписывается качествам *врага* — *повраждовати*, сумасшедшего — *неистоватися*. Через христианскую идеологию переосмысливается значение корневой морфемы *яр-* «обильный, полный сил, порывистый, страстный, похотливый» → «гневный». Б.А.Ларин пишет: «Значение *гневный* несет отрицательный морально-оценочный характер через приписывание христианской идеологией *ярѣ* «гнев, ярость» греховной страсти» [Ларин, 1977, с. 90]. Та же самая особенность характеризует семантическую историю слов с корнем *буј-* «гневаться».

Семантика *стыда*

В основе формирования значения «стыд» также лежат два основных типа семантического переноса:

Метафорический:

Таблица 13

- температурное ощущение: ХОЛОД	→	<u>Стыд, срам</u>
- качество субстанции	→	<u>Смущение, грѣза, подвижитися</u>

Метонимический:

1. причина → эмоция / ставить в неловкое положение → «стыдиться»
- осуждать, упрекать → позориться;
 - кричать → похрипеть
2. форма выражения эмоции (внешнее проявление) → эмоция

Таблица 14

Изменить цвет лица
покраснеть → <u>рѣдѣться</u>

Исследуем характер развития эмоционального значения на базе исходного:

Таблица 15

Тип семантического переноса	Семантическая модель	Исследуемый корень (слово)	Характеристика сопоставляемого явления	Характеристика эмоции	Семы, актуализированные в процессе семантического переноса
Метафора	Температурное ощущение → стыд	<u>стыд</u>	Холод - состояние, вызывающее неприятные (болевые) ощущения; характерно снижение двигательной активности, дрожание, съезживание; негативность. Возможно покраснение	Стыдящемуся человеку присуще стремление сжаться и сделаться как можно меньше. Эмоция сопровождается усилением кровяного давления, что вызывает непроизвольное покраснение.	Стремление сжаться и сделаться как можно меньше и незаметнее. покраснение
	Характеристика субстанции → стыд	<u>подвижѣться</u>	Двигаться – изменять свое состояние на другое	Источник – осуждение поступков, крик, несправедливость	Стремление сжаться и сделаться как можно меньше и незаметнее.

Метонимия	1. причина → эмоция	<u>позориться</u>	Позорить – говорить неправду, причинять душевную боль		Источник
	2. форма выражения эмоции → эмоция	<u>рдеть</u>	Рдеть - краснеть		Краснеть

В исследованиях психологов *стыд* – это наиболее рефлексивная эмоция, то есть человек может испытывать стыд даже наедине с собой, со своими мыслями. По словам Дж. Локка, «стыд представляет собой беспокойство ума при мысли о том, что совершено нечто неприличное или такое, что уменьшит уважение к нам со стороны других» [Локк Дж., 1991, с. 339].

Эти другие эксплицитно всегда присутствуют. Именно другие "превращают «Я» из субъекта познания в его объект. Я не могу судить о вульгарности своих жестов и действий, если их никто не видит. Другой задает область стыда и очерчивает границы" [Арутюнова, 1997, с. 63].

В языке этот всегда виртуально присутствующий другой вербализуется в некоторых наименованиях эмоций *стыда*. Например, в качестве мотивировочного признака в метонимической модели "кричать, ругать, осуждать" → "стыдиться" эксплицитно присутствует другой, который производит эти действия. Так, *ХРИТАТИ* развивает эмоциональную семему "стыдиться" на основе исходной "быть объектом унижения, насмешек", *ПОЗОРИТЬСЯ* буквально – "находиться под пристальным вниманием, быть осуждаемым, порицаемым".

Семантика радости

Развитие значения «радость» происходило в русле следующих семантических моделей:

Метафорические модели:

Таблица 16

1.	человек	→	<u>Блажить, кощуняться, москолудить</u>
2.	действие, производимое над объектом	→	<u>Измываться, поносить, повлечить</u>

Метонимические модели:

1. состояние (причина эмоционального состояния) и эмоция (которая вызвана этим состоянием) / находиться в состоянии удовлетворения → «радоваться»

- ощущать заботу → радоваться;
- ощущать гармонию, благополучие → веселиться;
- ощущать радость победы → тризна

2. форма выражения эмоции (внешнее проявление) → эмоция

Таблица 17

Обнажать зубы	Издавать звуки, говорить	Действовать определенным образом
обнажить зубы → <u>осклабиться</u> ; улыбаться → <u>посмѣвати</u>	бормотать → <u>поморкати</u> ; говорить (насмешливо) → <u>издѣватися</u> ; ругаться → <u>коритися</u> ; ругаться → <u>ругати</u>	повтор движений → <u>подражание</u> ; представлять кого-либо шутком через слова, движения → <u>ошутити</u>

Проследим, насколько соответствуют характеристики сопоставляемых явлений:

Таблица 18

Тип семантического переноса	Семантическая модель	Исследуемый корень (слово)	Характеристика сопоставляемого явления	Характеристика эмоции	Семы, актуализированные в процессе семантического переноса
Метафора	человек → радость	<u>блажить</u>	Блажить - вести себя подобно блаженному, глупому, необычно, смеяться	Радость придает чувство уверенности и значимости, укрепляет социальные связи, находит свое выражение в смехе, улыбке, бесцельных движениях, общем возбуждении.	Общее возбуждение, бесцельность, смех, улыбка
	Действие, производимое над объектом → потеха	<u>измываться</u>	Измывать – действие, производимое над объектом: Мыть – обмывать каждую часть, то есть расчленять объект	Потеха – гневная радость, характеризуется стремлением унижить другого.	Объект пассивен и зависим от деятеля, который сильнее (активнее).
Метонимия	1. состояние → эмоция	<u>радоваться</u>	Ощущать заботу – быть уверенным, довольным	Уверенность, активность деятеля, пассивность объекта. Объект необходим для применения своей силы и неизрасходованной энергии	Источник - уверенность
	2. форма выражения эмоции → эмоция	<u>осклабиться</u>	Скалить зубы		улыбаться

Свойства денотатов, сопоставляемых с эмоцией *радости*, повторяют характеристики *радости*, приводимые в психологической литературе.

Практически все психологи указывают на то, что *радость* выражается в смехе, улыбке. Внутренняя форма слов с корнем *смБ-* / *сми-* может быть описана как “смеяться над кем-то, улыбаться, подшучивать”, *ОСКЛАБИТИСЯ* буквально – “обнажать, показывать зубы”. Эксплицитно мотив улыбки восстанавливается в наименованиях эмоций *ошутить* “представить кого-л. шутком (дураком)” и *москолудити* буквально “вести себя в потехе как москолуд,

шутник (т.е. проказничать, подстраивать шутки, обманывать, издеваться, потешаться, насмехаться)”.

Такое выражение *радости*, как бесцельное движение, общее возбуждение, неадекватное происходящему поведению, обнаруживается в исходном значении глагола *взблагити*. Схему появления эмоционального значения можно описать как “вести себя подобно блаженному (необычно, ненормально)”.

Другая психологическая особенность *радости* – чувство уверенности и значительности при протекании аффекта – выявляется в результате компонентного анализа переносного значения бóльшей части наименований эмоций *потехи*. В семантической структуре слов *поносить*, *повлачить*, *измываться*, *кориться*, *ругаться*, *издѣваться* и др. эксплицитно присутствует *субъект действия*, тот, кто ругает, корит, издевается. Деятель чувствует себя сильнее, увереннее и значительнее объекта, то есть того, на кого направлено действие.

3.2. Лингвокультурологический фон формирования эмоционального значения

В данном параграфе исследуется характер символического ассоциирования, лежащий в основе семантического переноса наименований эмоций, с целью определения границ лингвокультурологического поля эмоций и построения его модели.

Наибольший интерес с точки зрения отражения в языке культурных символов и мотивов представляют древнейшие семантические экспликации (индоевропейской и праславянской эпох). Именно в эти эпохи происходит формирование и становление так называемого "дологического мышления". Для "дологического мышления" характерна синкретическая диффузная связь со всем окружающим его микро- и макрокосмом. Этот тип мышления отличался стихийными представлениями, наивными образами и антропоморфными ассоциациями. Основное свойство мифического мировосприятия касается, главным образом, «категорий причинности, времени и пространства. В первой как итог комплексности и отсутствия расчленений мы находим тождество причины и следствия, во второй – образ чередования качественно различных времен, при одновременной слитности, со слитностью «раньше» и «после»; наконец, в третьей – восприятие пространства как вещи, с определенной структурой, при тождестве величины и формы. Отсюда – связь времени и пространства с заполняющим их содержанием и тождество части – целому, единичного – общему, вещи – свойству. Эта общая структура мифического мышления тождественна первично-языковому сознанию, и связь их настолько генетична, что языковые представления и звуковые комплексы рождаются одновременно с мифическим образом. Язык и миф, следовательно, параллельны, и общая, рождающая их стихия есть первобытное сознание. Но неразрывность языкового понятия и мифического образа позволяет заменить

один из этих двух элементов другим» [Фрайденберг, с. 30-31], а это и есть основное условие рождения метафоры и метонимии.

Результаты этимологического анализа и анализ процесса формирования нового эмоционального значения показали, что следы символического осмысления мира сохранили в своей семантической структуре наименования *грусти* и *радости*. Что касается наименований остальных основных эмоций, то рождение этих вербальных обозначений относится к более позднему периоду развития мышления и языка, характеризующемуся качественно другими категориями символического осмысления реальной и семиотической действительности.

Символы *грусти*

В русском языке семантическое поле *грусть* представляется довольно обширным, однако общим семантическим признаком всех элементов поля является сема «неудовлетворенность». В лексикографической практике, которая направлена на толкование обыденного значения слова, для слов со значением «грусть» постоянно отмечается наличие чего-то недостижимого. Так, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [НОС, с. 45] для синонимического ряда Тоска, уныние, печаль, грусть дается следующее толкование для общей части значений: «неприятное чувство, которое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно»; при этом отмечается, что субъект тоски «склонен думать, что желаемое ему жизненно необходимо». Проведенный этимологический анализ позволяет более последовательно и конкретно определить это «невозможно желаемое» путем выявления тех понятий, которые человеческое сознание связывало с *грустью*.

Итак, историко-этимологическое исследование показало, что для человека *грусть* похожа на *боль*, *жжение*, *горечь*. Она возникает из-за *мучений*,

тесноты, принуждения. Когда человек *грустит*, то он *плачет*, *рыдает*, *бьет себя в грудь*, *воет*, *скулит*, становится *слабым*, *дряхлеет*.

Первый символ, который отмечается в связи с эмоцией *грусть* уже в индоевропейском языке, можно описать как *боль*, *мучения*. Древнейшее значение «физическая *боль*», ставшее основой развития эмоциональной семемы, восстанавливается в следующих наименованиях: слова с корнем *жал-* родственны лит. *gelti* “очень болеть, жалить”, *gēla* “жестокая боль, мука, мучение” [Фасмер, т. 2, с. 35], нем. *Qual* “мучение, страдание”, др. - в. - нем. *quelan* “страдать”, *quâla* “страдание, мука”, арм. *keł* “нарыв”, греч. *βέλῶν* “острие, гвоздь” [Черных, т. 1, с. 290], то есть первичное значение можно описать как «острая боль». Для дериватов с корнем *грут-* древнейшая семема “ноющая, продолжительная боль, локализованная в области органов пищеварения” восстанавливается также на основе сопоставления с лексическими данными родственных языков: стар. с.-х. *grst* ж. р. “тошнота”, с.-х. *grstan*, *grsna* “гадкий, тошнотворный”, словен. *grústen*, *stna*, прил. “отвратительный”, с.-х. *grustiti* “испытывать отвращение, досаду”, словен. *grustiti se* “испытывать отвращение”, лит. *grūžtis* “рези в животе”, греч. *βρόχῳ* “скрежещу зубами от боли” [Трубачев, в. 7, с. 155], возможно, родственное с *грызть* [Фасмер, т. 1, с. 496]. Для образований с корнем *скорб-* этимологическое значение “боль, болезнь, вызывающая головокружение, потерю сознания” может быть реконструировано путем привлечения материала индоевропейских языков: лит. *skirbti* “болеть, страдать, скисать, худеть”, лтш. *skurbt* “терять сознание, хмелеть”, *skûrba* “головокружение, опьянение”, лтш. *skurbstu* “падаю в обморок, теряю сознание”, греч. *παζαω* “заставляю съеживаться” [Фасмер, т. 3, с. 650]. Слово *кручина* обозначало, вероятно, конкретную боль с определенной локализацией. В некоторых письменных источниках наименование *кручина* функционировало как собственно русская альтернатива лексемы *желчь* «желчь, желудочная жидкость» [Колесов, 1986, с. 137]. В родственных языках также сохранились однокоренные лексемы с первичным значением: инд. *krúñkati* “изгибается” слов. *ukronkniti* “изгибаться,

извиваться”; польск. *kręsz* “головокружение, судороги”, ст.-сл. *КРУЧА* “омут, водоворот” [Фасмер, т. 3, с. 387]. Таким образом, данные памятников письменности и этимологический анализ позволяют описать семантическую базу, послужившую основой развития эмоционального значения, как “боль, болезнь в области живота (конкретно *желчного пузыря*)”. Таким образом, многочисленные наименования эмоции *грусти* развивают переносное значение на основе первичного «физиологическое ощущение боли».

Другим значимым мотивом, сопряженным с *грустью*, является *огонь*. Семантической доминантой, ставшей источником развития эмоции *грусти*, стала, однако, не вся система значений *огонь*, а, именно та ее часть, в которой пересекается *человек* и *огненная стихия: ощущение жжения*. Древнейшим результатом ассоциативной мыслительной деятельности стало появление словообразовательного гнезда с корнем *gor* -, восходящего к праслав. * *greti*, *goreti* (< и.-е. * *gor'* - < и.-е. * *g* " *her* - /* *g* " *hor*-). Первичное значение корня отмечается в родственных индоевропейских языках: др.-инд. *h̄aras* “жар”, *gōkas* “пламя, жар”, *ghrnoti* “пылать, сверкать”, ирл. *gorim*, *guiñim* “согревать, разжигать”, лит. *garėti* “гореть” [Трубачев, вып. 7, с. 41]. Древнейшее значение корня сохраняется также в верхнелужицком языке: *horić* “жечь, пламенеть” и в современном русском: *гореть* “пылать”, *греть* “увеличивать температуру”, *жар* и др. Беря за основу этимологические данные, можно сформулировать инвариантное символическое значение как “ощущение высокой температуры (жжения, жара) от горения огня”. В праславянскую эпоху развития языка сходные этапы проходит другой индоевропейский корень **pek-*, который трансформируется в этот период > * *peč-* , сохраняя древнейшее значение “температурное ощущение”. Это значение явилось основой метафорического наименования *грусти*, сохранившегося в русском языке: *печаль*, *печалиться*. Через мотив *огня грусть* оказывается связанной с *погребальной символикой*. Общей чертой погребальных обрядов большинства древних индоевропейских традиций является практика сжигания трупов – кремация. «Обряд сжигания на огне у древних индоевропейцев, предполагающий наличие достаточно сложной

по тому времени технологии, должен был иметь определенный символический смысл, отличавший этот обряд от более простого способа захоронения умершего в землю. Такой символический смысл обряду кремации придавал "огонь", знаменовавший очищение человека, освобождение его "духа" [Гамкрелидзе, Иванов, т. 2, с. 831] (этимологически *горе* родственно и.-е. * *gegti* буквально "сжигать на огне" [Черных, т. 1, с. 301]). Погребение сопровождалось различными жертвоприношениями и обрядами. «Оплакиваемое тело умершего доставляли к общему кострищу, после чего родственники поджигали костер. На следующий день пепел с обгоревшими остатками костей собирали и складывали в урну» [Гамкрелидзе, Иванов, т. 2, с. 828]. Этот ритуал находит свое отражение в ряде однокоренных лексем, родственных наименованиям *грусти*: ст. сл. *жаль* "гробница", словен. *zalovati* "быть в трауре, оплакивать" [Фасмер, 19. т. 2, с. 35], в русских говорах: *жаль* 1) "убогий дом- место для трупов", 2) "могила, кладбище" [Даль, т. 1, с. 68]. В др.-русск. языке в словах с корнем *плак-* происходит развитие семемы «грусть» на основе значений «бить себя в грудь (в знак скорби), бичевать, ударять себя». Это значение восстанавливается при сопоставлении лексических единиц родственных языков: лит. *plákti, plakú* "колотить", *plākis* "удар", лат. *plango, planxi* "бить себя в грудь, громко сетовать" [Фасмер, т. 3, с. 372]. Считается, что первоначальным значением слова было "биение себя в грудь (в знак скорби)"; восходит к о.-сл. *plakati* < и.- е. корня *plāk, plāg* "ударять, бить", ср.- лит. *plakti* "бичевать" [Черных, т. 2, с. 38]. Более поздние наименования *грусти* сохраняют этот семантический путь развития: *РЫДАТИ* "грустить" буквально - "громко плакать, рыдать"; *ПОСКУЧИТИ* "грустить" – "выть, скулить"; *ПОСТОНАТИ* "грустить" – "постонать, поплакать, повздыхать"; *ПОСЬТОВАТИ* "грустить" - "пожаловаться, поплакаться". Исследователи отмечают особую символику *плача*. «Плач является не просто биологическим фактом, но мировоззренческим, имеющим свою семантическую историю. В древнем обществе "плач" осмысливается космогонически; *плач* и смех сопровождают

исчезновение – появление тотема. *Плач* прикрепляется к *смерти*» [Фрейденберг, с. 94].

Таким образом, *боль* физическая, приводящая к смерти, и *боль* душевная, вызванная смертью близких, эксплицитно связывает понятия *грусти* и *смерти*.

Другим значимым концептом в системе поля *грусти* является мотив *утрата, ослабление жизненных сил, старение*, также отсылающий к мотиву *смерти*. Так, в праславянском языке происходит семантический перенос в словах с корнем * *drâh-* (др.-русс. *дряхлование* “печаль, скорбь” [СРЯ, вып. 4, с. 367]), а затем и в древнерусском языке *ослабление* “скорбь, горе” [СРЯ, в. 13, с. 104]. Исходное значение этих единиц, на основе которого произошло развитие эмоционального значения, можно описать как “слабость, уменьшение сил”.

Поскольку *грусть*, обнаруживая связь со временем жизни, является векторной величиной, то она неизбежно в сознании человека оказывается связанной также с пространством. *Грусть* в силу ограниченности человеческой жизни может быть вызвана и замкнутостью пространства: *тужить* буквально «быть в притеснении, унижении» (русский корень *туж-* < *туг-* (где *у* < *о*, звук *г* перед *и* изменился в *ж*) восходит к праславянскому * *toga* <* *togъ* “тугой”, который развился из индоевропейского * *ten(g)noti* “стягивать, сдавливать, сжимать, стеснять, угнетать” [Фасмер, т. 3, с. 257]); *журиться* буквально «находиться в тесноте, давке», слова с корнем *жур-* восходят к о.-сл. * *журь* “принуждение, брань, печаль”. Родственно с др.-инд. *ghóras* “ужасный”, с.-х. *журба* “спешка, теснота”, словен. *guráti* “изнашивать, натягивать, мучить” [Черных, т. 1, с. 49].

Отметим также еще один концепт, связывающий, на наш взгляд, *грусть* со *смертью*. В древнерусском языке отмечается глагол *вздыхати* - “грустить”. Однокоренными с ним являются *дохнуть, дух*, но с перегласовкой. М.Фасмер сопоставляет *дыхание / дышать* с лит. *dūseti, dūsiu* «пыхтеть», *duseti* «покашливать», лтш. *dusēt* «пыхтеть, дышать, дремать, отдыхать», н.-нем. *dūsen*

«дремать» [Фасмер, т. 1, с. 559]. На основе этих данных инвариантную семему мы можем описать так: “дышать глубоко и тяжело”. Мотив *дыхание* занимает в сознании индоевропейца определенное место. Весь мир для него делился на *мир живых* и *мир мертвых*. *Дыхание* являлось непременным атрибутом *мира живых*. *Затрудненное, тяжелое дыхание* символизировало, что *дух* покидает человека, отправляется в *мир мертвых* (подробнее см.: Гамкрелидзе, Иванов, т. 2, с. 459). Характерно, что в немецком языке выражение: *j-m geht der Atem aus* употребляемое со значение «грустить, тосковать» [Добровольский. Словарь, с. 27] буквально переводится как «испускать дух, находиться на последнем издыхании».

Таким образом, основываясь на этимологических и культурологических сведениях, мы пришли к выводу о том, что появление эмоции *грусти* оказывается сопряженным в сознании человека с понятием *смерти*, ограниченности человеческого существования. Мысли о смерти рождают у человека *грусть*. Исследования психологов о природе *грусти* подтверждают наши выводы. По утверждениям психологов, *грусть* является одной из древнейших эмоций, развившихся у человека. Она выступает в качестве конкретной психической формы существования потребности человека в продолжении рода. Первой причиной *грусти* является акт рождения, физическое отделение ребенка от матери, также ее источником может быть боль, холод, шум, жара, громкая речь, неудача, потеря и т.д.

На наш взгляд, «невозможно желаемое» (по данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка») - это мысль о невозможности вечного существования, метафизическая тоска по бессмертному потомству, по былой взаимосвязи. Всякое рождение сопровождается *болью*, которая сигнализирует о вхождении в жизнь, *ограниченную* временными рамками, об отпадении от вечности, о бренности, тлене и смерти. Ведь смерть забирает не только твою жизнь, но и жизнь твоего земного продолжения, твоего иного-я, другого-я. Чем старше становится человек, тем глубже и ярче он осознает трагизм временности, то есть рождение тоски связано с началом

ощущения времени и его направленности, то есть направленности жизни вперед (движения к смерти). Вероятно, по этой причине *ослабление жизненных сил*, приближение к смерти человек сопоставляет с грустью.

Лингвокультурологическое поле *грусти* схематически можно представить следующим образом.

Рисунок 1

Символы радости

Эмоция *радости* предстает в исследованиях психологов как антонимичная эмоции *грусти*. *Радость*, как указывалось выше, понимается как эмоция, «характеризующаяся чувством уверенности и значительности, следующая обычно за достижением или творческим успехом личности» [Изард, с. 211], то есть формирование этой эмоции у человека мотивировано потребностью самовыражения (в спорте, религии, искусстве, науке и др.). *Радость* обычно выражается «в смехе, бесцельных движениях, общем возбуждении» [Дерябин, с. 152]. Данное эмоциональное состояние «облегчает и усиливает социальные связи, успокаивает человека» [Изард, с. 211].

В концептуальной картине мира культурологическое окружение *радости* и *грусти* также оказывается противопоставленным, выражая символическую антитезу *Смерть – Рождение*.

Древнейшими обозначениями эмоции *радость*, судя по памятникам письменности, являются наименования с корнями *рад-* и *весел-*, представляющие собой семантическую и стилистическую пару. «Оппозиция *радость* - *веселье*, по словам Н.И.Толстого, в средневековых церковнославянских текстах может строиться на признаках “обыденное - сакральное” (“земное - небесное”), “телесное - духовное”, “внутреннее - внешнее”» [Толстой, 1997, с. 180-181]. Тяготение *рад-* к обыденной сфере значений находит отражение в однокорневых дериватах родственных языков: М.Фасмер считает корень *рад-* индоевропейским // к и.-е. * *ordъ* “порядок, забота, суета”. Ст.-сл. *радити* “заботиться”, укр. *радий*, *рад*, блр. *рад*, др.-русск., ст.-слав. *РАДЪ*, словен. *rád*, *ráda*, чеш. *rád* – то же, слвц. *rád*, польск., в.-луж. *rad*, осет. *rād* “порядок”, англосакс. *rót* “радостный”, др. исл. *rótasl* “веселеть”, сакс. *róti* “радость” [Фасмер, т. 3, с. 429]. То есть *РАДОВАТЬСЯ* буквально - “ощущать удовольствие, наслаждение, заботу, порядок”. Концепт, сопряженный с *радостью*, мы можем описать как *упорядоченность*.

Характерно, что «тогда как пасхальная тематика преимущественно использует дериваты слав. **rad-*», то за семантической сферой Рождества, - по словам Н.И.Толстого, - легче закрепляются образования с корнем *весел-* [Толстой, 1997, с. 181]. Символ празднества, группового гуляния повторяется в наименованиях эмоций с корнем *лик* -, исходное значение которых сохраняют индоевропейские и славянские дериваты: укр. *ликоваться* “касаться щекой щеки, что заменяет пасхальное приветствие у стариков”, блр. *ліковаць*, болг. *лик* “хор” // готск. *laiks* “танец”, *laikan* “скакать, прыгать”, др.-исл. *leikr* “игра”, д.-в.-н. *leih*, *leich* “игра, пение”. Герм. слово родственно лит. *láiguoti* “носиться, бегать”, др.-лит. *laigo* “танцует”, др.-инд. *rējati* “заставляет прыгать, трястись”, *rējatē* “скачет, трясется”, нов.-перс. *ālēxtan* “прыгать, мчаться”, курд. *be-lezium* “пляшу”, *lizim* “играю”, *λυαίνω* “громко возглашаю, пою” [Фасмер, т. 2, с. 495].

Этот же мотив появляется при анализе лексем, родственных русским словам с корнем *весел-*: блг. *весілля* “свадьба”, блр. *вяселле* “свадьба” [Черных, т. 1, с. 145]. Другие дериваты: лтш. *vesells* “здоровый, целый, невредимый”, др.-инд. *vasu-* “хороший”, авест. *vanhu-*, *vohu-* “хороший”, ирл. *fiu* “достойный, равный” [Трубачев, в. 1, с. 303], гот. *wizōn* “жить роскошно, припеваючи”, др.-инд. *vasu* “добрый, благосклонный” [Черных, т. 1, с. 145] - позволяют описать инвариантное символическое значение слав. **veselъ*, на основе которого произошло развитие эмоционального значения, как “новое, здоровое, рождающееся, целое, невредимое, хорошее, процветающее, доброе”.

Символически связанным с *радостью* оказывается и концепт *смеха*. Как мы уже отмечали, *смех* в языке наполнен глубинным метафизическим смыслом. «*Смех, улыбка* семантизируются как новое сияние солнца, как солнечное рождение. *Улыбка* – это *рождение* космоса. *Смех* поэтому избавляет от *смерти* и недугов, исцеляет, врачует, *улыбка* возвращает *жизнь*» [Фрейденберг, с. 92]. М.М.Маковский отмечает: «Смех – неотъемлемая часть сакрального действия, ... своеобразный общественный жест, который, как и другие жесты в языческом обществе, имел магическую символику, направленную как на творение добра, так и на заклинание злых сил. Русское *родить* родственно лат.

ridere со значением «смеяться» [Маковский. Словарь, с. 300]. Наименования *смеха* становятся обозначением *радости* в следующих лексемах: русск. *смѣяться* родственно лтш. *smiēt, smeju* “смеяться, шутить, поднимать на смех”, лтш. *smieties* “смеяться”, др.-инд. *smáytē* “улыбаться”, англ. *smile* “смеяться”, греч. *μείδω* “улыбаюсь” [Фасмер, т. 3, с. 687]; *скалиться* восходит к слав.* *skal* – “показывать, обнажать зубы, улыбаться” [Фасмер, т. 3, с. 631].

Таким образом, с учетом результатов этимологического анализа была выявлена символическая связь *радости* и таких концептов, как *смех*, *рождение*, *празднество*, *коллективность*, *весна*, *свадьба*, соотношение которых можно представить в виде следующего рисунка:

Рисунок 2

Таким образом, современная психологическая оппозиция эмоций «грусть» - «радость», антонимия наименований эмоций *грусти* и *радости* основывается на древнейшей антитезе: *Смерть* – *Рождение* (и ее элементах: *деструкция* – *порядок*, *потеря* – *обретение*, *увядание* – *зарождение*, *отделение* – *соединение*), выражаясь в ритуалах и обрядах: *Похороны* – *Рождество* / *радение* (христианский аналог – *пасха*). Причем, именно

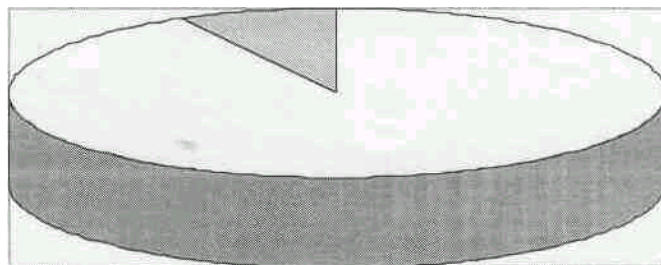
противопоставленность отдельных элементов лингвокультурологического поля *радости* и *грусти* объективирует выделение нами данной антиномии.

Отметим, что данные концепты выявлены нами в результате анализа тех языковых единиц, которые приобретают эмоциональное значение преимущественно в индоевропейском и праславянском языке. С принятием христианства в русском языке также появляются некоторые наименования эмоций *радости*, несущие в своей семантике элемент религиозного осмысления. Слова с корнем *благ-* / *блаж-* развивают переносное значение по модели "вести себя как блаженный". Концепт *блаженный* представляется важным концептом в христианском мировоззрении. В православном менталитете *блаженный* означает *благополучного, счастливого*. «Блаженным по преимуществу называется особый разряд свв. Подвижниковъ и подвижницъ, иначе называемыхъ юродивыми. Этотъ видъ подвижничества состоитъ въ томъ, что принявшій или принявшая на себя этотъ подвигъ ради Христа и спасенія соей души отказывается отъ общепринятаго образа жизни, дѣлается добровольнымъ скитальцемъ и нищимъ, обдуманно принимает на себя образъ чѣловека, лишеннаго здраваго ума. Для этого подвига потребны великое самоотверженіе, чрезвычайное безпристрастіе къ себѣ, готовность терпѣть необходимая и высокая мудрость, чтобы безславіе свое обращать во славу Божию: въ смѣшномъ не допускать грѣховнаго, въ обличеніи ничего несправедливаго» [Полный православный богословский энциклопедический словарь, т. 1, с. 346]. *Блаженному* по определению полагается быть *смешным*, выглядеть как человек *ненормальный*. Поэтому вполне логичным представляется развитие эмоции "радость" именно в этом слове. Причем, лексема *благовати* является единственным наименованием светлой, положительной *радости*, возникшей в эпоху древнерусского и великорусского языков. На этом основании мы можем сделать вывод о том, что именно религия стала местом выхода положительных эмоций, здесь человек самовыражается в коллективе близких ему по вере людей, поскольку «радость облегчает и усиливает социальные связи» [Изард, с. 211].

Поскольку в психологии эмоция *радости* рассматривается как отражение потребности в *самовыражении*, представляется необходимым рассмотреть видовую особенность *радости* – *потеху*. Характерно, что большую часть наименований эмоций *радости*, отраженных в памятниках письменности XI-XVII вв., составляет *потеха / гневная радость* – 92 % (см. рисунок 3), то есть самовыражение идет за счёт унижения, посрамления другого человека.

Рисунок 3

**Соотношение наименований эмоций *потехи* - *радости*
в языке периода XI - XVII вв.**

Наименования эмоций *Потехи* – 92 %;

Наименования эмоций *Радости* – 8 %

В символическом плане *радость* соотносится с концептами, так или иначе имеющими в своей структуре мотив *коллективности*. В лингвокультурологическом окружении *потеха* мы этот мотив не обнаруживаем. Кроме того, эмоция *потехи* негативно оценивается коллективом и религией. Это подтверждается характером развития эмоционального значения в лексеме праславянского происхождения *кощунятися* «потешаться», семантическая эволюция которого проходит этап христианского переосмысления. С принятием христианства, когда старые языческие символы и ритуалы наполняются новым православным содержанием, происходит переосмысление значения *кощунятися*: «насмехаться над священными языческими предметами (идолами)» → «осквернять религию,

потешаться над священными предметами (то есть вести себя как язычник, неверующий)». Значение, восстановленное путем этимологического анализа, подтверждается «Полным православным богословским энциклопедическим словарем», в котором *кощунство* означает «язвительную насмѣшку, доказывающую явное неуваженіе къ правиламъ и обрядамъ церкви православной, или, вооуще христіанской... объектомъ кощунства является не сама вѣра и ее ученіе – они служатъ объектомъ богохуленія, а обряды и ее правила. Наказаніемъ является тюремное заключеніе отъ 4 до 8 мѣсяцевъ» [ППБЭС, т. 2, с. 1480]. Неверие, отпадение от коллективного мнения не поощряется в любом обществе: языческом или христианском - индивидуализм порицается. Таким образом, мы можем говорить о такой доминанте общественной жизни России XI-XVII вв., как коллективизм, соборничество, которая поддерживалась институтом государства и религии. Таким образом, государственная идея (философия, мораль), свидетельствующая в свою очередь об определенной христианской доминанте в национальной картине мира, также получила выражение в языке.

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов:

1. В результате этимологического анализа была установлена внутренняя форма, отражающая связь в диахронии первичного и переносного значения и являющаяся основой семантических моделей. Проведенный компонентный анализ позволяет говорить о том, что в процессе семантического переноса актуализируются сходные элементы семантической структуры (семы и группы сем). Это объясняется, по-видимому, связью между представлениями об эмоции и опосредованной психикой реальной действительностью. Выбор лексемы для наименования эмоции обусловлен объективными качествами той или иной эмоции, а потому выбирается слово для ее презентации в языке, семная сторона которого содержит сходные характеристики – интегральные семы. Так, эмоция гнева в представлении человека, которое отразилось в языке (и которое подтверждается исследованиями психологов), это бурнопротекающая, сопровождающаяся каким-то разрушением и содержащая в себе сверх-, аномальность. Поэтому значение "эмоция гнева" развивается по тем моделям, в которых актуализировались семы: процессуальность (процесс), разрушение, избыточность (сверхнорма). Характер связи между значениями (то есть границы наименования) обусловлены условиями коммуникации, в соответствии с которыми "языковая личность" будет черпать сходные для имятворчества явления из конвенционального круга знаний, поскольку индивидуальный жизненный опыт отражает коллективно осознанные характеристики мира.

Таким образом, компонентный анализ показал, что в системе "обозначающее – обозначенное" выявляется строгая корреляция, а следовательно, и зависимость между фрагментом реальной действительности, вербализированным в первичном (прямом) значении, и определенной эмоцией. То есть эмоции частично упорядочиваются и понимаются как некие явления

(например, *грусть* как *огонь*, *боль*, *mareво*; *стыд* как *холод* и т.д.), что подтверждается идиоматическими выражениями: *серце болит*, *душа горит*, *на глазах пелена* – о *грусти*; *щеки горят* – о *стыде* и т.д.

2. Метонимия представляет собой более реальный и зримый (чем метафора) механизм взаимодействия двух семантических структур. «Метонимические операции в области языка не предполагают, согласно В.Б.Шкловскому, отношения к происходящему, но только регистрацию и поведенческий стереотип на уровне рефлекса» [Колотаев, 1998, с. 12]. Осознаваемая связь между формой и содержанием (в том числе между причиной и следствием) и закрепляется аналитически через метонимию. Однако подобная закреплённость могла иметь место только в том случае, если обозначаемая посредством метонимии деталь была типична для эмоции, то есть выражение эмоции (или причина эмоции) должно было быть не ситуативным, случайным, а маркером, выразителем устоявшейся связи, указывающим на соблюдение принятых в обществе норм поведения. Человек должен был проделать сложную мыслительную операцию, чтобы воплотить в одно понятие предельно формальную связь двух явлений, объединить дискретные (разобщенные) элементы – эмоцию и ее проявление (или эмоцию и ее причину / состояние). Метафорическое наименование включает в свою структуру некое эмоциональное отношение к сравниваемым явлениям, поскольку в выборе "обозначающего" "языковая личность", несмотря на некоторые языковые ограничения, проявляет определенную степень субъективизма.

3. Со временем связь исходного значения с переносным может перестать ощущаться как живая, мотивированность наименования исчезает, когда носитель языка перестает связывать соотносимые в семантическом переносе явления, тогда метафора и метонимия переходят в разряд генетических (по сути становятся номинативной единицей). Этимологический анализ позволяет выявить исходное значение и интегральные семы, связывающие это значение с переносным. Однако эта особенность характерна не для всех наименований эмоций. Мы предполагаем, что в метонимических

наименованиях, выражающих связь "эмоция – выражение (внешнее проявление)", *обозначающее* "закрывает" собой *обозначаемое*. Использование слов *рыдать* в значении «грустить», *смеяться* – в значении «радоваться», *торопеть* – в значении «испугаться» позволяет говорить о том, что эмоциональное значение все еще является переносным в лексической структуре "обозначающего". В этом случае мы можем утверждать, что наименования данного типа будут обозначать в языке эмоции только до тех пор, пока они отражают фактическую, существующую в действительности смежность.

4. Механизм экономии языковых средств приводит к тому, что одна и та же эмоция может проявляться в разных формах, а одна и та же форма выражения эмоции (например, «течение слез») может закрепляться в языке за лексемами с разными корнями (например, *плак-* / *плач-* и *рыд-*). Факт закрепления за одной формой нескольких значений и способность значения передаваться несколькими знаками свидетельствует о метафоре и метонимии как о явлениях синтагматики, когда определенный фрагмент миропредставлений выражается на поверхностном (языковом) уровне в нескольких единицах.

5. Выявление культурных символов на материале наименований эмоций *грусти* и *радости* обусловлено хронологическим периодом развития эмоциональных значений в данных НЭ. Только древнейшие эмоциональные обозначения сохраняют в своей семантической структуре элементы синкретического освоения мира.

Заключение

В заключении представим выводы обобщающего характера, связанные с достижением основной цели исследования – выявление тенденций в наименовании эмоций, семантическом развитии лексических единиц – названий эмоций в русском языке, формировании символов лингвокультурологического поля эмоций.

Оязыковление эмоции происходит путем осмысления ее основных свойств и качественных характеристик сходных или сопоставляемых с эмоцией явлений. Направление поиска адекватного для вербализации эмоции в языке обозначения определяется согласно нескольким параметрам. Тип семантического осмысления эмоции (метафорический или метонимический) зависит прежде всего от характера мышления. Синкретизм как доминанта символического осмысления действительности предполагает использование метафоры, поскольку именно в процессе метафоризации для словесного выражения выявляются особенные, характерные признаки обозначаемого явления, актуализируемые затем совокупно с чертами сходных явлений как нерасчлененное единство. То есть эмоция, существовавшая до этого только в виде непредметной, трудно определяемой сущности, получает особое вещественное обозначение. Наименование эмоций путем метонимического переноса предполагает меньшее обращение к конкретным признакам денотата и направлено на поиск его типичных качеств. Мотивировочные признаки: "причина", "состояние" или "внешнее выражение" - представляют своего рода маркеры – зримые и осязаемые эквиваленты. Чем типичнее знак, выражающий ту или иную эмоцию, тем больше узнаваемость эмоции, закрепленной за этим знаком. Метафоризация и метонимизация в языке осуществляются как актуализации конвенциональных элементов смысла. Однако и среди этих коллективно осознанных элементов "языковая личность" производит отбор

некоторых признаков. То есть процесс семантического переноса ограничивается определенным (конечным) числом семантических моделей, количество которых задается представлением о наборе объективных свойств денотата. Каждое из этих свойств может быть актуализировано и положено в основу нового наименования. Можно предположить, что семантический перенос происходит как процесс взаимодействия участков этих представлений – каких-либо свойств. Отдельное наименование в этом случае представляет собой вариативную актуализацию определенного смыслового образования и реализацию одной семантической модели, выделяемой для данной (конкретной) эмоции или для той или иной лексико-семантической группы в целом. Следовательно, бóльшая степень однородности механизма метафоризации или метонимизации будет характеризовать наименования одного типа эмоции.

Метафорический и метонимический процессы основываются на суждениях о сущностной структуре именуемого объекта или явления. Одновременно с поиском вербального обозначающего происходит анализ объема конгруэнтного понятия, поскольку основная функция метафоры и метонимии - «сделать объект доступным для нашей мысли» [Ортега-и-Гассет, 1990, с. 72]. По всей видимости, набор структурных характеристик сопоставляемых явлений и способ их взаимодействия определяются национально-временными, лингвокультурными и ментальными свойствами "языковой личности". Изменение одного из мотивирующих факторов ведет к перестройке приоритетных характеристик в системе "обозначаемое – обозначающее". Поэтому степень регулярности некоторых семантических моделей, закрепляющих в языке определенный способ взаимодействия двух явлений или объектов, с течением времени может меняться. Так, в силу смены основ мировидения (с синкретизма на аналитизм) можно предположить, что семантический перенос, свойственный периоду "дологического мышления", будет характеризоваться все меньшей продуктивностью. А модели, в основе

которых лежит аналитизм как прием символического освоения мира, будут регулярно подтверждаться вновь возникающими наименованиями.

Как мы уже отмечали, процесс возникновения нового наименования осуществляется как поиск адекватного и сходного своей сущностной структурой явления. Следовательно, выбор конгруэнтного словесного обозначения задает набор определенных семиотических и символических ассоциаций, причем обуславливается не только его качественный, но и количественный состав. То есть "рождение" нового слова может произойти только при полном совпадении всех параметров "обозначаемого" и "обозначающего": семантической структуры, фрагментов смысловых представлений и символического фона. Причем отношения между членами пары "обозначаемое - обозначающее" являются взаимонаправленными, поскольку появление новой языковой единицы мыслится в виде долговременного процесса. На первом его этапе "рождаемое" значение входит в семантическую структуру исходного значения в качестве его периферийного оттенка. Затем осуществляется расширение и уточнение лексического значения за счет актуализации потенциальных элементов, перевода этих имплицитных смыслов в эксплицитные. После этого "обозначаемое" мыслится как омоним [ср.: Черемисина, 2000] и лишь после разрыва интегральных сем или нейтрализации всех ядерных элементов связи между структурными элементами некогда нерасчлененного звукового и смыслового комплекса "обозначаемое" получает статус языковой единицы.

Будучи объективно обусловленными, семантические модели могут быть описаны как схема возможного развития новых эмоциональных значений. Выявленные особенности формирования переносных значений и лингвокультурологического фона с большой степенью вероятности позволяют предсказывать этот процесс. Может быть спрогнозирован тип семантического переноса (метафорический или метонимический), тип семантической модели и круг лингвокультурных ассоциаций.

Дальнейшая разработка проблем, представленных в диссертационном исследовании, может быть продолжена в рамках сопоставительного языкознания. Привлечение материала других языков позволит создать "Историко-этимологический словарь НЭ индоевропейского и праславянского языков", выявить национальные отличия лингвокультурологического поля *эмоций*. Исследование этой проблемы возможно также с точки зрения синхронии. Эксперимент как метод обнаружения "языковой памяти" позволит установить: оказывает ли влияние затемнение внутренней формы на синхронные экспликации слова.

Литература

1. Абаев В.И. О принципах этимологического исследования // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. - М., 1956. - С. 70-83.
2. Абаев В.И. Как русское уклад «сталь» помогло выяснить этимологию осетинского AENDON «сталь» // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. - М., 1960. - С. 73-79.
3. Абаев В.И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология 1984. - М., 1986. - С. 7-27.
4. Агиенко М.И. Внутренняя форма слова как элемент духовной культуры народа // Филологический сборник, Вып. 2, - Кемерово, 2002. - С. 11-14.
5. Амигба Х.Г. Цветовая метафора в абхазском, немецком и английском языках (сопоставительный анализ). Авторф. дис. ... докт. филол. наук. - М., 1997. - 20 с.
6. Анохин П.К. Эмоции // Психология эмоций: Тексты. - М., 1993. - С. 181-187.
7. Андреева Ф.П. К вопросу о диалектной экспрессивной лексике // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. - Красноярск, 1968. - С. 154-161.
8. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. - №3. - С. 27-35.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. - М., 1995. - 472 с.
10. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. – 1995. - №1. - С. 37-68.
11. Аркадьева Т.Г. Этимологические гнезда слов в диалектной лексике // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. - Л., 1989. - С. 95-143.
12. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. - №2. - С. 59-70.

13. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. - М., 1979. - С. 147-173.
14. Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. – 1998. - №3. - С. 94-106.
15. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск, 1989. - 184 с.
16. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1974. - 448 с.
17. Балашова Л.В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI-XX веков). Авторф. дис. ... докт. филол. наук. - Саратов, 1999. - 42 с.
18. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. - М., 1995. - 512 с.
19. Бахтин М. Смеховая культура. - М., 1974. - 448 с.
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - 448 с.
21. Березович Б.Л. Топонимия русского севера. Этнолингвистические исследования. - Екатеринбург, 1998. - 338 с.
22. Берестнев Г.И. О «новой реальности» в языкознании // Филологические науки. – 1997. - №4. – С. 47-55.
23. Бердяев Н.А. Самопознание. - М., 1990. - С. 45-58.
24. Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. - М., 1986. - 512 с.
25. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 153-172.
26. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1978.
27. Бондаренко Л.В. Типы метонимического переноса и проблемы их системного описания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1980. - 17 с.
28. Браг Р. Антропология смирения // Вопросы философии. – 1993. - № 5. – С. 99-113.
29. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М., 1997. - С. 345-489.

30. Буряков М.А. К вопросу об эмоциях и средствах их лексического выражения // Вопросы языкознания. – 1979. - №3. - С. 47-59.
31. Варбот Ж.Ж. О возможности реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология 1984. - М., 1986. - С. 33-40.
32. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 233-244.
33. Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка: Учебное пособие для спецкурса. - Красноярск, 1997. - 104 с.
34. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка: Учебное пособие для спецкурса. - Красноярск, 1993. - 148 с.
35. Васильев А.Д. Историко-культурный аспект динамики слова: Учебное пособие для спецкурса. - Красноярск, 1994. - 196 с.
36. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. - №5. – С. 105-113.
37. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. - 411 с.
38. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999.
39. Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. - М., 2001. - 272 с.
40. Вернадский В.И. Живое вещество. - М., 1978. - 289 с.
41. Вертелова И.Ю. Этимологический комментарий к лексемам, составляющим семантическое поле печали в русском языке // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сборник науч. тр. - Калининград, 2000. - С. 33-39.
42. Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь». На материале немецкого и русского языков. Авторф. дис. ... докт. филол. наук. - Волгоград, 1997. - 24 с.
43. Вилюнас В.К. Перспективы развития психологии эмоций. - М., 1976. - С. 46-60.

44. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. - М., 1976. - 142 с.
45. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.
46. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.
47. Виноградов В.В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. - М., 1975.
48. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. - М., 1963.
49. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. - 492 с.
50. Витт Н.В. Об эмоциях и их выражении (К проблеме выражения эмоций в речи) // Вопросы психологии. – 1964. - №3. – С. 140-153.
51. Витт Н.В. Речь и эмоции. - М., 1984. - С. 48-92.
52. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 52-65.
53. Вольф Е.М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний (главы из книги) // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. - М., 1996. - С. 137-166.
54. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. - М., 1989. - С. 55-75.
55. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. - М., 1997. - 331 с.
56. Востриков С.В. Диалектный идеографический словарь и этимологический анализ // Этимологическое исследование. - Екатеринбург, 1991. - С. 4-11.

57. Выготский Л.С. Проблема эмоций // Вопросы психологии. – 1958. - №3. – С. 94.
58. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 11-26.
59. Гак В.Г. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. - М., 1996. - С. 20-31.
60. Гак В.Г. Этимолого-семантические поля в лексике // Филологический сборник. - М., 1995. - С. 107-117.
61. Гак В.Г., Донадзе Н.З. Названия зятя по материалам лингвистического атласа Европы // Вопросы языкознания. – 1998. - №4. - С. 143-150.
62. Гамкрелидзе Т.В. Историческая лингвистика и типология: (Сборник статей). - М., 1991. - 172 с.
63. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2-х ч. Ч. 1. - Тбил. ун-т, 1984.
64. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. – 1967. - №1. – С. 77-92.
65. Голан А. Миф и символ. - М., 1994. - 375 с.
66. Горячева Т.В. К этимологии и семантике восточно-славянских метеорологических и астрономических терминов // Этимология 1994-1996. - М., 1997. - С. 27-35.
67. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 291-313.
68. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984.
69. Даниленко В.П. Ономастологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания. – 1988. - №3. – С.42-47.
70. Дарбанова Н.А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты) Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1998. - 19 с.

71. Демьянков В.В. Теория протонимов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. - М., 1993. - С. 142-154.
72. Дерябин В.С. Чувства. Влечения. Эмоции. - Л., 1974. - 258 с.
73. Дерягин В.Я. Названия рукавиц в русском языке // Диалектная лексика. - 1974. Л., 1976. - С. 27-50.
74. Дидро Д. Элементы физиологии. О человеке // Сочинения: В 2-х т. Т.1. - М., 1986. - 529 с.
75. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2001. - 16 с.
76. Дмитриевская М.А. Концепты тоски и скуки у Платонова // Исследования в области когнитивной лингвистики: Сборник науч. тр. - Калининград, 2000. - С. 22-30.
77. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. – 1997. - №6. - С. 37-48.
78. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. - №1. - С. 71-93.
79. Добровольский Д.О. Типология идиом // Фразеология в Машинном фонде русского языка. - М., 1990.
80. Драчева С.И. Экспериментальное исследование вербального содержания этнической концептуальной системы // Текст. Структура и функционирование. Вып. 2. - Барнаул, 1997. - С. 61-64.
81. Драчева С.И. Экспериментальное исследование национальной специфики концептуальной картины мира (на материале русского и алтайского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1998. - 19 с.
82. Дубровина К.Н., Вакуленко С.В. Методические указания к изучению спецкурса «Компонентный анализ значения слова». - М., 1990. - 48 с.
83. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. - М., 1999. - 125 с.
84. Есперсен О. Философия грамматики. - М., 1958.
85. Живов М.В. Язык и культура в России в XVIII в. - М., 1996. - 590 с.

86. Жураковская Н.В. Экспрессивная лексика русских старожильческих говоров среднеобского бассейна // Вопросы славянского языкознания. - Саратов, 1968. - С. 72-80.
87. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. – 2001. - №2. – С. 13-26.
88. Злобин А.Т. К классификации эмоций // Вопросы психологии. – 1988. - № 6. – С. 97-103.
89. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. - М., 1965.
90. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. - М., 1974. - С. 125-131.
91. Изард К.Э. Эмоции человека. - М., 1980. - 439 с.
92. История философии. - М., 1986. - 340 с.
93. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. - М., 1976. - 355 с.
94. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987. - 210 с.
95. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. - №1. – С. 57-68.
96. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 33-43.
97. Кияк Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания. – 1987. - №3. - С. 58-68.
98. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. - М., 1986.
99. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. - Л., 1986. - 312 с.
100. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – слово // Вестник СПбГУ, сер. 2, вып. 3, - СПб., 1992. - С. 30-40.
101. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. - СПб., 2000. - 326 с.

102. Колотаев В. Структура зримого в теории поэтического языка В.Б. Шкловского // Истоки. – 1998. - № 5. С. 12-24.
103. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 5-31.
104. Кондратьева О.Н. Основные направления в области концептуальных исследований // Филологический сборник. Вып. 2, - Кемерово, 2002. - С. 83-88.
105. Кончук Л.Б. Национальная и региональная вариативность лексики и фразеологии современного немецкого языка. - СПб., 1997, - 169 с.
106. Красавский Н.А. Терминологическое и обиходное обозначение эмоций: (На материале русского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 1992. - 17 с.
107. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - М., 1996. - 245 с.
108. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. - М., 1980. - С. 81-156.
109. Кубрякова Е.С. Словообразование и его место в теоретической ономазиологии // Языковая номинация: Виды наименований. - М., 1977. - С. 264-285.
110. Куркина Л.В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // Этимология 1968. - М., 1971. - С. 91-113.
111. Куркина Л.В. Славянские этимологии // Этимология 1994-1996. - М., 1997. - С. 46-57.
112. Куркина Л.В. Этимология русских диалектных слов (русское диалектное назола) // Филологический сборник. - М., 1995. - С. 278-282.
113. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. - М., 1997.
114. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. - М., 1980. - 314 с.

115. Ларин Б.А. Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений (стыд – срам) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. - М., 1977а. - С. 63-72.
116. Ларин Б.А. Об архаике в семантической структуре слова (яр – юр – юуй) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. - М., 1977б. - С. 89-100.
117. Леви-Брюль К. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М., 1999. - 603 с.
118. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 46-73.
119. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М., 1981. - 584 с.
120. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций: Тексты. - М., 1993. - С. 171-180.
121. Лессинг Г. Воспитание человеческого рода // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. - М., 1991. - С. 378-387.
122. Липилина Л.А. Когнитивное значение мотивированности метафор // Исследования в области когнитивной лингвистики: Сборник науч. тр., - Калининград, 2000. - С. 52-65.
123. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия «литература и язык». – 1993. - №1. – С. 3-9.
124. Логический анализ языка: культурные концепты. - М., 1991.
125. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. О модусах удовольствия и страдания // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. - М., 1991. - С. 335-363.
126. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. - М., 1980.
127. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. - М., 1976.

128. Лосев А.Ф. Происхождение античного символизма // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М., 1993. - 960 с.
129. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М., 1991. - С. 97-108.
130. Лосев А.Ф. Языковая структура. - М., 1983. - С. 63-124.
131. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. - Таллин, 1992. - С. 52-88.
132. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. - Новосибирск, 1976. - С. 3-21.
133. Ляпон М.В. Судьба метафоры и национально-культурный контекст // Филологический сборник. - М., 1995. - С. 307-315.
134. Маковский М.М. Английская этимология. - М., 1986. - 273 с.
135. Маковский М.М. Лингвистическая генетика. - М., 1992. - 193 с.
136. Маковский М.М. Метаморфозы слова (Табуирующие маркеры в индоевропейских языках) // Вопросы языкознания. – 1988. - №4. - С. 151-179.
137. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. - М., 1996. - 330 с.
138. Мамардашвили М. Картезианские размышления. - М., 1993. - С. 67-82.
139. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М., 2001. - 208 с.
140. Меркулова В.А. О некоторых принципах этимологии названий растений // Этимология 1964. - М., 1965. - С. 72-87.
141. Меркулова В.А. Русские этимологии VI // Этимология 1977. - М., 1979. - С. 58-65.
142. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М., 1980.
143. Мокиенко В.М. Образы русской речи. - Л., 1986.
144. Монич Ю.В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // Вопросы языкознания. – 1998. - №1. - С. 97-120.

145. Мягкова Е.Ю. Перспективы исследования эмоциональности лексики в свете новых взглядов на эмоции // Мышление и текст. - Иваново, 1992. - С. 105-110.
146. Нидерле Л. Быт и культура древних славян. - Прага, 1924. - С. 36-53.
147. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. - №1. - С. 91-102.
148. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. - М., 1993. - 189 с.
149. Никитина Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. – 1995. - №2. – С. 68-82.
150. Николина Н.А. Способы обозначения запахов в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1998. - №1. – С. 77-84.
151. Николина Н.А. Языковые способы выражения нравственных качеств // Русский язык в школе. – 1998. - №4. – С. 75-83.
152. Общая психология / Под ред. А.В. Перовского, А.В. Бругулинской. - М., 1986. - 464 с.
153. Одинцов Г.Ф. Основные линии семантического развития названий оружия в русском языке // Этимология 1984. - М., 1986. - С. 171-175.
154. Одинцов Г.Ф. Русские зазноба, залетка, лапушка // Этимология 1974. - М., 1976. - С. 117-126.
155. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. - М., 2000. - С. 26-56.
156. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. - М, 1988. - С. 65-78.
157. Ортега-и-Гассет Х. Адам в раю. - М., 1991. - 15 с.
158. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 68-81.

159. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. – Л., 1967. - 320 с.
160. Павиленис Р.И. Концептуальные картины мира: мнение и знание // Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. - М., 1983. - С. 211-261.
161. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. - Новосибирск, 1995. - 217 с.
162. Паскаль Б. Мысли // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. - М., 1991. - С. 282-286.
163. Перфильева С.Ю. Теоретико-экспериментальное исследование слов названий эмоций и их функционирования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 2001. - 26 с.
164. Петенева З.М. Глаголы мышления в исторических песнях 17 в. о Степане Разине // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Вып. 2. - Кемерово, 1974. - С. 95-100.
165. Петенева З.М. Об употреблении глаголов чувств в исторических песнях 17 в. о Степане Разине // Вопросы славянского языкознания. - Саратов. 1968. - С. 89-94.
166. Петлева И.П. Семантические истоки слов со значением «бояться, пугаться» // Этимологические исследования. - Свердловск, 1984. - С. 69-74.
167. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике XVII в. // Этимология 1988-1990. - М., 1992. - С. 52-57.
168. Пименов Е.А. Эссе об эмоциях // Филологический сборник. Вып. 2, - Кемерово, 2002. - С. 127-130.
169. Платон. Антология Сократа // Сочинения: В 4-х т. Т.1. - М., 1994. - С. 96.
170. Платон. Сочинения: В 3-х т., Т.№. Ч.2. - М., 1971. - С. 243-244.

171. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. - М., 1959. - С. 62-126.
172. Полухина В. Опыт Словаря тропов Бродского (на материале сборника «Часть речи») // Митин журнал. - 1995. - №52 (лето). – С. 106-126.
173. Попова-Шенкевец Н.В. Некоторые наблюдения над именами существительными, сочетающимися с инфинитивом // Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. - Красноярск, 1968. - С. 53-70.
174. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976. - С. 35-220.
175. Потебня А.А. Слово и миф. - М., 1989. - С. 379-444.
176. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. - М., 1959.
177. Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976.
178. Психология / Под ред. А.А.Смирнова, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна и др. - М., 1962. - 560 с.
179. Психология эмоций: Тексты. - М., 1993. - 304 с.
180. Рейковский Я. Эмоции как процесс, организующий поведение // Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. - М., 1979. - С. 133-151.
181. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 416-434.
182. Риндисбахер Х.Д. От запаха к слову // НЛЮ. - №43. – 2000. – С. 126-141.
183. Родяева С.Н. Анализ лексико-семантической области слов, обозначающих эмоции. (На материале современного немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1967. - 19 с.
184. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М., 1988. - 215 с.

185. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х т. Т. 1. - М., 1989. - С. 322.
186. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., 1997. - 823 с.
187. Рябкова А.В. Лексико-семантическая таксонимия фреймов РАДОСТЬ-ПЕЧАЛЬ (на материале русского и немецкого языков). Авторф. дис. ... канд. филол. наук. - Тюмень, 2002. - 19 с.
188. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 2001. - 655 с.
189. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М., 1974. - 352 с.
190. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. - СПб., 1993. - 150 с.
191. Славянские древности. Этнолингвистический словарь // Под ред. Н.И.Толстого. Т. 1. - М., 1994.
192. Соколов О.М. Методические рекомендации к изучению курса «Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного». - М., 1989. - 52 с.
193. Соловьев Вл. Предисловие. - М., 1991. - С. 378-387.
194. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М., 1997.
195. Степанов Ю.С. Семиотика. - М., 1983.
196. Степанова И.Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идиостиле И.Калашникова. Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001.
197. Суворова Н.А. Особенности функционирования фразеологических оборотов в древнерусском языке (от XI-XIV вв. к XVIII в.) // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сборник науч. тр. - Калининград, 2000. - С. 142-152.
198. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. - М., 1989. - 573 с.

199. Тарасюк Е.А. Концепт личности в языковой картине мира // Исследования в области когнитивной лингвистики: Сборник науч. тр., - Калининград, 2000. - С. 37-41.
200. Телия В.Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 244-290.
201. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986.
202. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 26-52.
203. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. - М., 1991.
204. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. - М., 1996. - С. 31-38.
205. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. - 288 с.
206. Теория метафоры / Под ред. Н.Д.Арутюновой, М.А.Журиной. - М., 1990. - С. 5-32.
207. Теория символов // Вопросы языкознания. – 1997. - №4. - С. 125-142.
208. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М., 1995. - 512 с.
209. Толстой Н.И. Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семасиология. - М., 1997. - 520 с.
210. Трубачев О.Н. ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). - М., 1966. - 416 с.

211. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 147-179.
212. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. – 1980. - №3. - С. 3-14.
213. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. - М., 1991. - 272 с.
214. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии: Переводы. - М., 1987. - С. 45-59.
215. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 82-119.
216. Улуханов И.С. О степенях мотивированности слов // Вопросы языкознания. – 1992. - №5. – С. 83-86.
217. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). - М., 1994. - 240 с.
218. Успенский Б.А. Избранные труды. Том II. Язык и культура. - М., 1996. - 780 с.
219. Успенский Б.А. Избранные труды. Том III. Общее и славянское языкознание. - М., 1997. - 800 с.
220. Уфимцева А.А. Лексическое значение. - М., 1986. - 240 с.
221. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. - М., 1961. - С. 30-63.
222. Ушанкин С. «Видимость мужественности» // Дом-хаус. – 2001. - №4. – С. 147-169.
223. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Авторф. дис. ... докт. филол. наук. - М., 1999. - 52 с.
224. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. - М., 1982. - С. 227-239.

225. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. - М., 1987. - С. 29-184.
226. Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности. - М., 1994. - 184 с.
227. Хабургаев Г.А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике): Учебное пособие для филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов. - М., 1980. - 191 с.
228. Хахалова С.А. Роль метафоры в функции аккумуляции языковой культуры (на примере немецкого героического эпоса) // Филологические науки. – 1997. №2. – С. 105-110.
229. Хлыбова С.В. Моделирование фрагмента региональной картины мира (на материале лексики русских говоров Алтая). Автореф. дис. ... канд. филол.наук. - Барнаул, 1998. - 20 с.
230. Чайкина Ю.И. Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слова (на материале диалектных экспрессивов) // Вопросы теории и истории языка. - СПб., 1993. - С. 187-192.
231. Черемисина Н.В. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сборник науч. тр. - Калининград, 2000. - С. 175-192.
232. Шапилова Н.И. Из наблюдений над группой глаголов со значением чувства, вызываемого у объекта // Вопросы славянского языкознания. - Саратов, 1968. - С. 95-100.
233. Шапилова Н.И. Структурно-семантический анализ группы глаголов внутреннего психологического чувства // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Вып. 2. - Кемерово, 1974. - С. 109-117.
234. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. - Красноярск, 1994. - 196 с.
235. Шафиков С.Г. Семантические универсалии в лексике. - Уфа, 1996. - 196 с.

236. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. – 1998. - №2. – С. 59-65.
237. Шевченко Г.Г. Фразеологизм и его контекст // Русское языкознание. Вып. 4. 1982.
238. Шелепова Л.И. Диалекты как источник этимологии. Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1977.
239. Шелепова Л.И. Диалекты и этимология (источниковедческий аспект). - Барнаул, 1994. - С. 88-127.
240. Шелепова Л.И. Введение в русскую этимологию: Учебн. пос. - Барнаул, 1997. - 62 с.
241. Шелепова Л.И. Лингвистическое источниковедение и история русского слова (к принципам лингвоисторического исследования) // Известия АГУ. Сер. История. Философия и педагогика. Филология. Вып. 4. - Барнаул, 2000. - С. 101-104.
242. Шимчук Э.Г. Из истории лексики, связанной с духовным миром человека (др.-русс. ТЪСКА и его окружение) // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. - М., 1991. - С. 75-85.
243. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства. - М., 1971. - 224 с.
244. Шкапенко Т.М. К вопросу языковой категоризации эмоций // Исследования в области когнитивной лингвистики: Сборник науч. тр., - Калининград, 2000. - С. 15-22.
245. Шкапенко Т.М. Когнитивные модели производных слов // Исследования в области когнитивной лингвистики: Сборник науч. тр., - Калининград, 2000. - С. 3-14.
246. Шкловский В.Б. Воскресение слова // Гамбургский счет. - М., 1990. - С. 36-58.
247. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Гамбургский счет. - М., 1990. - С. 36-58.
248. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. - М., 1964. - 244 с.

249. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М., 1973.
250. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. - М., 1993. - С. 232-285.
251. Шрадер О. Индоевропейцы. - СПб., 1924. - С. 23-28.
252. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. - М., 1974. - 255 с.
253. Экспериментальная психология Вып. 5. - М., 1975. - 284 с.
254. Юм Д. О бессмертии души // Сочинения: В 2-х т. Т.2. - М., 1965. - С. 806.
255. Юнг К. Символ и архетип. - М., 1987. - С. 276.
256. Язык и эмоции. - Волгоград, 1995, - 250 с.
257. Якобсон Р. Язык и бессознательное. - М., 1996. - С. 51-68.
258. Яровская Г.М. «Время» и «случай»: фрагмент семантического поля времени в славянских языках // Логический анализ языка. Язык и время. - М., 1997. - С. 44-50.
259. Бандућ Д. Трагови табуа у самртном ритуалу Срба // ГЕИ, 1974, књ. 23, - С. 95-116.
260. Bondzio W. Zu einigen linguistischen und psychologischen Aspekten der Wortschatzgliederung // Probleme der Psycholinguistik. Übers. a. d. Russ., - Berlin, 1992. - S. 223-238.
261. Dobrovolskij D. Zu Klassifikation und Beschreibungsprinzipien der Phraseologismen mit phraseologisch gebundenen Wörtern unter dem genetischen Aspekt // Beiträge zur Phraseologie und Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. R. A. - Berlin, 1979. - S. 42-74.
262. Eckert R. Aspekte der konfrontativen Phraseologie // Aspekte der deutschen Sprachwissenschaft. Reiche W. B/W., 1988. - S. 84-91.
263. Fix U. Zum Verhältnis von Semantik im Wortgruppenlexem // Linguistische Studien. B. 1. - Bern, 1989. - S. 1-20.
264. Mokienko V.M. Granicy modeliruемости frazeologičeskich edinic // Československa rusistika, XXI, 4, - Praha, 1976. - S. 161-165.

265. Schmidt V. Probleme der Archaisierung deutscher Wörter, dargestellt am Beispiel von Personenbezeichnungen // Indogermanische Forschungen. Bd., LXVI, 1991, H. 3. - S. 225-234.

266. Wiktowicz J. Problems der Synonymierelation // Neue Beiträge zu Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. V/VI, - Leipzig, 1993. - S. 99-121.

Список условных сокращений

Словари

1. **Гамкрелидзе, Иванов** - Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2-х ч. Ч. 2. - Тбил. ун-т, 1984.

2. **Даль** - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. - М., 1997.

3. **Добровольский. Словарь** - Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь живых идиом. - М., 1997. - 201 с.

4. **Маковский. Словарь** - Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. - М., 1996. - 416 с.

5. **ЛЭС** - Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.

6. **НОС** - Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. - М., 1997.

7. **ОТАРС** - Объяснительный толковый англо-русский словарь: В 2-х т. - М., 2001.

8. **ППБЭС** - Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2-х т. - М., 1992.

9. **СРНГ** - Словарь русских народных говоров // Под ред. Ф.П.Фиилина, Ф.П.Сороколетова. Вып. 1-30. - Л., 1965-1996.

10. **СРЯ** - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-25. - М., 1972-2001.

11. **Фасмер** - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. - М., 1986-1987.
12. **Черных** - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. - М., 1994.
13. **ЭСРЯ** - Этимологический словарь русского языка // Под ред. Н.М. Шанского. Вып. 1-8. - М., 1963-1982.
14. **Трубачев** - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд // Под ред. О.Н. Трубачева. Том 1-27. - М., 1974-2000.
15. **Brückner** - Brückner A. Słownik etimologiczny języka polskiego. - Warszawa, 1957.
16. **Machek** - Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. - Praha, 1957.
17. **Pokorny** - Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. - Bern, 1959.

Прочие сокращения

ЛСГ – лексико-семантическая группа;

НЭ – наименование эмоции;

МП – мотивировочный признак;

СМ – семантическая модель;

ЭЗ – эмоциональное значение

Приложение

**Историко-этимологический словарь наименований эмоций в
русском языке XI - XVII вв.**

Статьи словаря построены по гнездовому принципу: в заголовок вынесен корень – индоевропейский, праславянский или древнерусский (с соответствующим буквенным обозначением), в зависимости от того, в какую эпоху языкового развития он получил эмоциональное значение. Затем перечисляются производные от этого корня, представляемые в "Словаре русского языка XI - XVII вв." (с указанием значений и времени древнейшей фиксации в памятниках письменности). Здесь же в необходимых случаях приводятся диалектные слова (по "Словарю русских народных говоров" или по "Словарю живого великорусского языка" В.И.Даля). Далее следуют индоевропейские и славянские соответствия (этимологическая часть), позволяющие выявить внутреннюю форму (мотивировочный признак). После этого определяется период развития эмоционального значения и дается схематическое отображение семантического переноса (метафорический или метонимический).

Индоевропейский язык.

* *bhōi* - / *bhai* -/ *bhi* - “бить, убивать” [Рокорну, т. 1, с. 143] → «**бояться**»: возбоятися “испугаться, утрашиться” (XI в.) [СРЯ, в. 2, с. 267]; боение “страх, боязнь” (XII в.) [СРЯ, в. 1, с. 307]; боятися “бояться, страшиться” (XII в.) [СРЯ, в. 1, с. 311]; боязнь - “страх, боязнь, опасение” (XII в.) [СРЯ, в. 1, с. 307]; боязньство “боязнь, опасение” (XIV в.) [СРЯ, в. 1, с. 308].

Этимологическое значение выявляется на основе следующих индоевропейских соответствий: д.-в.-н. *bibēn* “быть избитому; дрожать, трепетать”, *bihal* “топор”, ирл. *behim* “режу, бью” и др. [Фасмер, т. 1, с. 204]. Древнейшее значение сохраняется в современном русском языке: бой.

Эмоциональное значение “страх” производные от и.-е. * *bhōi* - / *bhai* - / *bhi* – приобретают, по всей видимости, в индоевропейском языке, что подтверждается наличием в родственных индоевропейских и славянских языках сходного эмоционального значения: лит. *báimė* “страх”, *báilė* “страх, боязнь”, *bijótis* “бояться”, др.-инд. *bháyatē*, *bibhēti* “боится”, авест. *bayente* “страшить, пугать”, др.-ирл. *baigul* “опасность”. Ср. в славянских языках: болг. *боя се*, сербохорв. *бóјати се*, словен. *bojáti se*, чеш. *báti se*, польск. *bać się*, в.-луж. *bojeć so*, н.-луж. *bojaś se* “бояться” [Фасмер, т. 1, с. 204].

Для производных от корня *боj-* со значением “бояться, пугаться”, отмечаемым в памятниках древнерусской письменности, инвариантную семему можно сформулировать как “действие, направленное на человека”. Развитие метонимического эмоционального значения “страх” можно представить следующим образом: причина: и.-е. * *bhōi* - / *bhai* - / *bhi* - “бить, убивать” → следствие и.-е. * *bhōi* - / *bhai* - / *bhi* - “бояться, страшиться”. Итак, метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: по причине притеснения, угнетения человек начинает бояться. **БОЯТЬСЯ** буквально - “быть битому”.

* *g^u her* - / * *g^u hor-* > * *gor'* - “ощущение высокой температуры (жжения, жара) от горения огня” [Трубачев, в. 7, с. 41] → «грусть»: *горевати* “горевать, печалиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 84]; *горе* 1) “горе, несчастье”, 2) “печаль, скорбь” (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 83]; *горесть* “горе, скорбь” (XV в.) [СРЯ, в. 4, с. 85].

Первичное значение корня отмечается в родственных индоевропейских языках: др.-инд. *hāras* “жар”, *gōkas* “пламя, жар”, *ghrnoti* “пылать, сверкать”, ирл. *gorim*, *guiřim* “согревать, разжигать”, лит. *garėti* “гореть” [Трубачев, в. 7, с. 41]. Древнейшее значение корня фиксируется также в верхнелужицком языке: *horić* “жечь, пламенеть”, сохраняется данное значение и в русском языке:

гореть “пылать”, *греть* “увеличивать температуру”, *жар* и др. [Трубачев, в. 7, с. 41].

Учитывая этимологические данные, можно сформулировать исходное значение как “ощущение высокой температуры (жжения, жара) от горения огня”.

Развитие эмоционального значения “грусть” у производных от корня * *g* “*her* - / * *g* “*hor*- произошло, по всей видимости, уже в индоевропейскую эпоху развития языка, поскольку семема “грусть” отмечается не только в славянских языках: др.- инд. *gōkas* “мука, печаль, горе” [Фасмер, т. 1, с. 140]; ирл. *gorum* “грустить” [Черных, т. 1, с. 48]; ст. сл. *ГОРЕ* “горе“, в.- луж. *horjo* “печаль, тревога“, н.- луж. *góre* ср. р. “горе, печаль, грусть, досада, гнев“, чеш. *goriti* диал. “горевать, жаловаться“, словен. *gorest* “горечь, печаль“, болг. *górest* “горесть, печаль“ [Трубачев, в. 7, с. 46].

Таким образом, развитие метафорического эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е. * *g* “*her* - / * *g* “*hor*- “ощущение высокой температуры (жжения, жара) от горения огня” → и.-е. * *g* “*her* - / * *g* “*hor*- “грусть“. *ГОРЕ* буквально - “то, что жжет”. «Родство значений “горе, печаль“ и “жечь, гореть, печь” элементарно» [Трубачев, в. 7, с. 46].

* *k'orto*- “ощущение низкой температуры (холода, мороза)” [Ларин, 1977, с. 68] → «стыд»: *осрама* ”срам, стыд” (XII в.) [СРЯ, в. 13, с. 34]; *посоромитися* ”постыдиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 208]; *посрамление* ”позор, бесчестие” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *посрамлятися* ”испытывать позор, стыдиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *посрамощение* ”позор” (XIII в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *всоромиться* ”постыдиться” XV в. (XIII в.) [СРЯ, в. 3, с. 142]; *осрамитися* ”опозориться”; ”устыдиться, испытать стыд” (XV в.) [СРЯ, в. 13, с. 134]; *осрамлятися* ”навлекать на себя позор”; ”стыдиться” (XV в.) [СРЯ, в. 13, с. 135]; *посрамитися* ”быть опозоренным”; ”устыдиться” (XV в.) [СРЯ, в. 17, с. 219]; *засрамитися* ”устыдиться, опозориться” (XV в.) [СРЯ, в. 5, с. 299].

Первичное значение корня “холод” отмечается в родственных индоевропейских языках: лит. *šarma* “иней”, иран. *šarm*, англосакс. *harm*, лтш. *serna* “холод, снег” [Ларин, 1977, с. 68]. Древнейшее значение корня восстанавливается также в русском языке: русск. диал. *серён* “изморозь” [Там же, с. 68].

Опираясь на этимологические данные, можно сформулировать значение, ставшее основой семантического сдвига: “ощущение низкой температуры (холода, мороза)”.

Развитие эмоционального значения “стыд” производных от корня **k'orto*- произошло, по всей видимости, уже в древнейшую индоевропейскую эпоху, поскольку эмоциональная семема (в том числе “стыд”) отмечается в языках индоевропейской группы: др.-в.-н. *har (a)m* (совр. нем. *Harm*) “грусть, скорбь, страдание”; др.-исл. *harmr* “горе, обида”, совр. исл. *harmur* “печаль, горе”; англ. *harm* “вред, ущерб, обида”, перс. *šārm* “срам, стыд, позор”, авест. *fšar ma* “стыд”, курд. *ша рм*, осет. *ʔfsærm* “стыд” [Черных, т. 2, с. 196].

Таким образом, развитие метафорического эмоционального значения “стыд” можно представить следующим образом: и.-е. **k'orto*- “ощущение низкой температуры (холода, мороза)” → и.-е. **k'orto*- “стыд”. *СПАМ* буквально - “то, что заставляет дрожать; то, что бросает в холод”.

*** *ord*- “порядок, забота, услада, понятность, ясность” → «радость»:**
радоватися “радоваться, веселиться” (XI в.); “дерзать” [СРЯ, в. 21, с. 123];
возрадоватися “возрадоваться” (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 303]; *обрадоватися*
“обрадоваться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 132]; *радование* “радость, ликование” (XII в.) [СРЯ, в. 21, с. 123]; *возрадовати* “возрадоваться” (XIV в.) [СРЯ, в. 2, с. 303];
порадование, с. “радость, удовольствие” (XIV в.) [СРЯ, в. 17, с. 108];
порадоватися “радоваться, порадоваться, обрадоваться” (XVII в.) [СРЯ, в. 17, с. 108].

Исходное значение корня находит отражение в однокорневых дериватах родственных языков: М.Фасмер считает корень *рад*- индоевропейского

происхождения, восходит к и.-е. * *ordъ* “порядок, забота, суета”. Сопоставимо с др.-инд. *rēd* “радостный, веселый”, с англосакс. *rōt* “радостный, веселый”, др.-исл. *rótaslc* “становиться веселым, ясным” [Черных, т. 2, с. 93]. Ср. в славянских языках: ст.-сл. *radumti* “заботиться”, укр. *радий, рад*, блр. *рад*, др.-русск., ст.-слав. *РАДЪ*, словен. *rád, ráda*, чеш. *rád* – то же, словц. *rád*, польск., в.-луж. *rad*, осет. *rād* “порядок”, англосакс. *rōt* «радостный», др.-исл. *rótaslc* «веселеть», сакс. *rōti* «радость» [Фасмер, т. 3, с. 429]; др.-русск. с XI в.

Значение, послужившее основой для развития эмоционального значения, можно сформулировать так: “порядок, забота, услада, понятность, ясность”, тогда схема семантического переноса представляется следующим образом: причина-состояние: и.-е. * *ordъ* “забота, ухаживание” > следствие-эмоция: и.-е. * *ordъ* “наслаждение, удовольствие; радость, веселье”. *РАДОВАТЬСЯ* буквально - “ощущать удовольствие, наслаждение, заботу, порядок”.

* *steue* – “ощущение низкой температуры (холода, мороза)” [Ларин, 1977, с. 70] → «стыд»: *застыдйтися* “стыдиться” (XI в.) [СРЯ, в. 5, с. 310]; *постыдѣватися* “посрамляться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 274]; *постыдйтися* “почувствовать стыд, устыдиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 267]; *постыдѣние* “стыд, срам” (XIII в.) [СРЯ, в. 17, с. 267]; *остуда* “стыд, позор” (XIV в.) [СРЯ, в. 13, с. 166]. Однокорневые производные сохраняются также в диалектах: *бесстыдйтися* “поступать бессовестно”; “стыдиться” [СРНГ, в. 2, с. 278]; *студа* “позор, стыд” [СРНГ, в. 16, с. 438].

Исходное значение производных лексем отмечается в греческом языке: *στυῖς, στυζός* “холод”. О древнем инвариантном значении можно судить и по сохранившимся в современном русском языке дериватам: русск. *стужа, остынуть*, диал. арх. *студа* “холод” [Ларин, 1977, с. 70].

Таким образом, древнейшее значение, послужившее основой метафорического переноса, можно описать следующим образом: “ощущение низкой температуры (холода, мороза) ”.

О развитии производного значения “стыд“ дериватами с корнем * *steue* уже в древнейшую эпоху свидетельствует тот факт, что в некоторых индоевропейских языках подобным образом появились другие эмоциональные значения: греч. *στυξ*, *στυζός* “ужас, отвращение“, др.-исл. *harmr* “печаль, горе, боль“ [Ларин, 1977, с. 70.]. Эмоциональное значение отмечается и в родственных славянских языках: словен. *stud* “отвращение“, чеш. и словац. *stud* “стыд“ [Черных, т. 2, с. 214].

Развитие метафорического эмоционального значения “стыд“ образованиями с корнем *стыд-/ студ-* (древний закон чередования гласных *ы/у*) можно представить следующим образом: и.-е. * *steue* “ощущение низкой температуры (холода, мороза)” → и.-е. * *steue* “стыд“. *СТЫД* буквально – “то, что заставляет стынуть”. «Старшее значение было то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть > холод» [Черных, т. 2, с. 214].

Праславянский язык.

* *bljusti* “распоряжаться, повелевать” [Трубачев, в. 3, с. 162] → «**бояться**»: блюстися “остерегаться, опасаться, бояться” (XVII в.) [СРЯ, в. 1, с. 249].

Праслав. * *bljusti* “распоряжаться, командовать, будить” восходит к и.-е. * < *bheudh* - “бодрствовать, наблюдать” [Трубачев, в. 3, с. 162]. Этимологическое значение выявляется путем сравнения славянских и индоевропейских соответствий: ст. сл. *БОУДИТИ*, *БОУЖДУ*, болг. *бўдя* “бужу”, польск. *budzić*, в.-луж. *budzić*, н.-луж. *bužǔš* “будить, тормошить”, тот же корень, что и в словах бдеть, будут, будить, бодрый. Родственно лит. *džiu*, *baĩsti* “принуждать, грозить, наказывать”, др.-инд. *bōdháyati* “будит, поучает”, гот. *anabiudan* “распоряжаться”, нов.-в.-нем. *gebieten* “повелевать” [Фасмер, т. 1, с. 230]. В XVII в. однокоренные образования также сохраняют элемент первичного значения: *Вси мене блюдитесь*. Шк. благочестия. 90. XVII в. [СРЯ, в. 1, с. 249], где блюдитися “слушаться, выполнять чью-то волю”. В словаре

В.И. Даля производные лексемы содержат в своей семантической структуре идею зависимости, подчиненности: *блюстись* - “стеречься, остерегаться // быть охраняемому” [Даль, т. 1, с. 246].

Таким образом, значение праслав. * *bljusti* -, ставшее основой для развития в русском языке эмоциональной семемы, можно описать как “распоряжаться, повелевать, командовать; принуждать, наказывать; будить”.

Развитие эмоционального значения “страх” представляется следующим образом: причина - прасл. * *bljusti* - “распоряжаться, повелевать, командовать; принуждать, наказывать; будить” → следствие - прасл. * *bljusti* - “пугаться, бояться”. *БЛЮСТИТЬ* буквально – “быть принуждаемым, наказываемым”.

*** *bol-* «болевое ощущение, хворь, недомогание» [Колесов, 1986, с.80]**
→ **«грусть»:** *болезнь* 1) “болезнь”, 2) “горе, скорбь”, 3) “беспокойство, забота” (XII в.) [СРЯ, в. 1, с. 280]; *бользнование* 1) “боль”, 2) “страдание, грусть” (XIII в.) [СРЯ, в. 1, с. 280]; *бользновати* 1) “болеть”, 2) “скорбеть, сожалеть”, 3) “заботиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 1, с. 280].

В.В.Колесов считает, что древнейшим значением корня было значение “сила, мощь, здоровье” [Колесов, 1986, с.80]. Это предположение представляется возможным, поскольку оно подтверждается логикой исторического развития значений. Так, индоевропейские однокорневые лексемы: д.-в.-н. *balo* “пагуба, зло”, др.-исл. *bol*, др.-англ. *bealu*, др.-инд. *balam* “сила, власть”, гот. *balwa* “злость”, *balwjan* “мучить” [Фасмер, т. 1, с. 191] оказываются логически и символически связанными со значением “сила, мощь, здоровье”, поскольку для древнейшего мышления характерно было представление о том, что только *сильный, мощный* человек может приносить физические мучения, обладать властью (которая в таких *руках* оборачивалась *пагубой, мучением* и *злом*). На основе значения “сила, мощь, здоровье” сформировалось *болѣти* “получать силу, выздоравливать”, из которого развились *большой* (сильный) и *больной* (слабый – результат применения силы, власти, злобы; боль возникает, вероятно, как следствие мучений). В

древнейших памятниках письменности (в переводах Кирилла и Мефодия 2 пол. IX века) «еще отмечаются однокорневые дериваты с семемой “получать силу, выздоравливать”. Потом древняя магия слова исчезла, нерасчленимость синкреты “боль” сменилась двумя самостоятельными понятиями. Уже с XI века четко *боль* → *болесть*, *болѣти* → *болезнь* как боль вообще» [Там же, с. 93].

Таким образом, инвариантное значение, ставшее основой развития эмоциональной семемы “грусть” в праславянском языке, можно описать следующим образом: “болевое ощущение, хворь, общее недомогание” (вероятно, обозначение боли вообще может быть связано с книжным происхождением слова).

Метафорический перенос произошел в праславянском языке, поскольку эмоциональное значение наблюдается в родственных славянских языках: словен. *bôl* “боль, страдание, скорбь”, чеш. *bol* “скорбь, душевная боль”, слвц. *bôl'* “боль, скорбь”, н.-луж. *ból* “боль, печаль; мучительная открытая рана”, польск. *ból* “боль, печаль, скорбь” [Трубачев, в. 1, с. 186,192].

Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е. * *bel-* “сила, мощь, здоровье” → о.-сл. * *bol'* - “сила, мощь, здоровье” > “болевое ощущение, хворь, общее недомогание” (сохраняется в родственных славянских языках: укр. *боль* “боль”, чеш. *boleti*, польск. *boleć*, в.-луж. *bolíc-* то же [Фасмер, т. 1, с. 191]; ст.-сл. *БОЛЬ* “боль”, болг. *бóла*, ж.р. “боль”, с.-х. *bôl* “боль”, словен. *bôl* “боль, страдание”, слвц. *bôl'* “боль”, н.-луж. *ból* “боль, мучительная открытая рана”, польск. *ból* “боль” [Трубачев, в. 1, с. 186, 192]) > “грусть” → русск. *бол'* - “болевое ощущение, хворь, общее недомогание”; “грусть”. *БОЛЕЗНЬ* буквально - “то, что вызывает, причиняет боль (вообще)”.

* *gor'estb* “ощущение горечи, жжения во рту” → «грусть»: *огорчатися* “огорчиться, опечалиться” (XII в.) [СРЯ, в. 12, с. 254]; *огорчати*² 1) “стать горьким”, 2) “огорчиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 12, с. 253].

Лексемы с корнем * *gorьkь* – (< * прасл. *gor'esty*: * *gorьčiti*) восходят к и.-е.* *gor'* – “жечь, гореть”). Древнейшее значение, послужившее основой метафорического переноса, восстанавливается в родственных славянских языках: о.-сл. * *gorьkь* – “горький” < и.-е.* *gor* “жечь, гореть”, * *gorьkь* – буквально – “то, что жжет, горит”; словен. *gorest* “горечь”, диал. русск. *горесть* “горький вкус, горечь”; * *gorьčiti* от прил. * *gorьkь* со знач. “горький” (ср. болг. *горчи* “горчит, отдает горьким”, макед. *горчи* “горчить” [Трубачев, в. 7, с. 46; Шанский, в.4. с. 133]).

Исходное значение можно описать так: “ощущение горечи, жжения во рту”.

Праславянский этап формирования эмоционального значения подтверждается тем, что в родственных славянских языках отмечаются однокорневые дериваты с аналогичным значением: болг. *горест* “печаль, горесть”, словен. *горест* “печаль” [Трубачев, в. 7, с. 41], русск. *огорчение* “печаль”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е.* *gor'* “жечь, гореть (жар, горение)” > о.-сл. * *gorьkь* – “ощущение горечи, жжения во рту” → о.-сл. * *gorьkь* – «грусть», т.е. процесс метафоризации происходит на основе этимологического значения прасл. * *gorьkь* – “ощущение горечи, жжения во рту”. **ОГОРЧЕНИЕ** буквально – “то, что горчит, жжет; то, от чего горько во рту”.

*** *groz-* “делать покорным; подчинять себе” → «испытывать страх»:** *гроза* “страх, ужас”, “строгость”, “угроза”, перен. “ад, преисподня” (XI в.) [СРЯ, в. 4, с. 22]; *огрозитися* “устрашится” (XV в.) [СРЯ, в. 12, с. 260].

П.Я.Черных исходным считает праславянское * *groza* “нечто ужасающее, внушающее ужас” [Черных, в. 1, с. 219]. М. Фасмер приводит такие индоевропейские параллели: лит. *gražoji, gražoti* “грозить”, лтш. *grēzuôt* “грозить, сердиться”, ирл. *garg* “суровый, дикий”, *grain* “безобразие”, греч. *γυρός* “страшный, ужасный” [Фасмер, т. 1, с. 459]. Б.А.Ларин связывает с лит.

gražėti – "любоваться", имеющим в литовском широкие связи: прилаг. *gražūs*, обладающее следующими значениями: 1) "красивый, привлекательный", 2) "ясный" (о небе, о погоде), 3) "крупный и приносящий много потомства", 4) "большой, жирный", 5) "хороший, доблестный", 6) "честный, надежный", 7) "ласковый, добродушный", 8) "чистый, чистоплотный". Рядом с этим прилагательным есть еще производное от него существительное *gražumas* – "лучшая пора жизни", "красивое место", "доблесть, честность"; существительное *gražmiõ, gražmė* – "краса, украшение". Сюда же относится глагол *grāžinti* со значениями: 1) "делать красивым", 2) "делать тихим, покорным, смиренным" (сюда же оттенок значения "кастрировать") [Ларин, 1977, с. 18-19].

Значение "делать покорным; подчинять себе", сохранившееся только в литовском, по словам Б.А.Ларина, надо считать самым древним.

Само обилие славянских параллелей свидетельствует о том, что метонимический перенос произошел в праславянском языке: укр. *гроза*, ст. сл. *ГРОЗА*, болг. *грозá*, сербохорв. *gróza* "трепет, ужас" [Шанский, с. 115.]; др. русск. (с XI в.) *гроза* "ужас, угроза, ад, гроза" [Черных, т. 1, с. 219], серб. *gròziti se* "грозиться, ужасаться", чеш. *hrůza* "ужас, страх", *hroziti se* "ужасаться, страшиться", польск. *groza* "ужас, гроза" [Ларин, 1977, с. 18].

Развитие эмоционального значения "страх" схематически может быть представлено следующим образом: о.-сл. * *groz-* "подчинять себе" → о.-сл. * *groz-* "испытывать угрозу, страх". *ОГРОЗИТИСЯ* буквально - "быть подчиняемому, покоряемому".

* *drjax-* "слабеть, дряхлеть" → «грустить»: *дряхловати* 1) «печалиться, скорбеть» (XI в.), 2) «слабеть» [СРЯ, в. 4, с. 367]; *дряхлование* «печаль, скорбь» (XIII в.) [СРЯ, в. 4, с. 367]; *дряхлость* 1) «печаль», 2) «слабость, дряхлость» (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 367]; *дряхльство*, с. «печаль, скорбь» (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 368]; *дряхльствовати* «печалиться, скорбеть» (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 368].

Этимология данного слова неясна, однако древнейшее значение, послужившее основой метонимического переноса, сохраняется в русском языке. Русские производные от корня *дряx-* со значением “слабеть” функционируют в современном русском языке: *дряxлый* «слабый, немощный от старости, очень старый»; *дряxлеть* «становиться дряхлым» [МАС, т. 1, с. 450].

Таким образом, первичным, инвариантным значением общеславянского корня, вероятно, можно считать “слабеть, дряхлеть”.

Дериваты с корнем *дряx-* развивают эмоциональное значение “грусть” уже в праславянском языке, поскольку сходное эмоциональное значение отмечается в родственных славянских языках: укр. *дряxлый*, ст.-сл. *ДРЯСЕЛЬ*, с.-хорв. *дрёсела* «печальный», словен. *dreselen* «омраченный» [Фасмер, т. 1, с. 546]. Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: праслав. **drjax-* “слабеть, дряхлеть” → праслав. **drjax-* “грустить”. *ДРЯХЛОВАТИ* буквально – “слабеть, дряхлеть”.

* *jar* – “процесс: внезапность, обильность, рост” → «гнев»: *преяритися* “прийти в неудержимую ярость” (XI в.) [СРЯ, в. 19, с. 86]; *въяритися* (*върится*) “разъяриться” (XII в.) [СРЯ, в. 3, с. 176]; *возъяритися* (*възяритися*) «прийти в ярость, разъяриться” (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 307]; *возъярение*, с. «раздражение, озлобление” (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 307]; *разъяритися* 1) “прийти в ярость, сильный гнев”, 2) “разгорячиться, распалиться” (XIII в.) [СРЯ, в. 21, с. 262]; *разъярение* “гнев” (XIV в.) [СРЯ, в. 21, с. 262].

Дериваты с корнем **jar-* восходят к и.-е. **iōi-r* < **ieiu* со значением “приводить в движение” [Трубачев, в. 8, с. 178]. Исходное значение корня отмечается в индоевропейских и славянских языках: и.-е. **ieiu* “приводить в движение” [Там же, в. 8, с. 178], первоначальное значение - “весенний, теплый, горячий; обильный, сильно растущий”; о.-сл. * *jarь* < и.-е. * *iōros* “пылкий, порывистый, стремительный” [Черных, т. 2, с. 473]; чеш. *jarost*, ж. “избыток сил”, н.-луж. стар. *Jarosc* “похотливость, сладострастие”, словц. *jarý* “полный

сил, свежий, весенний", в.-луж. *jěry* "терпкий, резкий", *jara* "очень" [Трубачев, в. 8, с. 178]. О древнейшем значении можно судить и по сохранившимся в современном русском языке однокоренным лексемам: *ярка* диал. "овца этой весны"; *яровые* хлеба [Ларин, 1977, с. 90].

Первичное значение исследуемого корня можно описать следующим образом: "процесс, характеризующийся резким, внезапным, обильным характером".

Развитие лексемами с корнем **jar-* эмоционального значения "гнев" уже в праславянскую эпоху подтверждается данными славянских языков - развитие сходного эмоционального значения у славянских образований с этим корнем: ст.-сл. *ЯРОСТЬ*, болг. *ярост* "ярость, неистовство", макед. *јарост*, ж.р. то же, с.-х. *jar*, м. "ярость", "гнев"; словен. *jarost*, ж.р. то же, с.-х. *jar*, м. "гнев, ярость" [Трубачев, в. 8, с. 177]. Таким образом, слова с корнем *яр-*, которые представляли в древнерусском языке к XI веку развитое словообразовательное гнездо, приобретают эмоциональное значение "гнев" уже в праславянском языке в результате метафорического переноса, который можно представить в виде следующей схемы: праслав. **jar-* "резкий, внезапный, обильный" → праслав. **jar-* "гнев".

ЯРИТЬСЯ буквально - "обильно прорасти гневом, взойти злобой, как травой".

*** kor-** «укорять, наказывать, унижать» → «потешаться»: *коритися* 1) «каяться», 2) «ругаться, браниться // насмехаться, издеваться, потешаться» (X в.) [СРЯ, в. 7, с.314].

Этимологическое значение корня выявляется путем сравнения родственных праславянских и индоевропейских образований: болг. *коря* «порицаю», с.-хорв. *корити* «укорять», словен. *koriti* «наказывать», чеш. *koriti* «смирять, преклонять голову перед кем-л.», польск. *korzyć* «унижать, смирять, потешаться». Родственно лтш. *korināt* «дразнить, раздражать», лат. *carināre* «поносить, высмеивать», др.-ирл. *gaire* «упрек», ср. русск. *укор*, *кара* [Шанский,

в. 8. с. 315; Фасмер, т. 2, с. 320]. В XVII в. однокоренные образования также сохраняют элемент первичного значения: *Да они же гсдрь служилые люди Федор Панкрат[ь]евъ с товарищи в зимов[ь]е у промышленного члвка у Васил[ь]я Курочкина корилис[ь] промеж собя.* Якут. а., карт., 4., №12. ст. 6. 1642г [СРЯ, в. 7, с. 314], где коритися «ругаться, браниться». В словаре В.И. Даля производные лексемы отмечаются с первичным значением: *корить* “бранить, хулить // укорять, бранить, поносить, насмехаться, глумиться, журить” [Даль, т. 2, с. 418].

Таким образом, значение праслав. * *kor-*, ставшего основой для развития в русском языке эмоционального значения, можно описать как “укорять, унижать, наказывать”.

Развитие эмоционального значения “радость (потеха)” можно представить следующим образом: праслав. * *kor-* “укорять, унижать, наказывать” → праслав. * *kor-* “потешаться” (ср.: чеш. *koriti* «потешать», польск. *korzyć* «потешаться», лат. *carināre* «поносить, высмеивать» [Фасмер, т. 2, с. 320]).

КОРИТИСЯ буквально – “укорять, унижать, наказывать, порицать, бранить”.

****l'utъ-* "процесс: обильность, внезапность, рост" → «гнев»: лютость "гнев" (XI в.)** [СРЯ, в. 8, с. 347].

Первичное значение, ставшее основой для метафорического переноса, отмечается в древнерусском языке: лютость “большая интенсивность проявления чего-либо” [СРЯ, в. 8, с. 347]. Древнейшее значение восстанавливается и в родственных индоевропейских языках: кимр. *lyntār* нареч. «очень, чрезмерно», греч. *λυσσα* “бешенство” < *κλυχία* от *λυπος* “волк”, то есть “волчье бешенство», лтш. *laĩrs* “дурной” [Фасмер, т. 2, с. 547].

Таким образом, исходную семему, послужившую основой для метафорического переноса можно описать как “действовать сильно, обильно, чрезмерно”.

О праславянском периоде развития эмоционального значения свидетельствует не только ранняя письменная фиксация (*Вьсяка горесть и лютость и гнѣвъ и кличь и хуление да възьматься отъ васъ*. Изб. Св. 1076, 557 [СРЯ, в. 8, с. 347]) , но и наличие сходных семем в родственных славянских языках: укр. *лютый*, блр. *люти* "сердитый", чеш. *lity*, польск. *lyty*, словц. *lyty* "разъяренный, дикий, яростный, бешеный, страшный", н.-луж. устар. *lúty* "лютый, свирепый", ст.-сл. *лють* "лютый, злой, свирепый, жестокий; буйный, дикий, сильный" [Трубачев, в. 15, с. 220]. Схематически семантическую эволюцию слов с исследуемым корнем можно представить так: прасл. * *l'utъ*- "действовать сильно, обильно, чрезмерно" → прасл.* *l'utъ*- "гневаться".

ЛЮТОВАТИ буквально- "сверх меры наполняться гневом (резко, сильно, обильно, чрезмерно), отличаясь от своего нормального состояния".

* *napras(ь)n-* "процесс: внезапность, быстрота, неожиданность" → «гневаться»: *напрасние* «гнев, вспыльчивость» (XI в.) [СРЯ, в. 10, с. 192]; *напрасниство* «гнев, вспыльчивость» (XII в.) [СРЯ, в. 10, с. 192].

Древнейшее значение корня *napras(ь)n-* реконструируется путем сопоставления славянских однокоренных лексем: ст.-сл. *напраснь* «внезапный, быстрый, немедленный», с.-х. *naprasan* «неожиданный, внезапный, буйный», ст.-польск. *naprasno* «напрасно»; русск. напрасный от ст.-сл. *напраснь* < * *napraskъ* от звукоподражательного по своей природе * *praskъ*, суффиксального образования от * *pra-* (> *pra*); (ср. *треск-* аналогично по структуре), то есть «звукоподражательно передаваемая идея стремительности» [Трубачев, в. 22, с. 228].

Учитывая этимологические данные, можно сформулировать первичное значение следующим образом: "процесс: внезапность, быстрота, неожиданность".

Развитие эмоционального значения "гнев" представляется возможным реконструировать в виде схемы: праслав. * *napras(ь)n-* "быстрый, внезапный, неожиданный" → праслав. * *napras(ь)n-* "гневный". О.Н.Трубачев считает, что

«переход значений: «быстрый, внезапный, неожиданный» → «вспыльчивый» элементарный» [Там же, в. 22, с. 228].

Праславянский период развития словами с корнем * *napras(ь)n-* эмоционального значения подтверждается не только ранней фиксацией этой семемы в памятниках древнерусской письменности (*Аще убо съвъкупить напрасние и длъготръние, то осквърняеть длъгодшье*. Панд. Ант. (Амф.), 73. XI в. [СРЯ, в. 10, с. 92]; *Сльза вьсь пламы ярости и напрасниьства умаряеть*. Ио. Леств. XIIв. [СРЯ, в. 10, с. 192]) , но и данными славянских языков: с.-х. *naprasan* «вспыльчивый», ст.-польск. *naprasno* «яростно, гневно» [Фасмер, т. 3, с. 43].

* *реѣ-* “ощущение высокой температуры (жжения, жара)” → «грусть»: *печалитися* 1) “печалиться” (XI в.), 2) “заботиться”, 3) “хлопотать за кого-л.” [СРЯ, в. 15, с. 31]; *печаловати* 1) “скорбеть, печалиться” (XI в.), 2) “иметь попечение”, 3) “мучить, угнетать” [СРЯ, в. 15, с. 31]; *опечаление* “огорчение, печаль” (XII в.) [СРЯ, в. 13, с. 13]; *печальновати* “печалиться, горевать” (XII в.) [СРЯ, в. 15, с. 33]; *печися*¹ 1) “печалиться” (XII в.), 2) “заботиться” [СРЯ, в. 15, с. 39]; *попечаловати* 1) “опечалиться” (XII в.), 2) “позаботиться [СРЯ, в. 17, с. 82]; *запечалитися* “начать печалиться” (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 262]; *печаловаться* 1) “скорбеть” (XIII в.), 2) “заботиться”, 3) “просить за кого-л.” [СРЯ, в. 15, с. 32]; *опечалитися* 1) “опечалиться” (XIII в.), 2) “быть озабоченным [СРЯ, в. 13, с. 13]; *печаль* 1) “забота, попечение”, 2) “болезнь”, 3) “несчастье, беда”, 4) “чувство скорби, горя; печаль, тоска” (XIV в.), 5) “неприятная черта характера” [СРЯ, в. 15, с. 32]; *опечаловатися* “опечалиться, огорчиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 13, с. 14]; *опечалятися* “огорчаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 13, с. 14]; *воспечалитися* “опечалиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 47]; *воспечаловати* “опечалиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 47].

В праславянском языке происходит развитие эмоционального значения «грусть» в дериватах с корнем **рек-*, который трансформируется в этот период > * *реѣ-* , сохраняя древнейшее значение “температурное ощущение”. Эта

семема восстанавливается в родственных славянских языках: о.- сл. * *pekŭti* “жечь, печь”, ст.- сл. *peka* “печь” [Фасмер, т. 3. с. 254]. О древнем инвариантном значении можно судить и по сохранившимся в современном русском языке однокоренным лексемам: *печь, печет*. Таким образом, исходное значение, ставшее основой метафорического переноса, можно описать следующим образом: “ощущение высокой температуры (жжения, жара)”.

Исследуемое эмоциональное значение является праславянским по своему происхождению, поскольку отмечается только в родственных славянских языках: ст.-сл. ПЕЧАЛЬ, болг. *pečal*, словен. *pečâl* “скорбь, грусть” [Фасмер, т. 3, с. 254]; с.- х. *pečâl, péčalan, -лна, -лно* “печальный, -ая, -ое”, [Черных, т. 2, с. 28]; * *pečal < pek- ěl- < pek- ělis* с суф. *ěl-ь*, как * *gybelь* (> рус. *гибель*) [Там же, т. 2, с. 28]. На основе этимологических данных семантический перенос можно представить следующим образом: и.-е. **pek-* “ощущение высокой температуры (жжения, жара)” → о.- сл. * *peč-* “грусть”. ПЕЧАЛЬ буквально - то, что жжет, печет.

* *polx-* “полошить, тревожить” → «испытывать страх»: *переполохъ* “тревога, испуг, смятение” (XIII в.) [СРЯ, в. 14, с. 279]; *исполошится* “всполошиться, испугаться” (XIV в.) [СРЯ, в. 6, с. 283]; *воспалашится* “испугаться, всполошиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 48].

Мотив причинности ярко выражен в русских словах с корнем *плаш - / полош* - “испуг, страх”, восходящим к прасл. * *polxъ* (< и.-е. * *pel - / pol* - “двигаться, бежать” [Фасмер, т. 3, с. 317]). В родственных индоевропейских языках сохранились дериваты с древнейшим значением: гот. *usfilma* “изгнанный, потрясенный, испуганный”, греч. *πάλλω* “возбуждаю, потрясаю”, *πολεμος* “война” [Там же, т. 3, с. 318]. Архаическое значение корня отмечается также в русском языке: др. русск. *полошити* “пугать”, совр. русск. *полошить* “пугать, тревожить”, *переполох*.

Таким образом, значение, послужившее основой для метонимического переноса, можно сформулировать как “возбуждать, тревожить, пугать”.

В праславянском языке на основе этого значения в результате метонимизации происходит развитие эмоционального значения “страх”, поскольку лексемы, восходящие к слав. * *polxъ* -, отмечаются в родственных славянских языках уже со значением ”страх, испуг”: укр. *полóх* “страх”, *пóлох* “ужас”, блр. *пóлох* “испуг”, болг. *полох* ”страх”, чеш. *poloshi* “пугаться” [Фасмер, т. 3, с. 317-318]. Развитие эмоционального значения “страх”, вероятно, могло происходить следующим образом: и.-е. * *pel - / pol -* “двигаться, бежать” > прасл. * *polxъ* “полошить, тревожить” → прасл. * *polxъ* “испуг, страх”.

ВСПОЛОШИТЬСЯ буквально – “быть встревоженным, возбужденным кем-то”.

* *rog-* “раскрывать рот, произносить ругательства, ворчать” → «насмехаться, потешаться»: *наруговатися* “оскорблять, глумиться, потешаться” (XI в.) [СРЯ, в. 10, с. 224]; *ругати* “насмехаться”; “бесчестить, подвергать поруганию; оскорблять, глумиться” (XI в.) [СРЯ, в. 22, с. 330]; *ругание* (-ье) “постыдное развлечение, грубая потеха”; “глумление, насмешка”; “дерзость, наглость, грубость” (XII в.) [СРЯ, в. 22, с. 231]; *ругь* “насмешка, глумление, потеха” (XIV в.); “предмет осмеяния” [СРЯ, в. 22, с. 330]; *ругатися* “смеяться, издеваться, глумиться”; “поносить, бранить” (XIV в.) [СРЯ, в. 22, с. 232]; *наругательство* “грубое обращение, глумление, потеха; унижение достоинства”; “поругание” (XVI в.) [СРЯ, в. 10, с. 223].

Дериваты с корнем * *rog-* (< и.-е. * *er-g-* [Черных, т. 2, с. 126]) развивают эмоциональное значение “потеха” уже в праславянский период развития языка на основе древней семемы, которая отмечается в родственных славянских языках: *руг-* общеслав., укр. *поругатися* “насмехаться”, болг. *ръгая* “ругаю, поношу”, сербохорв. *руга* “насмешка”, польск. *urqać* “насмехаться”. Другая ступень вокализма: ц.-сл. *рятнути* “зиять”, сербохорв. *рега* “ворчание, рычание собаки”, словен. *regati* “лопнуть”, *rezati* “зиять, быть открытым, ворчать, злобствовать”. Родственно лат. *rictus sum* “разеваю рот, скалю зубы, сержусь”. Русские производные от основы *ругь* “насмешка, издевательство”

отмечаются в памятниках с XI века. *Ругъ* представляет собой перегласовку к ст.сл. *рягнути* “раскрывать рот” [Фасмер, т. 3, с. 512].

Таким образом первичным, инвариантным значением общеславянского корня, вероятно, можно считать “ворчание, ругательство”.

Развитие эмоционального значения “потеха” можно изобразить в виде следующей схемы: слав. * *rog-* “раскрывать рот, произносить ругательства, ворчать” > слав. * *rog-* “насмехаться, потешаться”. *РУГАТИ* “насмехаться” буквально – “произносить ругательства”.

*** *skal-* “показывать, обнажать зубы” → «насмехаться, потешаться»:**
осклабитися “улыбнуться, усмехнуться” (XI в.) [СРЯ, в. 13, с. 94].

Праслав. * *skal-* восходит к и.-е. * (*s*)*kel-* “осколок, скала” [Черных, т. 3, с. 166]. В родственных языках сохранились дериваты с древнейшим значением: *скал-* общеслав. индоевроп. характера, укр. *сколобити* “мучить, приставать с шутками”, блр. *скалиць*, польск. *szczeryc* “щель, скала, осколок” [Фасмер, т. 3, с. 631]. Древнейшее значение корня отмечается также в русском языке: *скалить зубы* “смеяться”, *оскал* “злая улыбка”.

Таким образом, значение, послужившее основой для метафорического переноса, можно сформулировать как “показывать, обнажать зубы”.

Развитие эмоционального значения “потеха” происходило следующим образом: слав. * *skal* – “показывать, обнажать зубы” → слав. * *skal* – “смеясь, обнажать, показывать зубы” → слав. * *skal* – “насмехаться, потешаться”. *ОСКЛАБИТИСЯ* буквально – “обнажать, показывать зубы”.

*** *skъrb* – “боль, вызывающая головокружение, потерю сознания” → «скорбь, грусть»:** *оскорбитися* 1) “огорчиться” (XI в.), 2) “рассердиться” [СРЯ, в. 13, с. 95]; *оскорблятися* 1) “печалиться” (XI в.), 2) “обижаться” [СРЯ, в. 13, с. 97]; *оскорбѣти* 1) “опечалиться, огорчиться”, 2) “занемочь, заболеть”, 3) “печалить, огорчить” (XI в.) [СРЯ, в. 13, с. 95]; *прискорбие* “печаль, скорбь”

(XII в.) [СРЯ, в. 20, с. 14]; воскорбѣти “почувствовать скорбь, опечалиться” (XII в.) [СРЯ, в. 3, с. 41]; воскорбитися “опечалиться” (XIII в.) [СРЯ, в. 3, с. 41]; оскорбѣти “опечалиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 13, с. 95]; исскорбитися “стать печальным” (XIV в.) [СРЯ, в. 6, с. 307]; воскорбѣти “почувствовать скорбь” (XIV в.) [СРЯ, в. 3, с. 41]; воскорбѣние “скорбь, печаль” (XV в.) [СРЯ, в. 3, с. 41]; поскорбѣти “опечалиться; оскорбиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 17, с. 170]; поскорбѣти “испытать скорбь, печаль” (XVII в.) [СРЯ, в. 17, с. 170].

Дериваты с корнем *скорб* - (< слав. * *skъrb* -) развивают эмоциональное значение “грусть, тоска” в праславянском языке на основе более древнего значения и.-е. корня * (*s*)*kerb*(*h*)- “болевое ощущение”, которое отмечается в родственных индоевропейских и славянских языках: лит. *skiŗbti* “болеть, страдать, скисать, худеть” [Черных, т. 2, с. 171], лтш. *skurbt* “терять сознание, хмелеть”, *skûrba* “головокружение, опьянение”, лтш. *skurbstu* “падаю в обморок, теряю сознание”, греч. *ηαζαω* “заставляю съеживаться”, болг. *скръб* «скорбь», сербохорв. *скрб* «скорбь» [Фасмер, т. 3, с. 650]. Древнейшее значение корня сохранялось и в русском языке, но не со значением конкретной локализации, а только как общее наименование боли: *Переломих ногу и от того заскорбѣл ногами не на один год*. Пов. Ульян. Осор. , 316. XVII в. [СРЯ, в. 7, с. 143], где заскорбѣти - “занемочь, заболеть”. В словаре В.И.Даля заскорбети имеет следующие значения: “сокрушаться, печалиться, болеть, хворать, недомогать” [Даль, т. 2, с. 635], эмоциональное значение восстанавливается также в диалектной разновидности языка: в говорах отмечается устойчивое словосочетание скорбный лист - “краткие записи о ходе болезни” [СРНГ, в. 11, с. 36].

Первичным, инвариантным значением индоевропейского корня, вероятно, можно считать “боль, болезнь, вызывающая головокружение, потерю сознания”.

Эмоциональное значение “грусть” отмечается в литовском языке: *skurbe* “скорбь, грусть”, *skiŗbti* “скорбеть, печалиться” [Черных, т. 2, с. 171]. На наш взгляд, появление в литовском языке эмоционального метафорического

значения объясняется длительными межъязыковыми контактами. Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е. * *(s)kerb(h)*- “боль, болезнь, вызывающая головокружение, потерю сознания” → слав. * *skъrb* - “скорбь, грусть”. *СКОРБЬ* буквально – “то, что вызывает головокружение, потерю сознания”.

* *tog-* “стягивать, сдавливать, сжимать” → «грустить»: *въстужить* “загрустить” (X в.) [СРЯ, в. 3, с.64]; *затужить* “загрустить” (XVII в.) [СРЯ, в. 5, с. 326].

Русский корень *туж-* < *туг-* (где *у* < *о*, звук *з* перед *и* изменился в *ж*) восходит к праславянскому * *toga* <* *togъ* “тугой”, который развился из индоевропейского * *ten(g)noti* со значением “стягивать, сдавливать, сжимать, стеснять, угнетать”. Родственно в.-луж. *tuha* «духота, зной, упадок сил» [Фасмер, т. 2, с. 63]. Древнейшее значение корня сохраняется в современных производных: *тугой*, *стягивать*.

Таким образом, первичную семему, послужившую основой метонимического переноса в праславянском языке (ср. с.-х. *ту́га* «скорбь», болг. *тъга* «тоска, печаль», чеш. *touha* «тоска», словц. *túha* – то же, польск. *tęga* «скорбь» [Фасмер, т. 2, с. 63]), можно описать так: “угнетать, притеснять человека (унижать его)”.

Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е. * *ten(g)noti* “стягивать, сдавливать, сжимать” > о.-сл. * *togъ* “стягивать, сдавливать, сжимать” → “грустить”. Итак, метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: по причине притеснения, угнетения человек начинает грустить. Тогда *ТУЖИТЬ* буквально - “быть в притеснении, угнетении”.

* *u²as-* “истреблять, уничтожать” [Трубачев, в. 3, с. 48] → «испугаться, ужаснуться»: *жаситися* “страшиться” (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 76]; *иждаснутися* “ужаснуться” (XII в.) [СРЯ, в. 6, с. 88]; *прежаснутися*

“ужасаться, быть пораженным” (XIII в.) [СРЯ, в. 18, с. 221]; прежасствитися “ужаснуться, испугаться” (XIII в.) [СРЯ, в. 18, с. 221]; преужаснутися “устрашиться” (XIV в.) [СРЯ, в. 9, с. 73]; прижаснутися “ужаснуться, испугаться” (XV в.) [СРЯ, в. 19, с. 150]; прижасвятися “ужаснуться, испугаться” (XIV в.) [СРЯ, в. 19, с. 150]; прежасатися (прѣ) “ужасаться, поражаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 18, с. 221].

Дериваты с корнем (у)жас- своим значением восходят к прасл. * *žasъ* - “истреблять, уничтожать” [Трубачев, в. 3, с. 48], где *и-* приставка со значением усиления от *жасити* “устрашать”, которое представляет собой перегласовку к *гасити*, известного в диалектах со значением “истреблять, уничтожать”. В индоевропейских языках отмечаются однокорневые образования: лит. *gesti* “гаснуть, кончаться”, ион. *σβώσαι* “погасить, подавить, утихомирить”. Таким образом, инвариантное значение корня можно сформулировать следующим образом: “истреблять, уничтожать”.

Родственные славянские языки сохраняют переносное эмоциональное значение: укр., болг. *жах* “ужас”. Развитие эмоциональной семемы представляется в виде схемы: причина - прасл. * *и^gas* “истреблять, уничтожать” → следствие - прасл. * *и^gas* “испугаться, ужаснуться”. **УЖАСАТЬСЯ** буквально - “быть уничтожаемому, истребляемому”.

* *vesel-* “здоровое, рождающееся, целое, невредимое, хорошее, процветающее, доброе” → «радость»: весельствие “веселье, радость” (XI в.) [СРЯ, в. 2, с. 112]; весельствовати “радоваться, торжествовать” (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 113]; превозвеселитися “возрадоваться” (XII в.) [СРЯ, в. 18, с. 157]; обвеселитися (обеселитися) “стать веселым, обрадоваться” (XII в.) [СРЯ, в. 12, с. 14]; веселитися “веселиться, радоваться” (XII в.); “процветать, быть изобильным” [СРЯ, в. 2, с. 111]; извеселитися “стать веселым” (XIV в.) [СРЯ, в. 6, с. 111]; веселование “веселье, радость” (XIV в.) [СРЯ, в. 2, с. 111]; веселоватися “радоваться” [СРЯ, в. 2, с. 111]; возвеселие “радость” (XIV в.)

[СРЯ, в. 2, с. 270]; веселье “веселье, радость”; “развлечение, увеселение” (XV в.), “свадьба” [СРЯ, в. 2, с. 112].

Древнейшее значение корня можно представить, опираясь на этимологические данные: родственно лтш. *vęšells* “здоровый, целый, невредимый”, др.-инд. *vasu-* “хороший”, авест. *vaŋhu-*, *vohu-* “хороший”, ирл. *fiu* “достойный, равный” [Фасмер, т. 1, с. 303], гот. *wizōn* “жить роскошно, припеваючи”, др.-инд. *vasu* “добрый, благосклонный”. Гот. *wisan* “радоваться”, др.-прусс. *wesals* “веселый” являются заимствованиями из славянских языков [Черных, т. 1, с. 145].

Таким образом, инвариантное символическое значение слав. * *veselъ*, вероятно, можно описать так “здоровое, рождающееся, целое, невредимое, хорошее, процветающее, доброе”.

Лексемы с корнем *весел-* (< о.-сл. * *veselъ* < и.-е. * *vě-ēscor* < * *ue (:au) + ē(d)dscor* [ср. *eska* “пища”; *vě-*(: *vae-*) – усилительная частица] [Черных, т. 1, с. 145]) приобретают эмоциональное значение еще в праславянском языке. Это подтверждается данными славянских языков: укр. *веселыі, весілля* “свадьба”, блр. *вяселле* “свадьба”, ст.-сл. *ВЕСЕЛЪ*, болг. *весел*, с.-х. *весео, весела*, словен. *vesêt*, чеш. *vesely*, слвц. *vesely*, польск. *wesety*, др.-польск. *wiesieły*, в.-л., н.-л. *wjesety* “веселый” [Фасмер, т. 1, с. 303; Черных, т. 1, с. 145]. Развитие эмоционального значения происходило, по всей видимости, следующим образом: причина-состояние: прасл. * *veselъ* “ощущать что-то как доброе, положительное” → следствие-эмоция: прасл. * *veselъ* “радоваться”.

ВЕСЕЛИТЬСЯ буквально - “ощущать гармонию, благополучие”.

* *žal* – “острая, колющая боль” → «грусть»: *жаля* “горе, печаль” (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 75]; *жаль* “горе, печаль” (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 74]; *пожалитися* (-*си*) 1) “пожалеть, сжалиться”, 2) “опечалиться” (XII в.) [СРЯ, в. 16, с. 92]; *жалитися* 1) “скорбеть, печалиться” (XII в.), 2) “жаловаться” [СРЯ, в. 5, с. 71]; *жалитися* (*разждалитиси, -ся; ражжжалитиси*) 1) “огорчиться, опечалиться” (XIV в.), 2) “сжалиться”; *жалити*¹ 1) “упрекать кого-л., выражать

недовольство”, 2) ”скорбеть, печалиться” (XIII в.), 3) “заботиться”, 4) “скучать” [СРЯ, в. 5, с. 70]; *жалость* 1) “жалоба”, 2) “горе, печаль, грусть” (XIV в.) [СРЯ, в. 5, с. 74]; *жалоба* 1) “горе, печаль” (XV в.), 2) “жалоба” [СРЯ, в. 5, с. 72]; *жалованье* 1) “печаль, скорбь” (XV в.), 2) “жалоба” 3) “милость”, 4) “пожалование, подарок” [СРЯ, в. 5, с. 72].

Слова с корнем * *žal* – восходят к и.-е. * *q* “ *ēl*- “колоть, жалить; боль, мучение, смерть” [Черных, т. 1, с. 290]. В родственных индоевропейских языках сохранились дериваты с древнейшим значением: лит. *gelti* “очень болеть, жалить”, *gēla* “жестокая боль, мука, мучение” [Фасмер, т. 2, с. 35], нем. *Qual* “мучение, страдание” [Шанский, в. 5. с. 275], др. - в. - нем. *quelan* “страдать”, *quâla* “страдание, мука”, арм. *ket* “нарыв”, греч. *βέλωνη* “острие, гвоздь” [Черных, т. 1, с. 290]. Этимологическое значение корня сохраняется в русском языке: *жалить* “кусать (о насекомых).

Первичным, инвариантным значением слов с корнем * *žal*-, вероятно, следует считать значение “острая, колющая боль”.

В праславянском языке на основе этого значения в результате метафорического переноса происходит развитие эмоционального значения “грусть”, поскольку лексемы, восходящие к праслав. * *žal* -, отмечаются в родственных славянских языках уже со значением ”грусть, печаль”: укр., блр. *жаль* “горе, печаль”, болг. *жал* “горе, скорбь”, с.-х. *жа́о* “жаль, жалко”, чеш. *žal* ”скорбь, печаль, горе”, польск. *żal* “печаль” [Фасмер, т. 2, с. 35]. Значение “болевое ощущение” отмечается также в группе славянских слов, семантику которых можно отнести к погребальной символике: ст. сл. *жаль* “гробница”, словен. *žalovati* “быть в трауре, оплакивать” [Фасмер, т. 2, с. 35], в русских говорах: *жаль* 1. Убогий дом- место для трупов, 2. Могила, кладбище [СРНГ, в. 12, с. 90]. Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е. * *q* “ *ēl*- “колоть, жалить; боль, мучение, смерть” → слав. * *žal* – “колоть, жалить”, ”грусть”.

ЖАЛЬ буквально – “то, что причиняет боль, жалит”. *ЖАЛЕТЬ* буквально “беречь, охранять от боли, мучений”.

Древнерусский – великорусский язык (XI – XVII вв.).

благ- / *блаж-* “вести себя подобно блаженному, глупому, дурному (необычно, ненормально)” → «радоваться»: *въблажить* “радоваться” (XVI в.) [СРЯ, в. 2, с. 266].

Древнейшая семема “характеристика человека по умственным способностям, поведению” восстанавливается в родственных славянских языках: слов. *blaznéti* “сходить с ума, безумствовать”, *blaznovati* “сходить с ума, быть не в себе, нести вздор”, слвц. *blazniet* “быть душевнобольным”, чеш. *blaznovati* “дурачиться”, в.-луж. *blazn* “глупец, дурак”, *blazny* “помешанный, сумасшедший; пошлый” [Трубачев, в. 2, с. 103-104]. Древнейшее значение корня отмечается также в русском языке: русск. диал. *блázнѣть* “чудиться, мерещиться” [Трубачев, в. 2, с. 103-104], рус. диал. *блажить* “дурить, шалить, проказить, упрямиться; сумасбродничать, сходить с ума” [СРНГ, в. 1, с. 233]. Однако уже в древнерусском языке производные с корнем *благ-* / *блаж-* совмещали контрастные значения: “добрый, хороший; прекрасный, приятный, красивый”, с одной стороны, и “плохой, негодный; злой, свирепый; ненормальный, глупый” – с другой. Возможность совмещения подобных значений отмечена в письменных памятниках вплоть до XVI века. В современном русском языке отголоском былых отношений являются исторически однокорневые дериваты: *благой-* стилистически маркированное образование, имеющее значение “хороший, верный, придерживающийся моральных норм” [МАС, т. 1, с. 576], и *блажь* “дурь”, *блажить* “дурачиться”, *блаженный* “глуповатый” [МАС, т. 1, с. 579]. Поскольку лексемы с анализируемым корнем в значении “радоваться” отмечаются в памятниках письменности не позднее XVI века, то можно предположить, что

метафорический перенос произошел на базе еще диффузного многозначного слова, вобрав в себя все семантические оттенки.

Таким образом, семеме, послужившую основой для метафорического переноса, можно сформулировать как “вести себя подобно блаженному, глупому, дурному (необычно, ненормально)”.

Развитие эмоционального значения “радость, веселье” представляется нам следующим образом: русск. *благ-* / *блаж-* “добрый, хороший; прекрасный, приятный, красивый”, “плохой, негодный; злой, свирепый; ненормальный, глупый” → русск. *благ-* / *блаж-* “блаженный, ненормальный” → русск. *блаж-* “радостный, веселый”. *ВЪЗБЛАЖАТИ* буквально – “радоваться как блаженный”.

блaз- «искушать, дурачить, сбивать с толку» → «потешаться, насмехаться»: *облазнь* «обида, оскорбление, насмешка» (XII в.) [СРЯ, в. 12, с. 65]; *облазство* (*облазьство*) «шутовство, насмешливость» (XV в.) [СРЯ, в. 12, с. 65].

Исследуемые дериваты развивают в древнерусском языке эмоциональное значение «потешаться» на основе первичной семемы «искушать, смущать, дурачить», восстанавливаемой на основе сопоставления с родственными славянскими языками: родств. *блaзнити* «искушать, сердить», с.-х. *bláznitи* «льстить, ласкать, гладить», словен. *blazniti* «приводить в смущение», чеш. *blázniti* «дурачить», польск. *bląźnić* «дурачить, сбивать с толку» [Фасмер, т. 1, с. 171]; сущ. *блaзнь* «обольщение, обман» [Шанский, с. 419]. Древнейшее значение отмечается в словаре В.И.Даля *облазнить* «обмануть, ввести в заблуждение, направить ложно; обморочить, опутать» [Даль, т. 2, с. 1519], сохраняется в современном русском языке: *соблазн*.

Развитие эмоционального значения «потешаться» можно представить следующим образом: русск. *блaз-* “искушать, смущать, дурачить” → русск. *блaз-* «потешаться».

ОБЛАЗНИТИСЯ «потешаться» буквально- “быть искушаемому, соблазненному, одураченному”.

брЪзг- “ощущать нечто горькое, терпкое, несвежее” → «брезговать, гнушаться»: *брЪзгати* “брезгать” (XII в.) [СРЯ, в. 1, с. 331]; *обрЪзгати* “брезговать, гнушаться” (XIV в.) [СРЯ, в. 12, с. 149]; *брЪзговати* “брезгать” (XIV в.) [СРЯ, в. 1, с. 331]. Эмоция *брезговать* (*гнушаться*) относится к основной эмоции *страх*, поскольку обладает практически идентичным набором характерных свойств и качеств.

Словообразовательное гнездо с корнем *брЪзг-* (< о.-сл. * *brězg-* [Черных, т. 1, с. 109]) развивает эмоциональное значение в древнерусском языке. На наш взгляд, метафорический перенос произошел на базе инвариантного древнейшего значения “ощущать нечто горькое, кислое, терпкое, несвежее” (Ср.: русск. *гнус-* / *гнуш-*), так как в родственных славянских и индоевропейских языках отмечаются однокорневые лексемы с аналогичной семемой: укр. *збрѣзнати* “скиснуть”, русск.-ц.-слав. *ОБРЪЗГНУТИ* “ощущать неприятный, терпкий вкус” // Родственно норв. *brisk* “горечь”, *brisken* “горький, терпкий” [Фасмер, т. 1, с. 211]; чеш. *břest* «терпкий вкус», польск. *brzazg* – то же, укр. диал. *бреск* «сырость» [Трубачев, в. 3, с. 16].

Таким образом, метафорический перенос можно представить следующим образом: вкусовое ощущение – русск. *брЪзг-* “нечто горькое, кислое, терпкое, несвежее ” → эмоциональное состояние: русск. *брЪзг-* “брезговать, гнушаться”. *БРЕЗГОВАТЬ* буквально - “ощущать нечто горькое, терпкое, несвежее”.

буј- “процесс: сверхнорма – обильность, рост, внезапность” → «гневаться»: *буяти* “негодовать, гневаться, буйствовать” (XI в.) [СРЯ, в. 1, с. 361].

В производном с корнем * *буј-* (праслав. * *buј-* < и.-е. * *bhou-* / * *bhū-* “расти, становиться сильным”; праслав. * *buј-* > рус. *буј-* [Трубачев, в. 3, с. 552]

развитие эмоционального значения на основе метафоризации произошло в русском языке не позднее XI в., поскольку эмоциональное значение не отмечается в родственных славянских языках: слов. *bùjti* "кутить, распутничать, буйнить", ст.-сл. *БОУИ* "неразумный, глупый, безумный", ст.-чеш. *viĵi* "безумный, глупый" [Трубачев, т. 3, с. 82]; чеш. *bujnu* "пышный; похотливый" [Фасмер, т.1, с. 234]. Древнейшее значение "обильность, чрезмерность (сверхнорма)" сохраняется в родственных индоевропейских и славянских языках: и.-е. **bhō-* / **bhū-* "расти, становиться сильным", др.-инд. *bhūgan* "больше, крупнее, сильнее" д.-в.-н. *burolang* "очень длинный", лит. *būrỹs* "стая, множество, отряд" [Фасмер, т. 1, с. 234]; глагол - состояние на *-ati*, производный от *буѣ*, болг. *буя* "буйно расти", с.-х. *бўѣти* "шуметь, набухать", чеш. *bujeti* "буйно расти", ст.-укр. *буяти* "свободно и высоко летать, изобиловать" [Трубачев, т. 3, с. 82]; *буи* образовано от того корня, что и *быти* в значении "расти, бухнуть, бушевать" посредством суф. *-j*. Первичное значение прилаг. *буи* - "рослый, большой" [Шанский, в. 2, с. 217]. Древнейшее значение корня сохраняется и в современном русском языке: *буйный* (рост), *буйная* (растительность).

Таким образом, инвариантное значение, ставшее основой развития эмоциональной семемы "гневаться" в древнерусском языке, можно описать следующим образом: "процесс: набухать, становиться больше, крупнее".

Развитие эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: древнерусск. ** буѣ*- "набухать, становиться больше, крупнее" → древнерусск. *буѣ*- "гневаться".

БУЯТИ буквально - "сверх меры наполниться гневом, разбухнуть от ярости, прорасти злостью, бушевать негодованием".

Параллельный путь семантического развития проходят и другие слова, синонимичные анализируемому (см. в приложении: ** jar-*; **l'utъ-*; ** napras(ъ)n-*; *сверЪn-* / *свирЪn-*).

влач-/волоч- «действие: волочить, тащить» → «потеха»: повлачити 1) "завлечь, соблазнить", 2) "глумиться, потешаться" (XI в.) [СРЯ, в. 21, с. 316]. Эмоция *потеха* (*насмешка*) относится к основной эмоции *радость*, поскольку обладает практически идентичным набором характерных свойств и качеств. *Потеху* можно определить как *гневную радость*.

Древнейшее значение праслав. корня * *velkti* «действие – волочить, тащить» восстанавливается на основе сопоставления с данными родственных славянских и индоевропейских языков: болг. *влекá*, с.-х. *byñu*, *byñêt*, словен. *vléçet*, *vleči*, чеш. *vleku*, *vléci*, в.-луж. *wleku*, *wlec*, «тащить, перетаскивать» // Родственно лит. *velkú*, *vilkti* «тащить», авест. *varak* «тащить», *frāvorōati* «утаскивать», лат. *sulas* «борозда» [Черных, т. 1, с. 342]. Древнейшее значение корня сохраняется в современном русском языке: *волочить* "тащить", *влачить* (о жизни). Характерно, что в памятниках древнерусского языка наблюдается контекст, который позволяет предположить характер действия, производимого над объектом: с XI века *повлачити* - «завлечь, соблазнить» [СРЯ, в. 21, с. 316].

Исходное значение можно описать как «действие: волочить, тащить».

Таким образом, развитие эмоционального значения "потеха, гневная радость" можно представить следующим образом: русск. *влач-/волоч-* "тащить, перетаскивать" > русск. *влач-/волоч-* "завлекать, соблазнять" → русск. *повлач-/волоч-* "потешаться". **ПОВЛАЧИТЬ** буквально – "проносить, протащить (проволачить) человека и его качества перед всеми, «вытащить» на суд, всеобщее обозрение".

волн- «приходить в движение, изменяться, волноваться» → «гневаться»: възволноватися 1) "взволноваться, покрыться волнами", 2) "прийти в волнение, негодование, взъяриться" (XVI в.) [СРЯ, в. 2, с. 144].

Русский дериват с корнем *волн-* "гнев" восходит к праслав. * *vьln* – (< из и.– е. * *uel-* "колыхать воду, создавая волны" [Черных, т. 1, с. 165]) . В родственных индоевропейских и славянских языках сохранились родственные образования с древнейшим значением: Ср. др.-русс. *вълати* «волновать,

приводить в движение», русск. *волна*; чеш. *vlniti* «покрываться волнами», словацк. *vlnitsa* – то же, нем. *wallen* «волновать», д.-в.-н. *wella* «волна», лит. *vilnis*, лат. *wilna* «волна», лит. *vėlti* «катить», лат. *volvere* «катить» [Шанский, в. 3, с. 149; Фасмер, т. 1, с. 339].

Исходное значение можно представить следующим образом: «приходить в движение, изменяться».

Развитие эмоционального значения “гнев” можно представить следующим образом: русск. *волн-* “покрыться волнами” → русск. *волн-* “разгневаться”. Ср. со значениями лексемы *възволноватися*, зафиксированными в памятниках великорусской письменности: 1) «взволноваться, покрыться волнами», 2) «прийти в волнение, негодование, взъяриться» [СРЯ, в. 2, с. 144].

ВЗВОЛНОВАТЬСЯ буквально - внезапно стать беспокойным; покрыться волнами от гнева.

вражд- “вести себя как враг” → «гневаться»: *повраждовати* «разгневаться, разозлиться» (XII в.) [СРЯ, в. 15, с. 172].

НЭ *повраждовати* восходит к о.-сл. **vorg-*, которое трансформируется в > *враг-* / *ворог-*; *враг* заимств. из ст.-сл. яз. (ср. исконно рус. *ворог* «дьявол, черт, неприятель, враг») [Шанский, в. 3, с. 190]. Ср. однокорневые дериваты в славянских и других индоевропейских языках: болг. *враг*, с.-х. *vrâg*, словен. *vrâg* «дьявол, черт», чеш. *vrah*, словц. *vrah* «убийца», польск. *wrog* «враг» («убийца»); др.-прусс. *wargs* «злой, тот, кто угнетает», лат. *urgere* «теснить, угнетать, гнать» [Фасмер, т. 1, с. 352], русск. диал. *вражиться* «злиться» [СРНГ, в. 5, с. 184].

Развитие эмоционального значения “гневаться” можно представить следующим образом: русск. *вражд-* “враг, злой; тот, кто притесняет, обижает” > русск. *вражд-* “вести себя как враг” → *вражд-* «гневаться”.

ПОВРАЖДОВАТИ буквально – “вести себя в гнев как враг (т.е. относиться к объекту гнева недоброжелательно, зло, опасно).”

гнб- "начинать разгораться" → «гневаться»: гнбвь "негодование, возмущение" (XI в.) [СРЯ, в. 4, с. 41]; гнбватися «гневаться» (XI в.) [СРЯ, в. 4, с. 41], разгнбвыватися «разгневываться» (XVI в.) [СРЯ, в. 18, с. 199], гнбвость «гнев» (XV в.) [СРЯ, в. 4, с. 41], гнбвыватися «гневаться» (XVII в.) [СРЯ, в. 4, с. 41].

Русское гнбватися со значением "прийти в сильный гнев" восходит к праслав. форме * *gně - ti* «жечь, зажигать», которая дальше дала * *gně - tь* (имя) → * *gnět - ti* (→ ст.-сл. ГНЬСТИ) [Откупщиков, с. 144]), значение которого восстанавливается в современных говорах: *гнетить* «огонь разжигать», *гнетиться* «гореть», *гнетье* «дрова», в петерб. *гнетить* «разжигать огонь», арх. *гнетить* «подкладывать огонь под костер или печку» [Шелепова, 1977, с. 283-284].

Таким образом, значение русск. *гнб-*, ставшее основой для развития в русском языке эмоционального значения, можно описать как "начало процесса горения".

Появление эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: русск. *гнб-* "начинать разгораться" → русск. *гнб-* "прийти в сильный гнев".

ГНЬВАТИСЯ буквально – "возгораться от гнева, гореть злобой".

гнус- / гнуш- "ощущать нечто грязное, мерзкое" → «отвращение»: огнушение "гнусность, мерзость; то, что вызывает отвращение, омерзение" (XI в.) [СРЯ, в. 12, с. 245]; возгнушатися "почувствовать отвращение" (XIV в.) [СРЯ, в. 2, с. 280]; гнушати "брезговать, гнушаться" (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 49]; возгнуситися "почувствовать отвращение, погнушаться" (XV в.) [СРЯ, в. 2, с. 279]; изгнушатися «погнушаться, содрогнуться» (XVI в.) [СРЯ, в. 6, с. 138]; гнуситися "испытывать отвращение, гнушаться" (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 48]; гнушание "омерзение, отвращение" (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 49]; гнушательство

“омерзение, отвращение” (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 49]; гнушатися “брезговать, гнушаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 49];

Слова с корнем *гнус-* / *гнуш-* родственны *гнус* - «отвращение, грязь» [Фасмер, т. 1, с. 422]. У В.И.Даля гнушь - «насекомое, крыса, мышь, червь и т.д.» [Даль, т. 1, с. 422]. Таким образом, инвариантное значение корня можно сформулировать следующим образом: “ощущать нечто грязное, мерзкое”.

Развитие эмоциональной семемы представляется в виде схемы: физиологическое ощущение – русск. *гнус-* / *гнуш-* “ощущать нечто грязное, мерзкое” → эмоциональное состояние - русск. *гнус-* / *гнуш-* “погнушаться, испытать отвращение”. ГНУШАТИСЯ буквально - “ощущать нечто грязное, неприятное”.

гореч- «становиться горьким (изменение качества субстанции)» → «гневаться»: огорчатися “ожесточиться, рассердится” (XIV в.) [СРЯ, в. 11, с. 253]; огочеватися “сердиться на кого-л.; ожесточиться против кого-л.” (XV в.) [СРЯ, в. 12, с. 254].

Лексемы с корнем *горч-* (< о.-сл. * *gorькъ-* < и.-е. * *gor'* “ жечь, гореть”> * *gor'estь*: * *gorьčiti* [Трубачев, в. 7, с. 46]¹), исходное значение которого можно описать как «горчить», развивает данное значение в результате метафорического переноса, который можно представить следующим образом: русск. *горч-* «становиться горьким» → русск. *горч-* «гневаться». Здесь в отличии от СМ «наименование вкусового ощущения» → «грустить», происходит актуализация другого элемента значения «становиться горьким (изменение качества субстанции)».

ОГОРЧАТИСЯ буквально – “стать горьким от гнева, прогоркнуть от злобы”.

¹ Подробнее см. горе «грусть», огорчение «грусть». Эти слова являются генетически однокоренными, но на определенном этапе развития языка, развивают различные эмоциональные значения, являясь своего рода историческими омонимами.

грЪз- «становиться неоднородным (илистым, мутным)» → «испытывать стыд»: грЪзь, грЪза «смятие, смущение» (XI в.) [СРЯ, в. 4, с. 128].

Метафорический перенос в словах с корнем *грЪз-* произошел на базе инвариантной семемы “неоднородность, смешение” отмечаемой в русском языке: *грЪзь* – собственно русское, * *грЪза* связано чередованием с ц.-сл. *грЪза* «смешение», ц.-сл. *грЪза* «илистая вода, ил, муть, грязь» [Трубачев, в. 7, с. 129; Фасмер, т. 1, с. 455; Шанский, в. 4, с. 165].

Поэтому значение, на основе которого произошло развитие эмоционального значения, мы можем описать как «становиться неоднородным (илистым, мутным)».

Лексемы с корнем *грЪз-* приобретают эмоциональное значение «смущение» в древнерусском языке, поскольку в родственных славянских языках отсутствует сходное эмоциональное значение в однокорневых образованиях.

Развитие эмоционального значения “смущение” представляется следующим образом: русск. *грЪз-* “становиться неоднородным” → русск. *грЪз-* “смущаться”.

ГРЪЗА буквально - “смешение от стыда (неоднородность, неровность, мутность)”.

***груст* - / *груц* – “ноющая, продолжительная боль, локализованная (возможно) в области органов пищеварения” → «грусть»: грустость “горесть, печаль, ненастье” (XI в.) [СРЯ, в. 4, с. 147]; грустно, нар. “грустно” (XII в.) [СРЯ, в. 4, с. 147]; грущение “горесть, печаль” (XIV в.) [СРЯ, в. 4, с. 148]. Развитое словообразовательное гнездо отмечается в говорах: грусь, груска, груститъ, грустнуться, грустовать, горуститься [СРНГ, в. 7, с. 170,171], взгрузнуться [СРНГ, в. 4, с. 257].**

Русское *грусть* со значением “грусть, тоска” восходит к праслав. * *grust-*, значение которого позволяют представить данные родственных славянских и

индоевропейских языков: словен. *grust* м.р. “отвращение”, стар. с.-х. *grst* ж. р. “тошнота”, с.-х. *grstan*, *grsna* “гадкий, тошнотворный”, словен. *grústen*, *stna*, прил. “отвратительный”, с.-х. *grustiti* “испытывать отвращение, досаду”, словен. *grustiti se* “испытывать отвращение”, лит. *grūžtis* “рези в животе”, греч. *Βρύχω* “скрежещу зубами от боли” [Трубачев, в. 7, с. 152], возможно, родственно с *грызть* [Фасмер, т. 1, с. 496].

Таким образом, значение праслав. * *grust-*, ставшее основой для развития в русском языке эмоционального значения, можно описать как “ноющая, продолжительная боль, локализованная (возможно) в области органов пищеварения”.

Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: праслав. * *grust-* “ноющая, продолжительная боль, локализованная в области органов пищеварения” → русск. *груст* - / *грущ* - “грусть”.

ГРУСТЬ буквально – “то, что приносит боль, резь; то, что грызет”.

двиг- “двинуться с места (изменить состояние), потрястись, пошатнуться” → «стыд»: подвижитися «смутиться» (XI в.) [СРЯ, в. 15, с. 231].

Первичное значение русск. корня *двиг-* “становиться подвижным (двинуться с места)” наблюдается в родственных славянских языках: ст.-сл. *двигну*, *двигнути* «двигать», болг. *дигам* «переносить», словен. *dvigati*, чеш. *zdvihnot* «передвигать, двигать», чеш. диал. *dvihat* «поднимать, будить», макед. *diga* «поднимать», польск. *dźwigać* «поднять, возвести» [Фасмер, т. 1, с. 487; Трубачев, в. 5, с. 168]. В древнерусском языке лексемы с корнем *двиг-* в его древнейшем значении отмечаются уже с XI века: *Не подвижаться зълая из дому его*. Панд. Ант., 113. XI в. [СРЯ, в. 15, с. 231], где подвижитися - «двинуться с места»; *Да подвижаться вся основания земная*. Псалт. Чуд¹. 192. XI в. [СРЯ, в. 15, с. 231], где подвижитися - «потрястись, пошатнуться».

Таким образом, развитие эмоционального значения “смущение” можно представить следующим образом: русск. *двиг-* “двинуться с места (изменить состояние), потрястись, пошатнуться” → русск. *двиг-* “смутиться”.

ПОДВИЖИТИСЯ буквально – “внутренне перемешаться, передвинуться, изменить состояние из спокойного в подвижное”.

дб- “говорить что-то нехорошее о человеке, насмешливо” → «радоваться, (потешаться)»: *издбватися* “издеваться, глумиться; потешаться, насмехаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 148].

НЭ *издбватися* “потешаться” развивает эмоциональное значение не позднее XVII века. Первичное значение слов с корнем *дб-* восстанавливается в результате этимологического анализа: глагол *издбватися* образован с помощью возвратной частицы *-ся* от *издбти / издбвати*, которое в свою очередь является производным с преф. *из* от *дбти / дбяти* «говорить», *дб* «говорит» [Шанский, в. 7, с. 30]; исх. значение ст.-сл. *издбти* - «дать имя, прозвать» [Фасмер, т. 2, с. 122]; болг. *дявам* «ставить, класть, девать», *девам се* «делать, ставить» [Трубачев, в. 5, с. 18-19].

На основе этих данных первичное значение анализируемого глагола можно сформулировать следующим образом: “говорить что-то нехорошее о человеке, насмешливо”.

Метонимический перенос можно представить следующим образом: русск. *издбватися* “говорить что-то нехорошее о человеке, насмешливо” → русск. *издбватися* “радоваться (потешаться)”.

ИЗДЬВАТИСЯ буквально - “говорить что-то нехорошее о человеке, обзывать (давать имя), насмешливо”.

див- “вести себя подобно диву, чудовищу” → «гнев»: *дивияти* 1) «звереть», 2) «сердиться» (XV в.) [СРЯ, в. 4, с. 244]; *подивление* 1) «удивление, восторг, гнев», 2) «потрясение, смятение» (XV в.) [СРЯ, в. 15, с. 262];

подивитися 1) «удивиться, изумиться», 2) «рассердиться» (XVI в.) [СРЯ, в. 15, с. 262].

Производные от корня *див-* (< о.-сл. * *di-* [Фасмер, т. 1, с. 513]) развивают эмоциональное значение «гнев» на основе инвариантной семемы «вести себя подобно диву», восстанавливаемой на основе сопоставления с лексическими данными родственных индоевропейских и славянских языков: вост.-лит. *deivóti* «созерцать», греч. гомер. *δέατο* «казался», греч. *δήλος* «явный, открытый», лит. *diêras* «бог», лтш. *dievs*, лит. *deus* «бог», авест. *daēva* «демон, дух», др.-исл. *tívar* «боги», греч. *δίος* «бог» // укр. *дивитися* «смотреть», ст.-сл. *дивити ся*, болг. *дивя ся* «удивляться», болг. диал. *див* «злой дух, чудовище» [Фасмер, т. 1, с. 513]; чеш. *div* «чудо», словц. *div* «чудо, диво», н.-луж. *živ* «диво, чудо» [Трубачев, в. 5, с. 34-35].

Таким образом, семантическую основу, на базе которой произошло развитие эмоционального значения «гневаться», можно описать как «вести себя подобно диву, чудовищу».

Развитие производных с корнем *див-* эмоционального значения «гнев» можно представить следующим образом: русск. *див-* «вести себя подобно диву» → русск. *див-* (дивитися) «гневаться».

ПОДИВИТИСЯ буквально - «вести себя в гневе как див (то есть вести себя необычно, непонятно, жестоко».

драж- "раздражать, мучить, истязать" → «гнев»: раздражатися «гневаться» (XI в.) [СРЯ, в. 21, с. 75].

Древнерусское *раздражатися* образовано при помощи префикса *пре-* и постфикса *-ся* от *дражати*. Исходное значение этого глагола мы находим, сопоставляя со славянскими производными: с.-х. *дрáжити* "дразнить, сердить", словен. *drážniti* "дразнить". Общеслав. *дражати* имеет соответствия в некоторых индоевропейских языках: ср. др.-инд. *drāghate* "истязает, мучает",

англосакс. *dreccan* "раздражать, мучить" [Фасмер, т. 1, с. 634]. Древнейшее значение сохраняется в современном русском языке: *дразнить*.

На основе этих данных нам представляется возможным описать исходное значение как "дразнить, сердить, мучить".

Развитие эмоционального значения "гневаться", вероятно, происходило следующим образом: прасл. * *dragniti* "раздражать, мучить, истязать" → др.-русск. *дражити* "дразнить, сердить" → др.-русск. *раздражатися* "гневаться". Итак, метонимический перенос произошел на базе регулярной причинно-следственной связи: по причине мучения, раздражения человек начинает гневаться.

РАЗДРАЖИТИСЯ буквально - "быть истязаемому, раздражаемому".

драж- "повторять, копировать" → «потеха»: *подражение* "насмешка, издевка, потеха" (XVII в.) [СРЯ, в. 16, с. 46].

На наш взгляд, метонимический перенос произошел в русском языке (не позднее XVII века) на базе инвариантной семемы "повторять жесты, слова, движения", ср. в русском языке: *подражать* - заимств. из ст.-сл. от *драга* «дорога». Буквально значит, идти той же дорогой» [Шанский, в. 5, с. 181].

Поэтому семеме, на основе которой произошло развитие эмоционального значения, мы можем описать как «выражение эмоции: повторять жесты, слова, движения».

Развитие эмоционального значения «радость (потеха)» представляется тогда следующим образом: русск. *драж-* "подражать" → русск. *драж-* "радоваться (потешаться)".

ПОДРАЖЕНИЕ буквально - "повторение, копирование".

дрог- "дрожать, трястись, качаться" → «испытывать страх»: *дрогнути* 1) «дрогнуть, вздрогнуть», 2) «почувствовать страх, прийти в замешательство, смятение» (XVI в.) [СРЯ, в. 4, с. 358]; *издрогати* "испугаться, прийти в смятение" (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 155].

Первичное значение анализируемого корня, ставшее основой метонимического переноса, сохраняется в современном русском языке. Наблюдается оно и в родственных языках: укр. *дрогати*, ст.-сл. *дръгати*, польск. *drgać* «вздрагивать» // Родственно лит. *drugųs* «лихорадка», др.-прусс. *drogis* «тростник» [Фасмер, т. 1, с. 540].

Исходную семему на основе этих данных можно описать так: “дрожать, трястись, качаться”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “страх” можно представить следующим образом: русск. *дрог-* “дрожать, трястись, качаться” → русск. *дрог-* “бояться”.

ИЗДРОГАТИ буквально - “задрожать, затрястись” (ср.: *затрястись* «испугаться», *трепетать* «юояться»).

дых- «дышать (тяжело, глубоко)» → «грустить»: *вздохати* (*воздохати*) 1) «дышать (тяжело, глубоко), 2) «печалиться, пребывать в скорби» (XII в.), 3) «жаловаться, сетовать» [СРЯ, в. 2, с. 151].

Лексема с корнем *дых-* (< о.-сл. * *di-* “пыхтеть, дышать” [Фасмер, т. 1, с. 559]), судя по памятникам древнерусской письменности, развивает эмоциональное значение, вероятно, не ранее XII в. В родственных языках однокорневые дериваты отмечаются только с первичным значением “внешнее проявление, выражение эмоции”. Образовано с помощью суф. *-bmi* от той же основы, что *дыхати*, *дохнуть*, *дух*, но с перегласовкой [Шанский, с. 136]; Фасмер сопоставляет *дых* с лит. *dūseti*, *dūsiu* «пыхтеть», *duseti* «покашливать», лтш. *dusēt* «пыхтеть, дышать, дремать, отдыхать», н.-нем. *dūsen* «дремать» [Фасмер, т. 1, с. 559]. В словаре Даля *воздыхать* - “вздыхать, вздохнуть” [Даль, т. 1, с. 555]. Первичное значение можно описать так: “дышать глубоко и тяжело”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: русск. *дых-* “дышать глубоко и тяжело” (*Кои тяжко воздыхаютъ от боolestъ врачеве именуотъ асма*. Травник Любч., 148.

XVII~1534г. [СРЯ, в. 2, с. 151], где воздыхати «дышать (тяжело, глубоко)» → русск. *дых-* “грустить”.

ВЗДЫХАТИ «печалиться» буквально - “вдыхать тяжело и глубоко”.

жест- “твердеть, каменеть” → «гневаться»: жесточиться «ожесточиться, гневаться» (XV в.) [СРЯ, в. 5, с. 98].

Первичное значение русск. корня *жест-* “твердеть, становиться жестким” отмечается в родственных славянских и индоевропейских языках. Ст.-сл. *жесточитися* - производное от *жестокый*, образованного посредством суф. - *ок* от *жестый* «твердый», ср. *жестьти* «твердеть» // Возможно родство с ср.-в.-нем. *kes* «глетчер». Др. ступень чередования в др.-исл. *gall* «камень, куча камней» [Фасмер, т. 2, с. 50-51; Шанский, в. 5, с. 288]. О древнейшем значении корня можно судить по функционирующим в современном русском языке лексемам: жесть, жесткий.

Исходное значение на основе этих данных можно представить как «изменение характеристик: становиться твердым, жестким».

Таким образом, развитие эмоционального значения “гнев” можно представить следующим образом: русск. *жест-* “твердеть, каменеть” → русск. *жест-* “гневаться”.

ЖЕСТОЧИТЬСЯ буквально – “становиться от гнева жестким, твердым (как камень); твердеть от злобы, каменеть в гнев”.

жел- «жалать что-либо» → «грустить»: желѣтва и желѣтба “печаль, скорбь” (XV в.) [СРЯ, в. 5, с. 83]; желѣти 1) “печалиться, сокрушаться, скорбеть”(XV в.), 2) “желать, хотеть” [СРЯ, в. 5, с. 83]; желень “печаль, скорбь, горесть” (XV в.) [СРЯ, в. 5, с. 83]; раждѣление “печаль, скорбь” (XVI в.) [СРЯ, в. 21, с. 130]; желѣние 1) “печаль, скорбь, горесть”(XVII в.), 2) “желание” [СРЯ, в. 5, с. 83].

В славянских языках однокорневые дериваты с эмоциональным значением не отмечаются. Семему, на базе которой произошел метонимический

перенос, позволяют восстановить следующие данные. Этимологи сопоставляют корень *жел-* с о.-сл. * *želti* “жалеть”, значение которого является вторичным по сравнению с “желать” [Шанский, в. 5, с. 280; Черных, т. 2, с. 40]. В родственных языках зафиксированы генетически однокоренные слова именно в первичном значении: укр. *желати*, ст. сл. *желати*, болг. *желая*, др. чеш. *želeti*, *zeleji* “желать” // Родственно греч. *βελω* “желаю” [Фасмер, т. 1, с. 295; Шанский, в. 5, с. 280; Черных, т. 2, с. 40].

В данном случае основу семантического переноса можно реконструировать как «определенное состояние: желать что-либо».

Схему формирования значений можно представить следующим образом: прасл. * *želti* «желать что-либо (например, желать что-то утерянное)» → прасл. * *želti* «жалеть что-либо (например, жалеть это утерянное)» → в.-русск. *желѣти* 1. “жалеть; печалиться, сокрушаться, скорбеть”, 2. “желать, хотеть”.

Тогда *ЖЕЛѢТИ* «печалиться» буквально - “ощущать лишение чего-либо, жалеть потерянное, хотеть утраченное”.

***жеч-* “начинать разгораться” → «гневаться»: *разжечися* “прийти в сильный гнев” (XVI~XIV вв.) [СРЯ, в. 5, с. 199].**

Русское *разжечися* со значением “прийти в сильный гнев” восходит к праслав. * *žegti* (< и.-е. * *gegti* < * *degti* под влиянием праслав. корня * *goreti* [Черных, т. 1, с. 301]) , значение которого восстанавливается путем сопоставления родственных славянских и индоевропейских дериватов: с.-х. *жећи*, др.-чеш. *žeci*, *žehu*, польск. *żec*, *żę* “жечь”, прасл. * *žega* из * *gego* // Родственно лит. *degú*, *dégti* “жечь”, лтш. *degu*, *degt* “гореть”, др.-инд. *dahati* “горит” [Фасмер, т. 2, с. 38]; лат. *deti* “жечь”, ирл. *daiq* “огонь” [Трубачев, т. 2, с. 670в]. Древнейшее значение, связанное с процессом горения, сохранилось и в современном русском языке: *жечь* “поджигать”, *сжигание* “горение”. У Даля В.И. *разжигаться* “накаляться, распалиться, усиливать огонь, воспламениться, разгораться” [Даль, т. 2, с. 38].

Таким образом, значение русск. *жеч-*, ставшее основой для развития в русском языке эмоционального значения, можно описать как "начало процесса горения".

Появление эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: русск. *жеч-* "начинать разгораться" → русск. *жеч-* "прийти в сильный гнев".

РАЗЖЕЧИСЯ буквально – "возгораться от гнева, гореть злобой".

жиг - / ждиз – “ощущать высокую температуру (жжение) от огня” → «грустить»: *разжигати* “грустить“ (XI в.) [СРЯ, в. 21, с. 132].

НЭ *разжигати* “грустить“ приобретает эмоциональное значение в древнерусском языке. Первичная семема корня *жиг - / ждиз* - (< о.- сл. * *žeg-* < и.- е. * *gegti* < * *degti* под влиянием о.-сл. корня * *gorēti* [Черных, т. 1, с. 301]) , послужившая основой метафорического переноса, отмечается в родственных индоевропейских языках: и.-е. * *gegti* буквально “сжигать на огне”, алб. *dieg* “сжигать, обжигать”, авест. *dažaiti* “сжигать”, др. -инд. *dahat* “жжет, мучит” [Черных, т. 1, с. 301], лат. *febris* “лихорадка”, ср. -ирл. *daig* “огонь” [Фасмер, т. 2, с. 38]. Древнейшее значение корня отмечается в древнерусском языке: *Въ к- день прынцевъ разжигающе имь была.* Хрон. Г. Амарт., 95. XIII-XIV в. в.~ XI в. [СРЯ, в. 21, с. 132], где *разжигати* “сильно нагревать”; совр. русск. *жечь* “сильно нагревать” > *обжечься*. В древнерусском языке варианты *разжигати* (*разждег -*) и *разжигати* фиксируются со следующими значениями: 1) “разжигать, поджигать”, 2) “причинять жгучую боль”, 3) “сильно нагревать, раскалять”, 4) “приходить в волнение, испытывать скорбь” [СРЯ, в. 21, с. 132].

На основе этих данных первичное значение можно сформулировать следующим образом: “ощущение высокой температуры (жжения, горения) от огня”.

Развитие эмоционального значения “грусть, печаль“ произошло в древнерусском языке, о чем свидетельствуют памятники письменности.

Метафорический перенос можно представить следующим образом: др. -русск. *жиг* - / *ждиз* - “ощущение высокой температуры (жжения, горения) от огня” → др. -русск. *жиг* - / *ждиз* - “грусть”.

РАЗЖИГАТИ «грустить» буквально - “обжигаться”.

зор- / *зр-* “осуждать, порицать, поносить” → «стыдиться»: *зазрѣтися* “подвергнуться осуждению, поношению”; “устыдиться” (XI в.) [СРЯ, в. 5, с. 200]; *позорь* “то, что представляется взору”; “осмотр, контроль”; “представление”; “образец”; “стыд, позор” (XI в.) [СРЯ, в. 16, с. 122]; *позорище* “место проведения театральных действий”; “представление”; “зрелище”; “стыд, позор” (XII в.) [СРЯ, в. 16, с. 124]; *позорство* “гордость, высокомерие”; “позор, стыд” (XIV в.) [СРЯ, в. 16, с. 124]; *зазрѣние* “порицание, осуждение, упрек”; “стыд” (XV в.) [СРЯ, в. 5, с. 199].

Дериваты с корнем *ЗОР* - / *ЗР* – развивают эмоциональное значение не позднее XI века.

Первичное значение, ставшее основой для метонимического переноса, отмечается в письменных источниках: *Не сължи срамлѣся нѣ прѣклонися и рцы ему: Прости мя, зазрѣние будетъ...* (Патерик Син.). ВМЧ., Дек. 31. XVI в.~XIV в. [СРЯ, в. 5, с. 199], где *зазрѣние* - “порицание, осуждение, упрек”; *И одѣвание великаго ангельскаго образа зазрѣтися къ нашему вѣчному осуждению.* (Посл. мт. Фотия) Риб VI, 398. 1418. [СРЯ, в. 5, с. 200], где *зазрится* - “подвергнуться осуждению, поношению”. В словаре В.И.Даля приводится устойчивое словосочетание: *Совестъ зазрѣтися не дает.* [Даль, т. 2, с. 73], в говорах *зазиратся* “пристально смотреть” (< *зазирати* “заглядывать, вести скрытое наблюдение, замечать поступки, наблюдать” [Шанский, с. 153]. В родственных славянских языках: укр. *зрити*, ст.-польск. *zrzeć*, чеш. *zriti*, словац. *zriet*, в.-луж. *zrjeć*, н.-луж. *žereti* [Pokorný, В. 1, S. 441-442].

Первичное значение на основе этих данных можно описать так: “наблюдать, смотреть, замечать что-то недостойное, осуждать, порицать, поносить”.

Таким образом, формирование эмоционального значения “стыд”, вероятно, выглядело следующим образом: русск. *зор-* / *зр-* “ пристально смотреть, вести скрытое наблюдение, замечать поступки, наблюдать > место проведения публичных представлений, зрелище (ср. позорный столб; позорище "место проведения театральных действий"); → "осуждать, порицать, поносить" → русск. *зор-* / *зр-* “стыдиться”. Развитие эмоционального значения, таким образом, произошло на основе регулярного метонимического переноса: причина- “осуждать, порицать, поносить” → следствие- “стыдиться”.

ЗАЗРЬТИСЯ буквально- “находиться под пристальным вниманием, быть осуждаемым, порицаемым”.

***ист-* / *не+ист-* "вести себя как бесноватый в гнев, внутренне изменяться, становясь от злобы ненормальным" → «гневаться»: неистоватися «гневаться» (XI в. ~XIII в.) [СРЯ, в. 11, с. 143].**

Дериваты с корнем *ист-* / *не+ист-* (< * *jьstьjb-* [Шанский, с. 242]) развивают эмоциональное значение "гнев" в результате метафорического переноса.

Древнейшее значение корня * *jьstьjb-* можно реконструировать на материале родственных славянских языков: ст.-сл. *ИСТЬ* "истинный, настоящий", слвц. *isty* "настоящий, родной", ст. болг. *истыи* "верный", польск. *isty* "верный, уверенный" [Трубачев, в. 8, с. 242, 246]. Эмоциональное значение "гнев" в родственных славянских языках не отмечается.

В русском языке праслав. корень * *jьstьjb-* трансформируется > *не + ист-* и приобретает значение "неверный, неистинный". Это значение становится основой для развития метафорического эмоционального значения "гнев", которое, как об этом свидетельствуют памятники древнерусской письменности, произошел не позднее XI-XIII вв.

Значение, послужившее основой для метафорического переноса, восстанавливается из контекста древнерусской письменности как "безумствовать, бесноваться, буйствовать, бушевать; быть одержимым" (то есть вести себя как бесноватый, одержимый бесом, как ненормальный).

НЕИСТОВОВАТИСЯ буквально – "вести себя как бесноватый в гнев, внутренне изменяться, становясь от злобы ненормальным".

клопот- "шуметь, стучать, болтать" → «гневаться»: *клопотати* 1) шуметь, греметь, стучать», 2) «негодовать» (XVI в.) [СРЯ, в. 7, с. 179].

Русское *клопотати* восходит к прасл. * *klopot-* "стучать, болтать" [Фасмер, т. 2, с. 254]. В славянских и индоевропейских языках функционируют однокорневые образования: *клопотать*, диал. сев. *хлопотать*, укр. *клопотати* «стучать, греметь», ст.-сл. *клопотъ*, болг. *клопотя* «доводить до слез», словен. *klopotáti* «стучать, болтать», польск. *kłopotać* «мучить, томить» // ср.-лит. *klápterėti* «громко хлопнуть», лтш. *klapstēt* «стучать, ломать; болтать» [Фасмер, т. 2, с. 254]. Первичное значение отмечается в древнерусском языке: *Хотя устрашити и силу своего явити, всю гору курящуся показа и громъ клопочющъ*. Упыр. 162. XVв.~1047г., где *клопотати* - «шуметь, греметь, стучать».

Таким образом, инвариантное значение корня можно сформулировать следующим образом: "выражение эмоции: шуметь, греметь, стучать".

Развитие эмоциональной семемы представляется в виде схемы: русск. *клопот-* "шуметь, стучать, болтать" → русск. *клопот-* «гневаться».

КЛОПОТАТИ «гневаться, негодовать» буквально - "шуметь, греметь, стучать".

катор- "ссориться, бороться, враждовать" → «гневаться»: *каторатися* «гневаться, сердиться» (XVI в.) [СРЯ, в. 7, с. 384].

Исходное значение корня *катор-*, послужившее основой для метонимического развития значения «гнев», восстанавливаются в родственных индоевропейских языках: с.-в.-н. *hader* «ссора, раздор», др.-исл. *hóđ* «борьба,

бой», ирл. *cath*, м. «борьба, бой», греч. *котоϛ* «злоба», др.-инд. *qàtrus* «враг» [Фасмер, т. 2, с. 353]. Древнейшая семема отмечается и в древнерусском языке: *котерá* «ссора, распря», ст.-сл *котора* «ссора» [Фасмер, т. 2, с. 352]; *каторатися* «спорить, перепираться» (XII~XIII вв.) [СРЯ, в. 3, с. 259]) . У В.И. Даля *котора* дается уже с пометой «стар.» - “вражда, ссора, раздор, смута, распря” [Даль, т. 2, с. 458].

Таким образом, инвариантное значение корня можно сформулировать следующим образом: “ссориться, бороться”. Развитие эмоциональной семемы происходило путем метонимического переноса: причина-состояние - русск. *катор-* “ссориться, бороться, враждовать” → следствие- эмоция – русск. *катор-* “гневаться”.

КОТОРАТИСЯ буквально - “испытывать гнев в ссоре, борьбе”.

***кощун-* “действовать как кощун, т.е. осквернять религию, потешаться над священными предметами” → «потеха, насмешка»: *кощунатися* (*кощунятися*) “насмехаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 7, с. 399]; *кощунство* “кощунство, глумление”, “шутка, насмешка” (XVII в.) [СРЯ, в. 7, с. 400].**

Русское *кощунятися* со значением “насмехаться, потешаться” восходит к праслав. * *košćin-* (>* *košćiniti* (*se*) > *кощунятися* (*ся*) [Трубачев, т. 11, с. 187]) , значение которого отмечается в родственных славянских языках: укр. *кощун*, болг. *кощун* “насмешник, богохульник” [Шанский, в. 8, с. 366], *košćinъ* (> *кощун*) производное с суфф. *-junъ* от глагола * *kostiti*; словц. диал. *kostiti* “отделять мясо от костей”, в.-луж. *koscić* “превращать в кость”, русск. *костить* “осыпать бранью, ругать”, укр. *костити* “костить”. Глагол на *-iti* производное от *kostъ*, т.е. * *kostiti* “бранить, ругать, бить, драть до самой кости, т.е. в самую суть, обращать в кость” [Трубачев, т. 11, с. 156/ (ср. *перемывать косточки, разбирать по косточкам*). «Судя по тому, как применено было в старой религиозной терминологии * *košćinъ* (“тот, кто бранит, ругает), глагол * *kostiti* достаточно раннее образование» [Там же, в. 11, с. 156].

Развитие эмоционального значения “потеха, насмешка” можно представить следующим образом: о.-сл. * *kostь* “кость, скверна” → о.-сл. * *kostiti* “драть до самой кости, сути; бранить” → о.-сл. * *koščunь* (*kost* + *junь*) “тот, кто бранит, оскверняет веру, память” → о.-сл. *koščuniti* (*se*) “действовать как кощун, т.е. осквернять религию, потешаться над священными предметами” → русск. *кощуняться* “насмехаться, потешаться (над человеком вообще)”.

КОЩУНАТИСЯ буквально – “вести себя как кощун, осквернитель, насмешник”.

крут-* / *круч- “ то, что вызывает боль (в области живота), крутит, гнет от судорог” → «грустить»: *закручиниться* “закручиниться, опечалиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 226]; *кручиновати* “печалиться, кручиниться” (XVII в.) [СРЯ, в. 21, с. 78]. В.И.Даль в словаре приводит производные: *крута* “ грусть, тоска, печаль, огорчение, горе, томление”, *кручиноваться* “грустить, тосковать, печалиться, горевать” [Даль, т. 2, с. 522]. Эмоциональное значение сохраняется в говорах: *кручень*, *кручинка*, *кручиница*, *крутиться*, *кручинить*, *кручиниться*, *кручиться*, *крушиниться*, *крута* [СРНГ, в. 15, с. 323].

Дериваты с корнем *круч-*, восходящие к о.-сл. * *krot-* : * *kročina* (< и.-е. **krok-* / * *kręk-* “крутить, гнуть, изменять форму; болевое ощущение” [Фасмер, т. 2, с. 387]), развивают эмоциональное значение в великорусском языке. Некоторые исследователи [Меркулова, 1979, с. 57] считают древнейшим значением корня - “гореть, жечь, греть”, поскольку в первых памятниках письменности *кручина* восстанавливается как синоним (собственно русское образование) старославянскому *ЗЪЛЧЬ, ЗЪЛЧЬ* “желчь”. Однако, на наш взгляд, метафорический перенос произошел на базе значения “болевое ощущение” (которое является производным от индоевропейского корня с общим значением “сгибаться, изгибаться”), так как в родственных индоевропейских и славянских языках отмечаются однокорневые лексемы только с семемой “изменение формы”: др.- инд. *krúñkati* “изгибается” слов. *ukronkniti* “изгибаться, извиваться”; польск. *kręsz* “головокружение, судороги”,

ст.-сл. *КРУЧА* “омут, водоворот” [Фасмер, т. 3, с. 387]. Слово *кручина* обозначало, вероятно, конкретную боль с определенной локализацией. Поскольку, как уже отмечалось выше, *кручина* в некоторых письменных источниках функционировала как собственно русская альтернативная единица лексемы *желчь*, то можно описать семему, послужившую основой развития эмоционального значения, как “боль, болезнь в области живота (конкретно желчного пузыря)”, затем, вероятно, *кручина* стало обозначать болезнь вообще: *Кручины же три в члвцѢ желта, зелена, черна, да отжелтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смръть*. Сл. и поуч. против языч., 137. XIV в. [СРЯ, в. 1, с. 280]. «Считали, что такая болезнь зависит от пищи... Всякое внешнее проявление внутренней болезни можно было обозначить словом *кручина*, например, еще головокружение и эпилепсию» [Колесов, 1986, с. 97], это подтверждается значением современных производных единиц: польск. *kręsz* “головокружение, судороги”, русск. разг., диал. *крутит (живот, голову)*. Слово *кручина* «обозначало только физическую боль, не нравственную как *болезнь*» [Там же, с. 97].

Эмоциональное значение “скорбь, грусть” является великорусским по происхождению (отмечается в памятниках старорусского периода). В славянских языках сходное значение в однокорневых лексемах не отмечается. Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: и.-е. **krok-* / **kręk-* “крутить, гнуть, изменять форму” > о.-сл. **krot-* : **kročina* - “крутить, гнуть, изменять форму; болевое ощущение” > русск. *крут-* / *круч-* “крутить, гнуть, изменять форму; болевое ощущение” → *круч-* “грусть, печаль”. *КРУЧИНА* буквально - “то, что вызывает боль (в области живота), крутит, гнет от судорог; «крушит нравственно»” [Даль, т. 2, с. 522].

***крут-* / *круч-* “становиться крутым, изменять форму” → «гневаться»: воскручиниться “разгневаться, рассердиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 43]; покручиниться “рассердиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 16, с. 182];**

окручиниться "обидеться или рассердиться на кого-л." (XVII в.) [СРЯ, в. 12, с. 350].

Слова с корнем *крут-* / *круч-*, также восходящие к о.-сл. * *krot-* : * *kročina* (< и.-е. **krok-* / * *kręk-* "крутить, гнуть, изменять форму; болевое ощущение" [Фасмер, т. 2, с. 387]), развивают эмоциональное значение «гнев» в великорусском языке. Однако метафорический перенос произошел на базе иного значения, сходного с древним индоевропейским "сгибаться, изгибаться" (производной от которого является семема "болевое ощущение", ставшая основой для развития значения «грусть» в однокорневых словах).

Семеме, на основе которой произошел семантический сдвиг, мы можем описать как «становиться неровным, крутым». Развитие эмоционального значения "грусть" можно представить следующим образом: русск. *крут-* / *круч-* "становиться крутым, изменять форму" → русск. *крут-* / *круч-* "гневаться".

ВОСКРУЧИНИТЬСЯ буквально - "становиться не ровным, а крутым (например, в общении)".

лик- "касаться щекой щеки, целоваться в честь праздника" → «испытывать радость»: обликовати "ликовать, радоваться" (XI в.) [СРЯ, в. 12, с. 76]; возликовати "возликовать, радоваться" (XIV в.) [СРЯ, в. 2, с. 292].

Приведенные лексемы восходят к праслав. * *leik-*: укр. *лик* "толпа, собрание", *ликоваться* "касаться щекой щеки, что заменяет пасхальное приветствие у стариков", блр. *ліковáць*, болг. *лик* "хор" // готск. *laiks* "танец", *laikan* "скакать, прыгать", др.-исл. *leikr* "игра", д.-в.-н. *leih*, *leich* "игра, пение". Герм. слово родственно лит. *láigyti* "носиться, бегать", др.-лит. *laigo* "танцует", др.-инд. *rējati* "заставляет прыгать, трястись", *rējatē* "скачет, трясется", нов.-перс. *ālēxtan* "прыгать, мчаться", курд. *be-lezium* "пляшу", *lizim* "играю", *λυαίω* "громко возглашаю, пою" [Фасмер, т. 2, с. 495]. У В.И.Даля *ликовать* - "веселиться", *ликоваться* - "в монашестве: целоваться, лобызаться, касаться щекой щеки" [Даль, т. 2, с. 252].

Таким образом, первичное значение праслав. * *leik-*, ставшее основой для развития в древнерусском языке эмоционального значения, можно описать как “праздновать, плясать, прыгать, играть, отмечать что-то (Пасху) целованием”.

Развитие эмоционального значения “радость” выглядело, вероятно, следующим образом: праслав. * *leik-* “прыгать, скакать, громко петь, играть” > русск. *лик* - “касаться щекой щеки, целоваться в честь праздника” → *лик-* “радоваться, веселиться”.

ВОЗЛИКОВАТИ буквально – “лобызаться”.

***мар* – “природное явление (туман и мгла)” → «грусть»:** *омаритися* “омрачиться, опечалиться” (XV в.) [СРЯ, в. 12, с. 363].

В качестве объекта метафорического переноса выступает явление природы. В памятниках русской письменности такая разновидность семантического переноса представлена одной лексемой – *омаритися* “грустить”, восходящей к о.-сл. * *marь: mara* (< и.-е. * *mer* “сверкать, мерцать” [Фасмер, т. 2., с. 57]) . Древнейшее значение корня, ставшее основой метафорического переноса, сохраняется в родственных индоевропейских и славянских языках: греч. *αμαρυσσω* “сверкаю”, др. -инд. *márisis, marici* “луч”, *maricika*, “мираж”, русск. диал. *мар* “солнечный зной, глухая мгла, зной, сон”; *márim* (солнце) “печет”, *марь* “туман, возрастающий зной”, *máрный* “знойный, теплый, мутный”, сюда же *mára* “темнота, туман” [Фасмер, т. 2., с. 57]; русск. *мар* “сон”, польск. *mara* “сновидение”, русск. диал. *марь* “то же, что марево”, арх. *марь* ж. р. “поднимающиеся вверх испарения, туман, жара, пекло” [Трубачев, т. 17, с. 218].

Таким образом, семантическую основу, на базе которой произошло развитие эмоционального значения “грустить”, можно описать как “природное явление, протекающее в жаркую и знойную погоду, сопровождающееся туманом и мглой”.

Развитие в корне *мар* - эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: русск. *мар* - “природное явление (туман и мгла)” → русск. *мар* - (*омаритися*) “грустить”.

ОМАРИТИСЯ буквально - “покрыться печалью как мглой, туманом; потемнеть лицом; помрачнеть”.

***мърз-* “вздрогнуть от холода” → «испытывать отвращение»:**
мерзѣние, с. “отвращение” (XI в.) [СРЯ, в. 9, с. 96]; *омерзѣвати* “испытывать отвращение, омерзение” (XI в.) [СРЯ, в. 9, с. 96]; *мерзовати* “испытывать отвращение” (XII в.) [СРЯ, в. 9, с. 96]; *мерзѣтися* “испытывать отвращение” (XIV в.) [СРЯ, в. 9, с. 96].

Дериваты с корнем *мърз-* (< о.-сл. **myrz-* «холод, мороз, озноб» < и.-е. **merg-* “изнурять, уничтожать” [Черных, т. 1, с. 524]) развивают эмоциональное значение в праславянском языке, поскольку в родственных славянских языках однокорневые дериваты отмечаются со сходным значением: др.-русс. *мързѣкъ*, ст.-сл. *мръзѣкъ*, словен. *mŕzak, mŕzka* «отвратительный», чеш., словц. *mrzký* «скверный, горький, гадкий» [Фасмер, т. 2, с. 603]; с.-х. *mrzak, mrzka* «противный, отвратительный» [Трубачев, в. 1, с. 524]. Этимологи сходятся во мнении, что первоначальным значением слова было “температурное ощущение: Черных возводит к ср.-в.-нем. *murk* «трухлявый», алб. *mërdhij* «замерзнуть, мерзнуть» [Черных, т. 1, с. 524], Фасмер считает родственным с алб. *marhem* «дрожу от холода», *marth* «мороз» [Фасмер, т. 2, с. 603]. Древнейшее значение корня отмечается и в русских однокорневых лексемах: *мороз, мерзнуть*.

Первичное значение можно описать так: “внешнее проявление, выражение эмоции: мерзнуть, дрожать от холода”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “страх (отвращение)” можно представить следующим образом: *мърз-* «холод, мороз, озноб» → *мърз-* “бояться, испытывать отвращение”.

МЕРЗЬНИЕ буквально- “то, что бросает в холод, вызывает дрожь; то, от чего морозит, знобит”.

морк- / мърк- “говорить, бормотать, передразнивать речь другого”
→ «насмехаться»: *поморкотати* “посмеяться, поглумиться, потешаться”
(XV-XVI вв.) [СРЯ, в. 17, с. 30].

Дериват с корнем *морк- / мърк-*, восходящим к о.-сл. * *mrk* «ворчать» звукоподражательного по происхождению [Фасмер, т. 2, с. 656в], развивает эмоциональное значение «радость (потеха)» не позднее XV века. Однокорневые славянские лексемы позволяют восстановить основу метонимического переноса: русск. *моркотать* «ворчать», укр. *моркнути*, *моркотный* «противный», блр. *маркотны* «противный», словен. *mrkniti* «ворчать», чеш. *mrkotati* «бранить», польск. *markotać* «ворчать» [Фасмер, т. 2, с. 656]. Сходное значение отмечается в словаре В.И. Даля: *моркотать* «бормотать» [Даль, т. 2, с. 508]. Таким образом, *моркотать*, на наш взгляд, подражание звучащей речи (Ср.: *кокурныкать* 1) «помурлыкать (о кошке)», 2) «говорить потихоньку», 3) «запечалиться» [СРНГ, в. 29, с. 25]; *зарезготать* «рассердиться» [СРНГ, в. 10, с. 381], *гоготать* «громко смеяться».

Следовательно, исходное значение можно описать как: “выражение эмоции: говорить, бормотать, передразнивать речь другого”.

Метонимический перенос можно представить следующим образом: русск. *морк- / мърк-* “говорить, бормотать, передразнивать речь другого” → русск. *морк- / мърк-* “радоваться (потешаться)”.

ПОМОРКОТАТИ буквально - “говорить, бранить, ворчать”.

москолуд- “вести себя как москолуд (шутник, проказник)” → «насмехаться»: *москолудити* “насмехаться, издеваться, потешаться” (XII в.) [СРЯ, в. 9, с. 271].

В НЭ *москолудити* метафорический перенос происходит на основе модели “вести себя как шутник, проказник”. Древнее значение корня *москолуд-*

восстанавливается на основе данных греческого языка: ср. греч. *μασχαζουδης* “шутник“, *μασχηαροῦδου* “рожа, гримаса“, *μασχηαρα* “маска“, *москолуд* “шутник, проказник” [Фасмер, т. 2, с. 661]. В древнерусском языке функционировали однокоренные со сходным значением: *москолудь* (Жит. Андр. Юр., Лука Жидята и др.), *москолудьство*, *москолудити* “проказничать, подстраивать шутки” [Фасмер, т. 2, с. 661].

На основе этих данных основа семантического переноса может быть представлена как “вести себя как москолуд – проказник, шутник”.

Развитие эмоционального значения “потеха, насмешка”, вероятно, происходило следующим образом: др.-русс. *москолуд*- “шутник, проказник” → др.-русс. *москолудити* “вести себя как москолуд” → а именно русск. *москолудити* “насмехаться, потешаться”.

МОСКОЛУДИТИ буквально – “вести себя в потехе как москолуд, шутник (т.е. проказничать, подстраивать шутки, обманывать, издеваться, потешаться, насмехаться)”.

***мят-/ мут-* “становиться мутным, непрозрачным” → «стыдиться»:**
засмутитися “засмущаться” (XII в.) [СРЯ, в. 5, с. 298]; *возмутитися* “прийти в движение, волнение; стать мутным, непрозрачным”; “прийти в смятение, замешательство; взволноваться” (XII в.) [СРЯ, в. 2, с. 297]; *возмястися* “прийти в волнение, смятение, возбуждение; смутиться” (XII в.); “прийти в движение, подняться” [СРЯ, в. 2, с. 298]; *возмуцатися* “быть в состоянии смятения, в сильной тревоге” (XIII в.); “подниматься, восстать против кого-л.” [СРЯ, в. 2, с. 298]; *измьситися* “смутиться” (XV в.) [СРЯ, в. 6, с. 176].

Дериваты с корнем *мят-/ мут-* восходят к о.-сл. * *motъnъ*, *matiti* - императиву от глаг. * *męsti* (< * *menth* “взбалтывать, вертеть, крутить”) [Черных, т. 1, с. 150]. Значение, ставшее основой метафорического переноса, восстанавливается путем сопоставления родственных славянских образований: укр. *мутити*, блр. *муціць*, ст. слав. *МУТИТИ*, словен. *motiti*, чеш. *moutiti*,

польск. *mącić*, в.-луж. *tiscić*, н.-луж. *musiś* “мутить”. Связано чередованиями гласных с мяту, мятеж (*o/ę*, орфограф. *y/я*) [Фасмер, т. 3, с. 18]; с.-х. *мўтити* “мутить, беспокоить, путать”, *мўтити се* “тускнеть, становится пасмурным”, в.-луж. *mut* “муть, осадок, гуща”. Др. рус. (с 11 в.) *мутити* “волновать”, *мутъ* “смятение” [Черных, т. 1, с. 550]. Данное значение отмечается и в памятниках великорусской письменности: *И возмутися воздухъ отъ коньскаго рыстаня*. Пов. Кат. Ростовского, 668.XVII в. [СРЯ, в. 2, с. 297], где *возмутитися* - “стать непрозрачным”.

Исходное значение - основа метафорического переноса: “изменение характеристик: становится мутным, непрозрачным”.

Таким образом, метафорический перенос представляется нам в виде следующей схемы: праслав. * *motъnъ, matiti* “становится мутным, непрозрачным” → русск. *мят-/мут-*. “стыдиться.” Эмоциональное значение в однокорневых славянских дериватов не отмечается.

ЗАСМУТИТИСЯ буквально - “становится мутным, непрозрачным, беспокойным”.

мы- “окупать, мыть кого-л.” → «потешаться»: *измыватися* “насмехаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 183].

Измываться – искон., собств. русск. Образовано с помощью *-ся* от *измывать* “стирать, промывать” < ст.сл. по происхождению глагола *измыти* (ср. русск. *вымыть*) с конкретным значением “вымыть” с помощью суф. *-ва* [Черных, т. 2, с. 173]. Древнейшее значение “действие” сохраняется и в современном русском языке: *мыть, мыться*.

Таким образом, инвариантное значение, ставшее основой развития эмоциональной семемы “потеха” в русском языке, можно описать так: “перемывать, окупать человека в грязь”.

Развитие эмоционального значения “потеха” происходило следующим образом: русск. *мы-* “окупать, мыть кого-л.” → русск. *из-мы-ва...ся* “потешаться, насмехаться”.

ИЗМЫВАТИСЯ буквально - “перемывать, окунать человека в грязь (ср. перемывать косточки; «промывать мозги, продрать с песком» [Шанский, с. 105])”.

нос- / нош- “нести, носить” → «радоваться»: поношение “потеха, насмешка” (XI в.) [СРЯ, в. 17, с. 62].

Существительное поношение (< о.-сл. * *nesti* / * *nositi* (< и.-е. * *nek-*; *nos'* > *нош-*) развивает эмоциональное значение, вероятно, в древнерусском языке не позднее XI века. Этимологическое значение корня (основа метафорического переноса) сохраняется в родственных славянских и индоевропейских языках: укр. *нести*, болг. *неса* // Родственно лит. *nešti, neši* “нести”, лтш. *nest* “носить” [Фасмер, т. 3, с. 67]. Древнейшее значение корня (“действие”) сохраняется в современном русском языке: нести, носить, ноша. Инвариантную семему можно описать так: “действовать: перемещать что-, кого-либо, отрывая это от земли”.

Древнерусский период развития лексемой с корнем *нос- / нош-* эмоционального значения подтверждается отсутствием в родственных славянских языках однокорневых производных со сходным эмоциональным значением. Таким образом, развитие эмоционального значения “потеха” представляется следующим образом: русск. *нос- / нош-* “нести, носить” → русск. *нос- / нош-* “поносить, насмехаться, потешаться”.

ПОНОСИТЬ буквально - “нести, приносить о человеке плохие слова, неверную, порочащую информацию; выставять (выносить) это на обозрение”.

ском- “длительная, ноющая, сдавливающая (сжимающая) боль” → «скорбь»: оскоми́на «скорбь» (XVII в.) [СРЯ, в. 13, с. 94].

НЭ *оскоми́на* (< слав. * *skom-*) отмечается с эмоциональным значением “скорбь, тоска” в памятниках письменности великорусского языка. Слова с первичным значением праслав. корня * *skom-* “болевое ощущение” (< и.-е. *(s)ket- “сжимать, сдавливать”) наблюдается в родственных славянских

языках: укр. *оско́ма*, блр. *оско́ма* “оскомина, неприятное ощущение во рту” [Фасмер, т. 1, с. 160] от *скомить* “болеть, ныть, щемить”; словен. *skotina* “оскомина”, польск. *oskoma* “оскомина” [Черных, т. 1, с. 606]. Сохраняются производные с древним значением и в русском языке: у В.И.Даля *скомить* “болеть, ныть, ломить, хворать, страдать” [Даль, т. 4, с. 202], в говорах *скомить* “болеть, ныть” [СРНГ, в. 22, с. 137].

Исходное значение на основе этих данных можно сформулировать как «болевое ощущение».

Таким образом, развитие эмоционального значения “грусть” можно представить в виде следующей схемы: праслав. * *skom-* “длительная, ноющая, сдавливающая (сжимающая) боль” → древнерусск. *ском* - “грусть, печаль”.

ОСКОМИНА «скорбь» буквально – “то, что вызывает боль, неприятное ощущение во рту”.

пал- / пол- "разгораться" → «разгневаться»: *опалка*, ж. "гнев" (XIII в.) [СРЯ, в. 22, с. 380]; *изополѣтися* "рассердиться" (XIII в.) [СРЯ, в. 6, с. 197]; *опалитися* 1) "пострадать от огня, 2) "разгневаться" (XIII в.) [СРЯ, в. 12, с. 380в]; *опалятися* 1) "обжигать себе кожу", 2) "сердиться, гневаться" (XIII в.) [СРЯ, в. 12, с. 381]; *ополѣтися* "рассердиться, разгневаться" (XIV в.) [СРЯ, в. 13, с. 29]; *опала*, ж. "гнев, неудовольствие" (XIV в.) [СРЯ, в. 22, с. 380]; *опальство* "гнев" (XIV в.) [СРЯ, в. 22, с. 380]; *воспальтися* и *воспольтися* 1) "загореться", 2) "распалиться, разгневаться" (XIV в.) [СРЯ, вып. 3, с. 45]; *вспалка* "сильный гнев, раздражение" (XIV в.) [СРЯ, в. 3, с. 142] *опалити* "разгневаться" (XVI в.) [СРЯ, в. 12, с. 397]; *зпальчивость* "злость, ярость" (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 257]; *распалитися* 1) "загореться", 2) "разгневаться" (XVII в.) [СРЯ, в. 22, с. 30].

Древнейшее значение праслав. корня * *pal-* (<**polēti*<и.-е. **pel-* / **pol*;**plē-* / *plō-* "жечь, палить" [Черных, т. 1, с. 617]) "начинать разгораться" восстанавливается путем сопоставления однокорневых лексем родственных славянских языков: *палить* - производное от *polēti-* "гореть, пылать", той же

основы, что *пламя, полено* (где *-*men* (> -*мя*), *ol-* > *ла*, *en-* > *е*) [Трубачев, в. 13, с. 222в]. "Палить буквально – "заставлять гореть". Ср. ст.-сл. *ПАЛИТИ*, болг. *паля* "жгу", с.-х. *палити*, словен. *rálití* "жечь, палить" [Черных, т. 1, с. 617]. Древнейшее значение корня сохраняется и в современном русском языке: *палить* "сжигать".

Семантическая основа метафорического переноса может быть представлена как "разгораться".

Развитие эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: русск. *пал-* / *пол-* "разгораться" → русск. *пал-* / *пол-* "гнев".

РАСПАЛИТИСЯ «разгневаться» буквально – "вспыхнуть, разгореться от гнева" (ср. тот же семантический перенос в словах с корнями: *жеч-*, *гнѣ-*, *пал-*, *пых-*, *печал-*).

пас- "охранять, пасти" → «испытывать страх»: *опась* "опасение, страх" (XII в.) [СРЯ, в. 13, с. 11]; *опасыватися* "опасаться, остерегаться" (XIII в.) [СРЯ, в. 13, с. 11]; *опасатися* "бояться, опасаться" (XIII в.), "оберегать себя от кого-л., принимать меры предосторожности" [СРЯ, в. 13, с. 7]; *опасение* "опасение, боязнь, страх" (XIV в.), "осторожность, предосторожность", "внимание, прилежание", "охрана, оберегание", "гарантия чего-л.", "охранная грамота" [СРЯ, в. 13, с. 7]; *опась* "опасение, боязнь, страх" (XIV в.), "осторожность, предосторожность", "предостережение, предупреждение об опасности", "внимание, особое прилежание в чем-л.", "охрана, оберегание", "охранная грамота как гарантия безопасности" [СРЯ, в. 13, с. 6]; *опасати* "чего-л. опасаться, остерегаться" (XV в.), "предостерегать", "оберегать, охранять" [СРЯ, в. 13, с. 6]; *перепастися* "испугаться, встревожиться" (XVI в.); *попастися*² "побояться" (XVI в.) [СРЯ, в. 17, с. 79].

В образованиях с корнем *пас-* (< о.-сл. * [*o*]*pas-* "охранять, пасти" [Фасмер, т. 3, с. 438]) метонимический перенос произошел в древнерусском языке не позднее XII в., поскольку эмоциональное значение не отмечается в

родственных славянских языках, а в памятниках письменности производные с переносным значением фиксируются в текстах, датированных 1188 г.: *Романъ же спышетъ без опаса к мужемъ галичькимъ, подѣтыкая ихъ на кнѣя своего*. Ипат. лет., 660. [СРЯ, в. 13, с. 6]. Сопоставление с родственными индоевропейскими дериватами позволяет восстановить исходное значение: лат. *pasko* “кормлю”, тохарск. *pāsk* “пасти, охранять” [Фасмер, т. 3, с. 438], сохраняется древнее значение и в современном русском языке: *пасти*, *пастух*. Таким образом, инвариантное значение, ставшее основой развития эмоциональной семемы “страх” в древнерусском языке, можно описать следующим образом: “состояние: пасти, охранять”.

Развитие эмоционального значения “страх” можно выразить в виде следующей схемы: состояние - прасл. * [o]pas- “охранять, пасти” → эмоция, вызываемая этим состоянием - др. русск. *пас-* “бояться, опасаться”.

ОПАСАТИСЯ буквально - “охранять, оберегать (себя); пасти”.

***печал-* “разгораться” → «гневаться»: *печаловати* “гневаться” (XIII в.)** [СРЯ, в. 15, с. 31].

Развитие эмоционального значения «гнев» лексемами с корнем *печал-* (< *рещ- < о.-сл. *ректи- /см. подробнее этимологию в словах с корнем* *рещ-* «грусть»/), судя по данным памятников письменности, происходит в древнерусском языке не позднее XIII века: *Завистьливии опечалуют/ь/ся*. Пч., 156. XIV-XV вв. ~ XIII в. [СРЯ, в. 13, с. 14]. В славянских языках однокорневые дериваты с эмоциональным значением «гнев» отсутствуют.

В отличие от переносного эмоционального значения *печаловати* “скорбеть” [СРЯ, в. 15, с. 31], где метафоризация произошла в результате актуализации семемы “температурное ощущение (жжение)”, в данном деривате в основе семантического сдвига лежит иная сема первичного значения “гореть” – “начало процесса”.

Итак, отмечаемое в древнерусском языке слово с корнем *печал-* приобретает эмоциональное значение “гнев, злоба” не позднее XIV века в

результате метафорического переноса, который можно представить следующим образом: др.-русск. *печал*- "начинать гореть" → др.-русск. *печал*- "гневаться".

ПЕЧАЛОВАТИ «гневаться» буквально – "разгораться от гнева, гореть злобой".

плак- “бить себя в грудь в исступлении, скорби; плакать” → «грустить»: *плакати* 1) “плакать, горевать, сетовать” (XI в.), 2) “оплакивать” (XI в.), 3) “что-то просить с плачем” (XIV в.) [СРЯ, в. 15, с. 70]; *плакаться* “плакать, горевать, сетовать” (XIV в.) [СРЯ, в. 15, с. 71]; *поплакати*¹ 1) “плакать”, 2) “огорчаться” (XI в.) [СРЯ, в. 17, с. 86]; *поплакаться* 1) “поплакаться”, 2) “огорчиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 86].

В родственных славянских языках однокорневые дериваты отмечаются только с первичным значением “внешнее проявление эмоции”: укр. *плакаїи*, -ся, ст. сл. *плакати*, болг. *плáча*, чеш. *plakati*, польск. *plakać* // Родственно лит. *plákti*, *plakú* “колотить”, *plākis* “удар”, лат. *plango*, *planxi* “бить себя в грудь, громко сетовать” [Фасмер, т. 3, с. 372]. Черных считает, что первоначальным значением слова было “биение себя в грудь (в знак скорби)” и возводит к о.-сл. *plakati* “бить себя в грудь в исступлении, скорби” < и.-е. корня *plāk*, *plāg* “ударять, бить”, ср.-лит. *plaku* “бичевать” [Черных, т. 2, с. 38].

На основании этих этимологических данных можно описать исходную семему так: “бить себя в грудь в исступлении, скорби; плакать”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “грусть”, на наш взгляд, представляется следующим образом: *плак-* “бить себя в грудь в исступлении, скорби” → *плак-* “грустить, печалиться”. *ПЛАКАТИ* буквально – “бить себя в грудь в исступлении, скорби”.

пуг- / **ис-пуг-** «гнать, пугать» → «испытывать страх»: *перепужатися* “перепугаться, изумиться, очень удивиться” (XVII в.) [СРЯ, в. 14, с. 282]; *испугатися* “испугаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 301]; *испужатися* “испугаться” (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 301].

Производные от корня *пуг-* / *ис-пуг-* (< о.-сл. * *ponditi* «теснить» [Шанский, с. 373]) развивают эмоциональное значение «страх» не позднее XVII века, что подтверждается памятниками русской письменности: *Ерема с Фомою испугалися ихъ – Ерема ушел в рожь, а Фома в ячмень*. Пов. о Фоме, 44. XVII в. [СРЯ, в. 6, с. 301]; *Erstaunen – перепугаться*. Нем.-рус. словарь. 166, XVII-XVIII вв. [СРЯ, в. 14, с. 282]. Древнейшее значение «действие, направленное на человека», послужившее основой метонимического переноса, восстанавливается в результате этимологического анализа: *пуг-* собственно русская итератива к общеславянскому * *ponditi* (*пудити*) «гнать, пугать», корень тот же, что и в *пинать* и *путо* [Черных, т. 2, с. 373].

Таким образом, эмоциональное значение «пугаться, бояться» слова с корнем *пуг-* / *ис-пуг-* приобретают не позднее XVII века в результате метонимического переноса: рус. *пуг-* / *ис-пуг-* «гнать, пугать» → рус. *пуг-* / *ис-пуг-* «испугаться, бояться».

ИСПУГАТИСЯ буквально – “быть теснимым, гонимым кем-то”.

ных- - "разгораться" → «разгневаться»: *расныхание*, с. «гнев, ярость» (XVI в.) [СРЯ, в. 22, с. 43]; *расныхатися* 1) «разгораться», 2) «распалиться (каким-л. чувством), 3) «разгневаться, разъяриться» (XVII в.) [СРЯ, в. 22, с. 43].

Слова с корнем *ных-* восходят к о.-сл. * *руч-* (< и.-е. * *рис-* [Черных, т. 2, с. 88]) . Исходное значение корня отмечается в родственных славянских и индоевропейских дериватах: лит. *pūškas* «прыщ», норв. *f(j)usa* «бурно вспыхивать» [Черных, т. 2, с. 88]; словен. *pihati* «дуть, раздувать огонь» [Фасмер, т. 3, с. 421]; русск. однокорн. с XI века *ныхать* «ярко и сильно гореть, обдавая жаром, полыхать» [Черных, т. 2, с. 88]. Древнейшее значение "вспыхивать" фиксируется и в памятниках великорусского периода: (1460) *Пламень расныхаяся от велика ярости вихра*. Соф. II. лет., 183 [СРЯ, в. 22, с. 43], где *расныхатися* «разгореться»; в словаре В.И.Даля *расныхаться* -

«запахаться, дышать сильно и скоро; разгораться» [Даль, т. 3, с. 162], в современном русском языке *пыхнуть* - «внезапно загореться».

Таким образом, значение русск. *пых-*, ставшего основой для развития в русском языке эмоционального значения, можно описать как "процесс разгорания, яркого и сильного горения".

Развитие эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: русск. *пых-* "процесс разгорания" → русск. *пых-* "прийти в сильный гнев".

РАСПЫХАТИСЯ буквально – "вспыхивать от гнева".

рѣв-* "рваться, разрушаться, лопаться" → «гневаться»: *рѣвение¹
(*рѣвьние, рѣвение, ревление, рѣвение*) 1) "усердие, рвение" (XI в.), 2) "соперничество, зависть, вражда" (XII в.), 3) "ревность" (XV в.), 4) "гнев" (XI в.) [СРЯ, в. 22, с. 124]; *ревность* (рѣвьн-, ревен-) 1) "рвение, пылкое усердие", 2) "зависть", 3) "ревность", 4) "гнев, злоба, ярость" (XIV в.), 5) "ссора, распря", 6) "бодрость, живость" [СРЯ, в. 23, с. 129].

Дериваты с корнем *рѣв-* (< о.-сл. * *rvati* < и.-е. * *ry-i* > рус. *рѣв-* : *рѣв-* : *рев-*) развивают эмоциональное значение, вероятно, в древнерусском языке не позднее XI века. Древнейшее значение корня можно восстановить на материале родственных славянских и индоевропейских языков: ст.-сл. *рѣвение* образовано с помощью суф. *-ение* от *рѣвати*, которое общеслав. и.-е. характера; ср. др.-инд. *rav* "разбивать", лит. *raĩti* "вырывать", лат. *reiere* "вырывать". Тот же корень, но на иной ступени чередования, выступает в *рыть* [Трубачев, в. 12, с. 386]; болг. *рѣва* "кусаю", с.-х. *рвати се* "бороться, состязаться" [Черных, т. 2, с. 101]. Древнейшее значение корня, связанное с деструктивным действием, сохраняется в современном русском языке: *рвать, рвение*.

Инвариантную семему можно описать так: "действие по разрушению, разрыванию, то есть разрушение целостности объекта".

Лексемы с корнем *рѣв-* развивают эмоциональное значение в древнерусский период. В родственных славянских языках однокорневые производные со сходным эмоциональным значением отсутствуют. Таким образом, формирование эмоционального значения “гнев” можно представить следующим образом: русск. *рѣв-* “рваться, разрушаться, лопаться” → русск. *рѣв-* “гневаться”.

РВЕНИЕ «гнев» буквально - “разрушение”.

рѣн- “начинать течь, струиться” → «гневаться»: *рняти* “досадовать, сердиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 22, с. 167]; *рнитися* “сердиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 22, с. 167].

В образованиях с корнем *рѣн-* (< о.-сл. * *riiononti* < и.-е. * (e)*rei*: **rei* ; * *rī*; * *riṇoti* > *рѣн* > *рн* [Фасмер, т. 3, с. 216]) метафорический перенос произошел на основе инвариантного значения “начинать течь, струиться”.

Путем сопоставления данных родственных индоевропейских и славянских языков возможно реконструировать исходную семему: др.-инд. *rinati* “броситься, толкнуть”, *rinalti* “освободить, позволить течь”, англосакс. *reit* “поток, река, ручей”, латин. *rivūs* “поток, ручей” [Черных, т. 2, с. 178], слов. (po)*riniti* “продвигать, толкать, гнать, литься, струиться” [Фасмер, т. 2, с. 115]. Древнейшее значение, связанное с началом процесса, сохраняется и в русском языке: *ринуться* - “броситься”.

В славянских языках эмоциональное значение у дериватов с данным корнем не фиксируется.

Развитие эмоционального значения “гнев” можно представить следующим образом: русск. *рѣн-* “начинать течь, струиться” → русск. *рѣн-* “гнев”.

РНЯТИ буквально – “излиться злобой, истечь гневом”.

роб - / *раб* - “вести себя как слабый, маленький → «испытывать страх»: *поуробьти* “испугаться, оробеть (о многих)” (XVII в.) [СРЯ, в. 18, с. 40]; *изробьти* “сробеть, струсить” (XVII в.) [СРЯ, в. 6, с. 205].

Древнейшее значение слов с корнем *роб-* восстанавливается на материале родственных языков: ср.: др.-инд. *arbhaká-h*, *arbha-h* “маленький, слабый (и мальчик)” [Черных, т. 2, с. 117]. Исследователи расходятся во мнении о первоначальном значении корня *роб-*. В.В.Иванов считает *робеть* собственно русским образованием от *робя* “ребенок”. *Робеть* (*робя* + *ьти*) буквально (здесь) - “быть подобным ребенку” [Шанский, с. 48], т.е. *робя* – наименование человека по возрасту. М. Фасмер производит *робеть* (а также *робкий*) от *робь* “раб, невольник” [Фасмер, т. 3, с. 487]. *Робеть* буквально (здесь) – вести себя как слуга, раб, испытывая страх, т.е. *рабь* / *робь* – наименование человека по положению в обществе. Та же этимологическая омонимия отмечается у В.И. Даля, который в словарной статье на *робя* отсылает к *ребя*, а в словарной статье на *работа* приводит однокоренное *роба* с тем же значением [Даль, т. 3, с. 372]. Таким образом, истинную картину развития эмоционального значения “страх” установить трудно, поскольку динамика значений “вести себя как раб, слуга / ребенок” соответствует одной семантической модели.

Однако можно точно предположить, что в процессе метафоризации актуализировалась сема “слабость, неактивность, подчиненность”, отмечаемая в обоих более поздних производных значениях. Поэтому мы, учитывая этимологические данные, можем сформулировать следующее инвариантное символическое значение: “маленький, слабый (и мальчик)”.

Развитие метафорического эмоционального значения “страх” у производных от прасл. корня * *orb* - произошло, по всей видимости, уже в великорусском языке, причем не позднее XVII в., что подтверждается памятниками письменности. Итак, развитие эмоционального значения “страх” можно представить следующим образом: прасл. * *orb* - “маленький, слабый,

зависимый” > русск. раб- / роб- “ребенок; раб, слуга“ → роб- “бояться, пугаться“.

ПОУРОБЬТИ буквально - “вести себя в страхе как слабый, маленький (т.е. не предпринимать активных действий по защите своей жизни)”.

порук- «производить какое-л. действие руками» → «гневаться»: *поруковати* “негодовать, возмущаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 17, с. 139].

Дериват с корнем *порук-* развивает эмоциональное значение «негодовать, гневаться» не позднее XVI века, что подтверждается памятниками русской письменности: *Двдъ порукуя*. (*δυσχεραίνω* в рукоп.) Меф. Пат. Оп. II (2). XVIв. [СРЯ, в. 17, с. 139]. Древнейшее значение, послужившее основой метонимического переноса, восстанавливается в результате этимологического анализа: *поруковати* < *рука* «собирающая» [Шанский, с. 515], тогда глагол *поруковати* - «производить какое-л. действие руками, то есть размахивать, поднимать, разводить и т.д.».

Таким образом, эмоциональное значение «гневаться» дериват с корнем *порук-* приобретает не позднее XVI века в результате семантического сдвига: рус. *порук-* «производить какое-л. действие руками» → рус. *порук-* «гневаться».

ПОРУКОВАТИ буквально – “действовать руками, давать волю рукам”.

рыд- “громко плакать” → «грустить»: *рыдати* 1) «рыдать, плакать, вопить», 2) «скорбеть» (XV в.) [СРЯ, в. 22, с. 273].

Лексема с корнем *рыд-* развивает эмоциональное значение «грусть» на основе первичной семемы «проливать слезы, плакать, рыдать», ср.: укр. *ридати*, блр. *рыдаць*, болг. *ридая* «рыдаю», с.-х. *рїдати* «стенать» // Родственно лит. *raudá* «плач, оплакивание», вост.-лит. *rauda* – то же, лтш. *raidā* «стенание, плач», лит. *surĩdau* «я загрустил» [Фасмер, т. 3, с. 456]. *Рыдать* образовано с помощью суф. *ати* от основы *рыд-*, являющейся производной с

суф. –д- от звукоподражательного *ры-* (ср. *рычать, рыгать, рыкать*) [Шанский, с. 396].

Основа семантического переноса может быть определена как «вопить, плакать вслух, навзрыд, всхлипывая».

Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: др.-русск. *рыд-* “громко плакать” → др.-русск. *рыд-* “грустить”.

РЫДАТИ «скорбеть, грустить» буквально - “громко плакать, рыдать”.

рыд-/ рд- “краснеть” → «испытывать стыд»: *обрдѣтися* (*обрѣдѣтися*) “устыдиться, покраснеть от стыда” (XIV в.) [СРЯ, в. 12, с. 148]; *рдѣтися* (*рдѣ-*) “быть красным, выделяться своим красным цветом”; “становиться красным”; “стыдиться, стесняться” (XIV в.) [СРЯ, в. 22, с. 125]; *обрыдатися* “краснеть, стыдиться” (XV в.) [СРЯ, в. 12, с. 148]; *обрдѣти* (*обрѣдѣти*) “устыдиться, покраснеть от стыда” (XVI в.) [СРЯ, в. 12, с. 148].

Одним из симптомов эмоции *стыда* является покраснение [Изард, 1980, с. 247]. Данный тип психологической реакции находит свое выражение в лексических единицах. В древнерусском языке (не позднее XIV века) лексемы с корнем *рыд-/ рд-* (< прасл. * *rūd-/ rŭd-* “становиться красным”) развивают эмоциональное значение “стыд”. Древнейшее значение, послужившее основой метонимического переноса, отмечается в родственных славянских и индоевропейских языках: др.-инд. *rudhirās* “красный”, лтш. *ruds* “красноватый”, греч. *ερευτηο* “обагрять”, др.-в.-нем. *rōt* “красный”. Первоначальное значение - “становиться красным”. Общеслав. корень имеет ту же основу, но на иной ступени чередования, что и *ржавый, руда*, ср. словен. *rdéti*, чеш. *rditi se* “краснеть” [Фасмер, т. 3, с. 453].

Исходное значение, послужившее основой для развития эмоциональной семемы, можно описать так: “становиться красным, краснеть”.

Таким образом, метонимический перенос можно представить следующим образом: русск. *рыд* - / *рьд*- “становиться красным, краснеть” → русск. *рыд*- / *рьд*- “стыдиться”.

ОБРЫДАТИСЯ «стыдиться» буквально - “становиться красным, рдеть”.

сверЪн- / *свирЪн-* “процесс: сверхнорма – обильность, рост, внезапность” → «гнев»: *рассверЪнитися* (*расверЪнЪтися*) и *рассвирЪнитися* “прийти в ярость” (XII в.) [СРЯ, в. 22, с. 46]; *воссверЪнЪтися* “разъяриться” (XIII в.) [СРЯ, в. 3, с. 56]; *воссверЪнЪти* “разъяриться” (XIV в.) [СРЯ, в. 3, с. 56]; *рассвЪрЪнЪти* (*расвер-*) и *рассвирЪнЪти* 1) “стать необузданным, взбунтоваться”, 2) “разъяриться, рассвирепеть” (XIV в.) [СРЯ, в. 22, с. 46].

Лексемы с корнем *сверЪн-* / *свирЪн-* (< о.-сл. * *sve*-< и.-е. **sue*, **se*; **sve*< и.-е. **sue*- [Черных, т. 2, с. 147]) развивают эмоциональное значение в древнерусском языке.

В родственных славянских языках однокорневые дериваты отмечаются только с первичным значением “избыточность, быстрый рост”: др.-русс. *сверЪный* «дикорастущий, дикий; страстный», *сверЪние* «неистово», *сверЪница* «дикий горох», чеш. *sveřery* «жестокий», польск. *świerzera* «кобыла», др.-прусс. *sweriapis* «конь для ристалищ». По мнению М.Фасмера, первоначально к нек. диким растениям, засоряющим ниву или дикорастущим (ср. *сверЪница* «дикий горох») [Фасмер, т. 3, с. 580].

Исходную семему, на основе которой произошел метафорический перенос, можно описать так: “дикий, большой, обильный”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “страх” представляется следующим образом: русск. *сверЪн-* / *свирЪн-* “ дикий, большой, обильный ” → русск. *сверЪн-* / *свирЪн-* “гневный”.

ВОССВЕРЪПТИ буквально - “переполниться яростью; дико, неистово прорасти гневом”.

сѣт- “стенать, плакаться, жаловаться” → «грусть»: *посѣтовати* “испытать скорбь” (XIV в.) [СРЯ, в. 17, с. 164]; *воссѣтовати* «начать печалиться, скорбеть» (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 56].

Дериваты с корнем *сѣт-* развивают эмоциональное значение не позднее XIV века. Первоначальным значением слова было, вероятно, «плакаться, роптать». М.Фасмер приводит родственные славянские образования, сохранившие исходное значение: русск. *сѣтовати* «пенять, роптать», с.-хорв. *сјетовати* «оплакивать» [Фасмер, т. 3, с. 614]. Древнейшее значение корня отмечается и в словаре В.И.Даля *сѣтовать* «роптать, пенять, плакаться, жаловаться» [Даль, т. 4, с. 699].

Первичную семему можно описать как “выражение эмоции: стенать, плакаться, жаловаться”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “грусть” посредством метонимического переноса мы представляем следующим образом: русск. *сѣт-* “стенать, плакаться, жаловаться” → русск. *сѣт-* “грустить”.

ПОСЪТОВАТИ «скорбеть» буквально- “пожаловаться, поплакаться” (ср. сходный путь семантического переноса в словах с корнями: *дых-*, *стон-*, *рыд-*, *плак-*, *скуч-*).

скуч- “скулить, выть, кричать” → «грустить»: *поскучити* “заскучать, соскучиться” (XVII в.) [СРЯ, в. 17, с. 171].

Русское *поскучити* со значением “заскучать, соскучиться” восходит к праслав. * *skuč-* «скулить» (< * *ku-* «звукоподражательное» [Черных, т. 2, с. 172]) . Первичное значение праславянского корня сохраняется в родственных славянских языках: с.-х. *скучити*, словен. *skúcati* «скулить, визжать», чеш. *skučeti*, *skoukati* «выть, скулить» [Черных, т. 2, с. 172]; возможно, звукоподражательное: *скучать* < *скука* < *съкукати* < *кукати* «горевать, плакать» < звукоподраж. *ку* (ср. *кукушка*, *курица*) и первоначально обозначало «кричать» [Шанский, с. 414]; в диалектах *в грудях скучно* «грудь болит, ноет в

груди» [Черных, т. 2, с. 172], *скука* «состояние, когда хочется выть», ср. *собака скучит* «скулит, воет» [СРНГ, в. 8, с. 435]. У В.И.Даля *скучать* “жить во скуке, в одиночестве, въ безделье, томиться праздностью // грустить, тосковать” [Даль, т. 4, с. 235].

Таким образом, первичное значение (“внешнее выражение эмоций” русск. *скуп-*, ставшее основой для развития в русском языке эмоционального значения) можно описать как “скулить, выть, кричать”.

Развитие эмоционального значения “грусть” представляется нам в виде следующей схемы: русск. *скуп-* “скулить, выть, кричать” → русск. *скуп-* “заскучать, соскучиться”.

ПОСКУЧИТИ буквально – “выть, скулить”.

слаб- “слабеть, лишиться силы” → «грустить»: *ослабление*, с. 1) «физическая слабость», 2) «утрата нрав. силы», 3) «облегчение», 4) «скорбь, горе» (XV в.) [СРЯ, в. 13, с. 104]; *ослабитися*¹ 1) «утратить нравственную силу, стойкость», 2) «отказаться, уклониться от чего-либо», 3) «поддаться чему-либо», 4) «предаться печали, скорби; сокрушаться» (XV в.) [СРЯ, в. 13, с. 103].

Исследуемые лексемы восходят к слав.* *slabъ* (< *(s)lēb – “слабый, бессильный” [Черных, т. 2, с. 173]) . В родственных языках отмечаются дериваты с древнейшим значением: укр. *слабиш*, блр. *слабы*, имеет соответствия в балтийских и германских языках, лит. *slōbti*, *slobstú* «слабеть, терять сознание», лтш. *slābt* «обмякнуть, поникнуть», лит. *slābuas* «слабый» [Фасмер, т. 3, с. 664]; нем. *Schlof* «сон», *slāffen* «спать» [Черных, т. 2, с. 173].

Таким образом, значение, послужившее основой для метонимического переноса, мы определяем как “слабеть, утрачивать силы”.

Развитие эмоционального значения “грусть” можно представить следующим образом: русск. *слаб-* “слабеть, лишиться силы” → русск. *слаб-* “грустить”.

ОСЛАБИТИСЯ «грустить, печалиться» буквально – “слабеть, утрачивать силы”.

смб- / *сми-* “улыбаться, шутить, смеяться” → «потешаться»: *насмбвати* “насмехаться, высмеивать, потешать” (XII в.) [СРЯ, в. 10, с. 257]; *насмбимвати* “насмехаться, потешаться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 196]; *посмбхатися* “насмехаться, издеваться, глумиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 196]; *посмисати* “глумиться” (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 197]; *посмбвати* “осмеивать, потешаться” (XIII в.) [СРЯ, в. 17, с. 195]; *посмбьяние* “осмеяние, глумление, насмешка; позор” (XIV в.) [СРЯ, в. 17, с. 196]; *посмбшество*, “насмешка”; “позор, стыд” (XIV в.) [СРЯ, в. 17, с. 196]; *посмбхати* “смеяться, издеваться, глумится” (XV в.) [СРЯ, в. 17, с. 196]; *посмисатися* “насмехаться, глумиться” (XVII в.) [СРЯ, в. 17, с. 197]; *просмбяти* “насмеяться над кем-л.” (XVII в.) [СРЯ, в. 20, с. 225].

Эмоция *потехи* (*гневной радости*) выражается обычно в смехе, словах. Так, слова с корнем *смб-* / *сми-* (< о.-сл. * *smijati se*, *směxъ* “улыбаться, смеяться” [Фасмер, т. 3, с. 687]) развивают эмоциональное значение, вероятно, не позднее XII века. В родственных языках дериваты отмечаются только с первичным значением “внешнее проявление эмоции”. Современная форма (из др. русск. *смбятися*) возникла после отпадения безударного *И* и изменения *Б* в *И*. Болг. *смех*, сербохорв. *смійхъ*, польск. *śmiech*, в.-луж., н.-луж. *směch*. Др. ступень чередования гласного: др. русск. *насмисати ся* “насмехаться” // Прасл. * *smijati se*, *směxъ* “улыбаться, смеяться” родственно лтш. *smiêt*, *smeju* “смеяться, шутить, поднимать на смех”, лтш. *smieties* “смеяться”, др.-инд. *smáytē* “улыбаться”, англ. *smile* “смеяться”, греч. *μείδαω* “улыбаюсь” [Фасмер, т. 3, с. 687]. Исходную семему можно описать так: “улыбаться, шутить, смеяться”.

Таким образом, развитие эмоционального значения “потеха” происходило путем метонимизации: о.-сл. * *smijati se*, *směxъ* “улыбаться, шутить, смеяться” → русск. *смб-* / *сми-* “насмехаться”.

НАСМЬВАТИ буквально - “смеяться над кем-то, улыбаться, подшучивать”.

стон- “стонать, вздыхать, кряхтеть” → «грустить»: постонати «поскорбеть, поплакать» (XII в.) [СРЯ, в. 17, с. 247].

Дериваты с корнем *стон-* являются общеслав. индоевропейского характера. М.Фасмер приводит родственные слова: др.-русск. *стонати*, чеш. *ston, stonati* // Родственно лит. *stenėti, stenú* «стонать», лтш. *stenêt*, прусск. *stint, stinos* «выстраданный», англосакс. *stenon* «стенать», др.-инд. *stánati* «гремит, грохает» [Фасмер, т. 3, с. 766].

Тогда первичное значение, послужившее основой метонимического переноса (не позднее XII века), можно описать так: “стонать, вздыхать, кряхтеть”.

Развитие эмоционального значения “грусть”, вероятно, происходило по следующей схеме: русск. *стон-* “стонать, вздыхать, кряхтеть” → русск. *стон-* “грустить”.

ПОСТОНАТИ буквально – “постонать, поплакать, повздыхать”.

стереч- / **стерег-** “стеречь, караулить” → «испытывать страх»: выстереганье “страх, боязнь” (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 259].

Слова с корнем *стереч-* / *стерег-* восходят к праслав. * *stergti-* “стеречь, караулить”, развившемуся на основе более древнего значения и.-е. корня * *sterg-* “люблю (забочусь), имею удовольствие, терплю, переношу” [Черных, в. 2, с. 202]. Древнейшие значения сохранились в родственных славянских и индоевропейских языках: укр. *стерегу́, стеречи́*, ст. сл. *СТРЬГУ, СТРЬШТИ*, словен. *stréči* “стеречь, караулить”, польск. *srtrzege, strzec* “караулить”; др.-лит. *sérgmi* “стерегу”, лит. *sárgas* “сторож”, ср. греч. *στέρω* “люблю, забочусь” [Черных, в. 2, с. 202].

Тогда первичным значением праславянского корня, послужившим основой метонимизации, вероятно, можно считать “любить, охранять, заботиться, караулить”.

В славянских языках эмоциональное значение “страх” не отмечается. Развитие эмоционального значения “страх” можно представить следующим образом: причина – состояние: и.-е. * *sterg-* “люблю (забочусь), имею удовольствие, терплю, переношу” > праслав. * *stergti-* “стеречь, караулить” → следствие – эмоция: русск. *стереж-* / *стерег-* “страх, боязнь, опасение” (Ср. русск. *стеречь* “стеречь, охранять” и русск. разг. *поостеречься* “поберечь себя, побояться за свою жизнь”).

ВЫСТЕРЕГАНЬЕ буквально – “охрана, забота”.

***страх-* / *страш-* “оцепенеть, превратиться в лед”** → «испытывать страх»: *обстрашиться* “устрашится” (XVI в.) [СРЯ, в. 12, с. 171]; *застрашиться* “устрашиться” (XVI в.) [СРЯ, в. 5, с. 307]; *исстрашатся* (*истращаться*) “сильно испугаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 6, с. 311]; *острашиться* “устрашится, испугаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 13, с. 155]; *пострашиться* “устрашиться, испугаться” (XVI в.) [СРЯ, в. 17, с. 255]; *пристрашие* “угроза, страх” (XVI в.) [СРЯ, в. 20, с. 38]; *перестрастие* “боязнь, страх” (XVI в.) [СРЯ, в. 14, с. 293].

Эмоциональное значение в дериватах с корнем *страх-* / *страш-* развилось на базе регулярной связи: выражение эмоции – русск. *страх-* / *страш-* “оцепенеть, быть неподвижным, не шелохнуться” (ср. род. лит. *stregti* “оцепенеть, превратиться в лед” [Фасмер, т. 3, с. 278]) → эмоция – русск. *страх-* / *страш-* “страх”.

ОСТРАШИТИСЯ буквально- “оцепенеть”.

***стрѣк-* “прыгать, скакать, сигать”** → «гневаться»: *пострѣкаться* “приходить в возбуждение, гневаться” (XI в.) [СРЯ, в. 22, с. 73].

В лексеме *пострѣкаться* в результате метонимического переноса развивается значение «приходить в возбуждение, гневаться». В словаре В.И.Даля отмечается дериват с древнейшим значением: *стрѣкати*, стар. «прыгать, скакать, сигать // егозить туда и сюда; кинуться куда-л. опрометью, прыснуть» [Даль, т. 4, с. 571].

Таким образом, значение, послужившее основой для семантического сдвига, можно сформулировать как «прыгать, скакать, сигать».

В древнерусском языке на основе этого значения в результате символического переноса происходит развитие эмоционального значения «гнев». Развитие эмоционального значения «гнев» можно представить следующим образом: русск. *стрѣк-* «прыгать, скакать, сигать» → русск. *стрѣк-* «гневаться».

ПОСТРѢКАТИСЯ буквально – «прыгать, скакать, сигать».

тек- "внезапно, быстро начать течь" → «разгневаться»: *встеклый* «бешеный, разъяренный» (XVII в.) [СРЯ, в. 3, с. 153].

Лексема с корнем *тек-* (< о.-сл. * *tekti*, * *teko* < * и.-е. *tek*^u «бежать, течь» [Черных, т. 2, с. 243]) приобретает эмоциональное значение «гнев» на основе древнего инвариантного значения "начало процесса течения".

Значение о.-сл. * *tek-* "процесс течения" отмечается не только в родственных славянских (болг. *тека́*, словен. *těcet*, чеш. *teku*, польск. *ciekę*, н.-луж. *śac* «течь» [Фасмер, т. 4, с. 37]), но и индоевропейских языках: лит. *tekú* «бежать, течь», др.-инд. *tákti* «спешит, устремляется», ирл. *techim* «убегаю», алб. *ndjek* «преследую, гоню» [Фасмер, т. 4, с. 37]; в др.-русск. языке с XI века *течи* «течь, литься, двигаться, бежать, стремиться» [Черных, т. 2, с. 243].

Таким образом, значение русск. *тек-*, ставшего основой для развития в русском языке эмоционального значения, можно описать как "внезапно, быстро начать течь".

Развитие эмоционального значения "гнев" можно представить следующим образом: др.-русск. *тек-* "внезапно, быстро начать течь" → др.-русск. *тек-* "прийти в сильный гнев". В родственных славянских языках сходное эмоциональное значение отсутствует. Кроме того, переносное значение лексемы с корнем *тек-* приобретают не позднее XVII века, что подтверждается материалами памятников.

ВСТЕКЛЫЙ «бешеный» буквально – "внезапно изливающийся".

тороп- "замешкаться, спешиться" → «страх»: *оторопь* "страх, испуг" (XII в.) [СРЯ, в. 13, с. 292]; *исторопитися* "прийти в смятение; испугаться" (XIII в.) [СРЯ, в. 6, с. 331].

Производные с корнем *тороп-* со значением «страх» фиксируются в древнерусских текстах с XII века: *И яко бысть уронень и искочи и шатъра въ оторопь и нача глати стояще округъ его.* (Сказ. Бор. Глеб.). Усп. сб., 48. XII-XIII в.в. [СРЯ, в. 13, с. 292]; *Слухъ насъ дошелъ, что вы, исторопясь воровъ, неволею крестъ целовали.* ААЭ II, 183. 1608 г. [СРЯ, в. 6, с. 331].

Первичное значение, ставшее основой для метонимического переноса, отмечается в древнерусском языке: *Возложи оторопь на Адама и успячего вынея ребро и створи ему жену, а свое ребро прободь, створи црковь.* (Сл.) Мус. Пушк. сб., 34. XI в. [СРЯ, в. 13, с. 292], где *оторопь* "оцепенение, бесчувственность". Этимологически *о-торопеть* "приходить в замешательство" является собственно русским образованием, восходящим к *торопь* или *торопь* "спех" [Черных, в. 2, с. 198].

Таким образом, исходное значение можно описать как «выражение эмоции: перестать двигаться».

На основе этих данных формирование эмоционального значения "страх" представляется нам следующим образом: индикатор страха – др.-русск. *тороп-* "замешкаться, спешиться" → эмоция – др.-русск. *тороп-* "испугаться".

ИСТОРОПИТИСЯ буквально – "замешкаться, оцепенеть".

трепет- “задрожать, заколебаться” → «испытать страх»: *встрепетати* «испугаться» (XII в.) [СРЯ, в. 3, с. 62].

Страх (как мы уже отмечали) может выражаться различными моторными актами. Так, лексема *вострепетати* с корнем *трепет-* (< о.-сл. * *trep-* < * *trep* “мелко шагать, топотать, семенить ногами” [Черных, т. 2, с. 261]) развивает эмоциональное значение в древнерусском языке, поскольку восстанавливается в памятниках древнерусской письменности уже с XIII века (*Притекоша царие и поклониша вельможя, и въстрепеташа сиянии, ужасашася иноязычници, видяще челоуьки небесныя, по земле ходяща*. Патерик. Печ., 66. XVв.~XIIIв. [СРЯ, в. 13, с. 62-63]) , а в родственных славянских языках однокорневые дериваты отмечаются только с первичным значением “внешнее проявление эмоции”. По мнению М.Фасмера, *трепетать* родственно др. прусск. *trapt* со значением “ступать, выступать”, лит. *trepti* “топать ногами” [Фасмер, т. 4, с. 167]. Этимологическое значение отмечается и в памятниках древнерусской письменности: *Видь образ влдскыи... и вьсь въстрепета плтью*. Усп. сб., 446. В словаре В.И.Даля *вострепетать* “начать трепетать, дрожать; вздрогнуть” [Даль, т. 1, с. 615], *трепетать* “дрожать, трястись, вздрагивать // обстрашиться, бояться, ожидать со страхом” [Даль, т. 4, с. 831].

Учитывая эти данные, первичную семему мы можем описать как “дрожать, колебаться”.

Таким образом, появление эмоционального значения “страх” можно представить следующим образом: форма выражения – русск. *трепет-* “дрожать, трястись” → русск. *трепет-* “бояться, пугаться”.

ВСТРЕПЕТАТИ буквально- “вздрагивать, трястись”.

тряс- “испытать сотрясение, задрожать” → «испытать страх»: *вострястися* «испугаться» (XVI в.) [СРЯ, в. 3, с. 64].

Глагол *вострястися* отмечается в памятниках письменности с XVI века: *Да се вьдяше правовьрнии людие востряшошася*. ВМЧ. Ноябрь. 13-15., 948.

XVI в. [СРЯ, в. 3, с. 64]. Древнейшее значение корня *тряс-* (< прасл. * *tręsa*, *tręsti*, являющихся контаминацией и.-е. < * *treme* “двигаться; скакать” [Фасмер, т. 4, с. 113]) сохраняется в родственных славянских и индоевропейских языках: укр. *трясти*, *трясу*, ст.сл. *ТРЯСТИ*, польск. *trząść*, в.-луж. *třasć*, н.-луж. *tšěsć* “трястись, дрожать”. Ср. греч. *tremō* “дрожу”, лит. *trimti* “дрожать от холода”, греч. *trem* “пугаюсь”, др.-сакс. *thrimmar* “прыгать, скакать” [Фасмер, т. 4, с. 113]. Значение, ставшее основой метонимического переноса, отмечается и в русском языке: *Егда бо въскрься вътряся ся мѣсто отъ основании ею и воинства англѣска обидоша гробъ ею*. Усп. сб., 403. XII [СРЯ, в. 3, с. 64], где *вътрястися* “испытать сотрясение, задрожать”.

Учитывая этимологические данные, можно сформулировать первичное значение следующим образом: “выражение эмоции: трястись, дрожать”.

Развитие эмоционального значения “страх” представляется возможным реконструировать в виде схемы: моторный акт – русск. *тряс-* “трястись, дрожать” → русск. *тряс-* “бояться, пугаться” (производные славянские и индоевропейские дериваты отмечаются только с древнейшим значением).

ВОСТРЯСТИСЯ буквально - “трястись, дрожать”.

***тризн-* “справлять тризну, победу над врагом” → «потешаться»:**
натризнити «насмеяться, потешаться» (XV в.) [СРЯ, в. 10, с. 287].

Мотив древнейших праздников и ритуалов выражен в русских словах с корнем *тризн-* “гневно радоваться”, восходящим к прасл.* *tryzna*, которое, судя по по зап.-слав. формам, связано чередованием гласных с *травить* (первоначально прасл.* *tryzna* «поминальное угощение» [Иванов, Топоров, 1974, с. 143]). В родственных славянских языках сохранились дериваты с древнейшим значением: чеш. *trýzeň* «мука, мучение», *tryzniti* «мучить, пытаться», словц. *trýzeň* «мучение», польск. *tryźnić* «тратить (время)» [Фасмер, т. 4, с. 102]. Архаическое значение корня отмечается также в древнерусском языке: др. русск. *тризна* (с XII в.), также *трызна* “состяжание, подвиг; награда; поминальное пиршество”. В словаре В.И.Даля исследуемые лексемы даются с

пометой «стар.»: *тризна* “поминование усопших”, *тризовать* «править, праздновать тризну, справлять поминки» [Даль, т. 4, с. 480].

Таким образом, значение, послужившее основой для метонимического переноса, можно сформулировать как “справлять тризну, праздновать поминки”.

Не позднее XV века на основе этого значения в результате метонимического переноса происходит развитие эмоционального значения “радость” (лексемы, восходящие к слав. * *tryzna*, не отмечаются в родственных славянских языках с переносным эмоциональным значением). Развитие эмоционального значения “радость” можно представить следующим образом: русск. *тризн-* “справлять тризну, победу над врагом” → русск. *тризн-* “испытывать удовольствие; радоваться, потешаться”.

НАТРИЗНИТИ «потешаться» буквально – “ощущать радость от победы, чувствовать себя победителем”.

хрит- “приводить в смущение, кричать” → «стыдиться»: *похрит* «стыд, позор» (XIII в.) [СРЯ, в. 18, с. 62].

М.Фасмер относит *похрить* «к *хритать* “приводить в смущение”, подчеркивая его только русское происхождение: *хритати* (*ca*) – то же *охрити*. Исконно слав. слово. возм. родственно д.-в.-н. *scrain*, ср.-в.-н. *schriēn* “кричать”» [Фасмер, т. 4, с. 276].

Первичную семему, послужившую основой метонимического переноса в древнерусском языке не позднее XIII века, можно описать так: “приводить в смущение, кричать”.

Развитие эмоционального значения “стыд”, вероятно, происходило по следующей схеме: причина - (действие, направленное на человека) “приводить в смущение, кричать” (русск. *хрит-*) → следствие- “стыдиться” (русск. *похрить*). Таким образом, метонимический перенос произошел на базе

регулярной причинно-следственной связи: вследствие насмешек, унижения, криков человек начинает стыдиться.

Тогда *ПОХРИТ* «стыд» буквально – "стыдиться от крика".

шут- “представить кого-л. шутом (дураком) через свое поведение, слова, жесты” → «потешаться»: *ошутить* “высмеять; потешаться; представить кого-л. шутом” (XVI в.) [СРЯ, в. 14, с. 109].

В русском языке (не позднее XVI века) в лексеме корнем *шут*- происходит развитие значения «радость (потеха)». В родственных языках сходное значение не отмечается.

Исходное значение восстанавливается в славянских и индоевропейских языках: *шут* общеслав., имеющее соответствие в балт. яз. корень тот же, что и в лтш. *šust* «шутить»; родственно лит. *siaũsti* «бушевать», *siaũstis* «веселиться», лтш. *sãũtis* «дурак», болг. *вишутявали се* «глупо веду себя, по-детски», словен. *šũtes* «несуразный человек» [Фасмер, т. 4, с. 491; Шанский, с. 517], в словаре В.И.Даля *ошутить* - «одурачить, насмеяться кому-л.» [Даль, т. 2, с. 2028]. О древнем инвариантном значении можно судить и по сохранившимся в современном русском языке однокоренным лексемам: *шут*, *шутить*.

Таким образом, исходное значение, ставшее основой метонимического переноса, можно описать следующим образом: “представить кого-л. шутом (дураком) через свое поведение, слова, жесты”.

ОШУТИТЬ буквально - “ представить кого-л. шутом (дураком) через свое поведение, слова, жесты ”.